

ISSN 0131-6117

РУСС-

R U S S I A N

СЛОВА

S P E E C H

РЕЧЬ

МОСКВА, 2023

НОЯБРЬ –
ДЕКАБРЬ

Журнал основан в январе 1967 года

Выходит 6 раз в год

Главный редактор:

А. Д. Шмелев д. ф. н., проф., член-корр. РАН, Московский педагогический государственный университет;
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Зам. главного редактора:

М. Л. Каленчук д. ф. н., член-корр. РАН, проф., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
Е. Я. Шмелева к. ф. н., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Редколлегия:

О. В. Антонова к. ф. н., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
Е. Л. Березович д. ф. н., член-корр. РАН, проф., Уральский федеральный университет
А. А. Гиппиус д. ф. н., академик РАН, проф., Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»; Институт славяноведения РАН
М. Горэм PhD, проф., Флоридский университет, США
В. В. Дементьев д. ф. н., проф., Саратовский национальный исследовательский государственный университет
им. Н. Г. Чернышевского
Е. Е. Дмитриева д. ф. н., член-корр. РАН, проф., Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН
А. Ф. Журавлев д. ф. н., проф., Институт славяноведения РАН; Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова
А. В. Занадворова к. ф. н., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
А. А. Кибрик д. ф. н., проф., Институт языкознания РАН; Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова
Ю. А. Клейнер д. ф. н., проф., Санкт-Петербургский государственный университет
А. М. Красовицкий PhD, Оксфордский университет, Великобритания
М. А. Кронгауз д. ф. н., проф., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Д. М. Магомедова д. ф. н., проф., Российский государственный гуманитарный университет
В. И. Новиков д. ф. н., проф., Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
М. А. Осадчий д. ф. н., проф., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
М. С. Полинская PhD, проф., Мэрилендский университет, США
Е. Ю. Протасова PhD, проф., Хельсинкский университет, Финляндия
М. А. Пузина к. ф. н., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
Х. Пфандль Dr. phil., проф., Грацский университет, Австрия
Л. Рязанова-Кларк PhD, проф., Эдинбургский университет, Великобритания
А. А. Соколянский д. ф. н., проф., Северо-Восточный государственный университет

Зав. редакцией: **О. В. Антонова**
Зав. отделами: **А. В. Занадворова, М. А. Пузина**

Статьи отбираются редколлегией
журнала на основе анонимного
независимого рецензирования.

Журнал индексируется в: Российский
индекс научного цитирования (РИНЦ).

Адрес редакции: 119019, Москва,
ул. Волхонка, 18/2, Институт русского
языка им. В. В. Виноградова РАН,
редакция журнала «Русская речь»

Телефон: +7 495 637-27-35
E-mail: rus-rech@mail.ru
Сайт: <http://russkayarech.ru/>

© Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН
© Государственный институт
русского языка им. А. С. Пушкина
© Российская академия наук
© Составление. Редколлегия журнала
«Русская речь», 2023

ISSN 0131-6117

Russian

R U S S K A Y A

Speech

R E C H'

MOSCOW, 2023

NOVEMBER –
DECEMBER

Founded in January 1967

6 issues per year

Editor-in-chief:

Alexei D. Shmelev

Moscow State University of Education; Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Assistant editors:

Maria L. Kalenchuk

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Elena Ya. Shmeleva

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Editorial board:

Olga V. Antonova

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Elena L. Berezovich

Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

Vadim V. Dementyev

Saratov State University, Saratov, Russia

Evgeniya E. Dmitrieva

M. A. Gorky Institute of World Literature (RAS), Moscow, Russia

Alexei A. Gippius

National Research University Higher School of Economics; Institute of Slavic Studies (RAS), Moscow, Russia

Michael Gorham

University of Florida, Gainesville, USA

Andrey A. Kibrik

Institute of Linguistics (RAS), Moscow, Russia; Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Yury A. Kleiner

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Alexander M. Krasovitsky

University of Oxford, UK

Maxim A. Kronhaus

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Dina M. Magomedova

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Vladimir I. Novikov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Mikhail A. Osadchiy

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Heinrich Pfandl

University of Graz, Austria

Maria Polinsky

University of Maryland, College Park, USA

Ekaterina Y. Protassova

University of Helsinki, Finland

Maria A. Puzina

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Larissa Ryazanova-Clarke

University of Edinburgh, UK

Alexander A. Sokolyansky

North-Eastern State University, Magadan, Russia

Anna V. Znadvorova

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Anatoly F. Zhuravlev

Institute of Slavic Studies (RAS); Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Managing editor:

Olga V. Antonova

Editorial staff:

Anna V. Znadvorova, Maria A. Puzina

Articles are selected by the editorial board on the basis of blind peer review process.

Abstracting / Indexing: Rossiiskii indeks nauchnogo tsitirovaniya (RINTS).

Address: «Russkaya rech'», editorial office, Vinogradov Russian Language Institute (RAS), Volkhonka street, 18/2, Moscow, 119019, Russia

Telephone: +7 495 637-27-35

E-mail: rus-rech@mail.ru

Website: <http://russkayarech.ru/>

Содержание

Проблемы современного русского языка

- 7..... Ю. С. Виноградова, В. О. Прокаева, Е. И. Риехакайнен. Паузы бывают разные: многомерная классификация пауз для разметки корпусов русской устной речи
- 24..... Е. С. Громенко. О явлении «терминологического шума» в языке современных массмедиа
- 38..... О. С. Иссерс. Разговорная речь как ресурс для коммерческих номинаций городских объектов
- 52..... Н. В. Семёнова, А. В. Рубцова. «Суету навести охота!»: от мема к речевой практике
- 63..... Л. Л. Шестакова, А. С. Кулева. «Словарь языка русской поэзии XX века» в контексте цифровой авторской лексикографии
- 77..... О. П. Фесенко. Армия и военнослужащие в жанре анекдота: на примере образа прапорщика

Язык художественной литературы

- 86..... Н. В. Капустин. Стихийные риторы и филологи в пьесах А. Н. Островского: «Таланты и поклонники»
- 95..... З. Ю. Петрова, Н. А. Фатеева. Система сравнений и метафор в романе О. Славниковой «2017»
- 107..... Чжао Сайнань. Анализ структуры текстового пространства в романе Б. Л. Пастернака «Доктор Живаго»: пространственная оппозиция Москва — Юртин

Из истории науки

- 116..... Н. Д. Светозарова. Как сделана «глокая куздра»

Contents

Issues of Modern Russian Language

- 7..... *Yuliya S. Vinogradova, Valeriya O. Prokaeva, Elena I. Riekhakaynen.* Not All Pauses are the Same: Multidimensional Classification of Pauses for the Annotation of Russian Spoken Corpora
- 24..... *Elizaveta S. Gromenko.* On the Phenomenon of “Terminological Noise” in the Language of Modern Mass Media
- 38..... *Oxana S. Issers.* Colloquial Speech as a Source of Commercial Nominations for Urban Objects
- 52..... *Natal'ya V. Semenova, Anna V. Rubtsova.* “*Suetu Navesti Okhota!*”: from the Meme to Everyday Speech
- 63..... *Larisa L. Shestakova, Anna S. Kuleva.* “Dictionary of the Language of Russian Poetry (20th Century)” in the Context of Digital Author Dictionary
- 77..... *Olga P. Fesenko.* Military Personnel in the Genre of Anecdote: On the Example of the Image of an Ensign

The Language of Fiction

- 86..... *Nikolai V. Kapustin.* Spontaneous Rhetoricians and Philologists in A. N. Ostrovsky’s plays: “Talents and Admirers”
- 95..... *Zoya Yu. Petrova, Natalia A. Fateeva.* A System of Similes and Metaphors in O. Slavnikova’s Novel “2017”
- 107..... *Zhao Sainan.* Analysis of the Structure of Text Space in the Novel by B. L. Pasternak “Doctor Zhivago”: Spatial Opposition Moscow — Yuryatin

From the History of Science

- 116..... *Natalia D. Svetozarova.* How is “Glokaya Kuzdra” Made

Паузы бывают разные: многомерная классификация пауз для разметки корпусов русской устной речи

Юлия Сергеевна Виноградова, Валерия Олеговна Прокаева,
Елена Игоревна Риехакайнен, Санкт-Петербургский государственный университет
(Россия, Санкт-Петербург), e.riehakajnen@spbu.ru

DOI: 10.31857/S013161170029350-4

АННОТАЦИЯ: В статье рассматриваются русскоязычные устные корпуса, в которых размечены паузы, и приводится обзор исследований пауз. Мы определяем паузу как один из элементов интонации, выраженный на фонетическом уровне непродолжительным перерывом в речи или сменой тона, воспринимаемой как перерыв. На основе существующих классификаций пауз мы предлагаем новую классификацию, включающую три независимых уровня: 1) физическая природа паузы (состоит из двух связанных между собой подуровней: описывающего паузы с точки зрения темпоральности и заполненности и подуровня, на котором определяется, чем именно заполнены паузы), 2) позиция по отношению к грамматико-смысловой структуре дискурса (паузы, возникающие на границе элементарных дискурсивных единиц или внутри них), 3) функция (эмфатические, ритмические, ситуативные, дыхательные, паузы хезитации). На наш взгляд, такая классификация наиболее удобна для аннотирования устной речи, поскольку учитывает различные аспекты описания пауз. Наибольшие сложности вызывает отнесение конкретной паузы к тому или иному типу на последнем уровне, поскольку исследователю не всегда удастся определить исходный замысел говорящего. В завершающей части статьи приводится обзор психолингвистических исследований паузации и описывается конкретная задача, для решения которой будет применена представленная в статье классификация пауз.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: паузы, корпусы устной речи, корпусная лингвистика, фонетика, русский язык

для цитирования: Виноградова Ю. С., Прокаева В. О., Риехакайнен Е. И. Паузы бывают разные: многомерная классификация пауз для разметки корпусов русской устной речи // Русская речь. 2023. № 6. С. 7–23. DOI: 10.31857/S013161170029350-4.

БЛАГОДАРНОСТИ: Исследование выполняется в рамках проекта «Роль лингвистических характеристик речи в результативных учительских практиках: корпусные и психолингвистические данные», осуществляемого при финансовой поддержке СПбГУ (ID проекта 101747352).

Благодарим нашего коллегу Владислава Ивановича Зубова за ценные комментарии на этапе разработки классификации пауз, а также анонимного рецензента за предложения по доработке первой версии статьи.

Issues of Modern Russian Language

Not All Pauses are the Same: Multidimensional Classification of Pauses for the Annotation of Russian Spoken Corpora

Yuliya S. Vinogradova, Valeriya O. Prokaeva, Elena I. Riekhakaynen,
St. Petersburg State University (Russia, St. Petersburg), e.riehakajnen@spbu.ru

ABSTRACT: We describe the Russian spoken corpora with the annotation of pauses and provide an overview of studies of pauses. We define a pause as one of the elements of intonation, expressed at the phonetic level by a short break in speech or a tone change, perceived as a break. We consider the existing classifications of pauses and propose a new classification. It includes three independent levels: 1) the physical nature of the pause (consists of two sublevels: the one that describes the pauses in terms of their temporal nature and filling, and the sublevel at which we determine what exactly the pauses are filled with), 2) position within the grammatical and semantic structure of the discourse (pauses that

occur on the border of elementary discourse units or within them), 3) function (emphatic, rhythmic, situational, respiratory, hesitation pauses). We assume that such a classification is most convenient for annotating speech since it considers various aspects of the description of pauses. Annotators seem to face the greatest difficulties while assigning a pause to a particular type at the last level, since it is not always easy to understand the intention of the speaker. In the final part of the paper, we provide an overview of psycholinguistic studies of pauses and describe a specific research question, that we are going to study using our classification of pauses.

KEYWORDS: pauses, spoken corpora, hesitations, corpus linguistics, phonetics, Russian

FOR CITATION: Vinogradova Yu. S., Prokaeva O. V., Riekhakaynen E. I. Not All Pauses are the Same: Multidimensional Classification of Pauses for the Annotation of Russian Spoken Corpora. *Russian Speech = Russkaya Rech'*. 2023. No. 6. Pp. 7–23. DOI: 10.31857/S013161170029350-4.

ACKNOWLEDGEMENTS: The paper is a part of the project “The Role of Linguistic Features of Speech in Effective Teaching Practices: A Corpus-based and Psycholinguistic Study”, supported by St. Petersburg State University (project ID 101747352).

We thank our colleague Vladislav Ivanovich Zubov for valuable comments at the stage of developing the classification of pauses, as well as an anonymous reviewer for suggestions on finalizing the first version of the article.

1. Введение

На современном этапе развития лингвистики большое внимание уделяется изучению устной речи и ее интонационных характеристик. Статья посвящена одному из элементов интонации — паузации. Термин «пауза» в словарях лингвистических терминов трактуется как временная остановка звучания [Ахманова 1966: 303; Жеребило 2010: 256 и др.]. Так, например, Н. Д. Арутюнова приводит следующее определение: «перерыв в речи, которому акустически обычно соответствует отсутствие звука, а физиологически — остановка в работе речевых органов» [Арутюнова 1990: 369]. Однако такая трактовка не совсем корректна, поскольку не все перерывы в фонации воспринимаются слушателем как пауза: так, прекращение звучания происходит при произнесении глухих смычных согласных, но оно настолько непродолжительно (в среднем от 10 до 50 мс [Дукельский 1962: 20]), что в большинстве случаев остается незамеченным. Существует также мнение, что длина подобных перерывов может достигать 100 мс и даже в таких случаях слушатель их не распознает [Каспарова 2015: 276–77].

В 1960–70-е годы большое распространение получил перцептивный подход к анализу пауз, при котором паузу начали рассматривать с точки зрения ее восприятия слушателем [Иванова-Лукиянова, 2002: 95]. В рамках этого подхода термином «пауза» стали обозначать также характерную смену тона на границах грамматико-смысловых единств, которую слушатель принимает за паузу, несмотря на то что перерыва в звучании там не наблюдается [Цеплитис 1974: 67; Каспарова 2015 и др.]. Как следствие, паузой могут называть и 1) «чисто физическое явление... отрезок времени, не заполненный фонацией», который может и не восприниматься слушателем как пауза, и 2) «психическое явление, образ, соответствующий осознанию прекращения речевого звучания» [Каспарова 2015: 277]. В рамках статьи мы будем считать паузой один из элементов интонации, выраженный на фонетическом уровне непродолжительным перерывом в речи или сменой тона, воспринимаемой как перерыв.

Распространенным способом фиксации речевого материала является создание корпусов текстов. Важно отметить, что паузы тем или иным образом отмечаются практически в любом корпусе устной речи. В устном подкорпусе Национального корпуса русского языка (НКРЯ) присутствует формальное обозначение пауз с помощью знака «/» на местах знаков пунктуации. При этом создатели корпуса отмечают существенные недостатки такой разметки, предлагая использовать Мультимедийный русский корпус (МУРКО) для анализа реальной паузации в устных фрагментах [Гришина 2011: 144]. В корпусе «Один речевой день» отдельно отмечают паузы между репликами говорящих и в монологической речи участников; выделяются паузы различных типов и длительности: паузы не менее 200 мс, значительные паузы более 1000 мс, паузы хезитации и проч. [Шерстинова и др. 2009: 67]. Корпус русской устной речи, содержащий устный материал для разработки функциональной модели восприятия речи, разбит на межпаузальные отрезки с отдельным обозначением собственно пауз, вдохов, вздохов и гортанных смычек, что позволяет отслеживать механизм взаимодействия паузации и смежных с ней физиологических явлений [Венцов 2013: 10]. В корпусе устных нарративов «Рассказы о сновидениях» паузы в том числе снабжены указаниями на их продолжительность, а также в отдельную категорию выделяются заполненные паузы [Кибрик, Подлеская 2003].

Корпусные данные позволяют делать предположения о связи паузации и синтаксической структуры высказывания [Нигматулина и др. 2014], о возможности реализации пауз на границах дискурсивных единиц [Коротаев 2009] и внутри смыслового единства [Кибрик, Подлеская 2009: 59], о причинах нарушения плавности речевого потока [Кибрик, Подлеская 2007]. Для успешного проведения любого подобного исследования необходима последовательная регистрация пауз и их характеристик при разметке корпуса. Далее, опираясь на существующие типологии пауз, мы предлагаем новую классификацию, которая, на наш взгляд, является наиболее удобной для аннотирования корпусов устной речи.

2. Подходы к классификации пауз

На данный момент насчитывается около 80 терминов для обозначения различных видов пауз [Александрова 2008: 6]. Многие исследователи разделяют паузы по их позиции на две большие группы: **финальные** (также именуемые как *конечные, межфразовые*) и **нефинальные** (*синтагматические, внутрифразовые*) [Арутюнова 1990: 369; Бурая и др. 2009: 185 и др.]. Финальные паузы располагаются на конце фраз или сверхфразовых единств, а нефинальные возникают внутри фразы и отделяют смысловые группы в ее пределах. Такие группы в русскоязычной традиции обозначают термином «синтагма» (см., например, [Буланин 1970: 169]). Паузы, отделяющие друг от друга синтагмы, называют **межсинтагменными**, а те, которые возникают внутри синтагм, — **внутрисинтагменными**. Последний тип пауз может возникать даже между элементами, имеющими сильную семантическую связь, поэтому выделяют также **межсловные** (*смотреть / телевизор*) и **внутрисловные** паузы (*супер/ звезда*) [Александрова 2008: 8]. Некоторые лингвисты считают термин «синтагма» некорректным по отношению к спонтанной речи, поскольку в ней смысловые и интонационные единства часто не совпадают, и предлагают выделять элементарные дискурсивные единицы (далее — ЭДЕ), опираясь, в первую очередь, на смысловую составляющую [Кибрик, Подлеская 2009: 55; Раева, Риехакайнен 2015а]. В спонтанной речи семантико-грамматические единицы могут образовывать комплекс, не разделенный внутренними паузами, а единое смысловое целое, напротив, может разбиваться на несколько межпаузальных интервалов [Кибрик, Подлеская 2009; Раева, Риехакайнен 2015а]. При этом целостность ЭДЕ при наличии внутри них паузы не нарушается [Кибрик, Подлеская 2009: 66].

По параметру качества (состава) паузы делят на **темпоральные** — те, в которых можно выделить отрезок нулевой интенсивности, и **нетемпоральные** — где интенсивность звукового сигнала не доходит до нуля. Во втором случае эффект перерыва в речи может создаваться за счет резкого изменения тона или «стыка двух относительно самостоятельных по содержанию сочетаний слов» [Цеплитис 1974: 67]. Считается, что восприятие интонационных перепадов как паузы зависит не столько от их физических характеристик, сколько от смыслового содержания высказывания [Каспарова 1965]. В местах, где грамматическими правилами языка предусмотрено интонационное членение (таких как границы частей сложного предложения), в большинстве случаев возникает перерыв в речи, привычный для слушателя, поэтому у него формируется «стереотип», ориентируясь на который, слушатель зачастую даже при отсутствии физического перерыва в подобных местах указывает на наличие паузы [Каспарова 1965; Цеплитис 1974: 69]. По той же причине нетемпоральные паузы часто фиксируются при интонационном оформлении устойчивых синтаксических конструкций (газетные клише и т. д.) [Иванова-Лукьянова 2002: 95].

Для обозначения темпоральной паузы также используют термины *реальная, физическая, измеряемая, воспринимаемая*, а для нетемпоральной — *нереальная, мнимая, нулевая, психолингвистическая, квазипауза, пауза без перерыва звучания* [Иванова-Лукьянова 2002: 95; Александрова 2008: 8 и др.]. Темпоральные паузы могут быть полностью или частично **заполнены** речеподобным звуком, лексическим заполнителем и др. (*несколько м-м-м дворовых мальчишек*) или могут быть **незаполненными** и представлять собой отрезок с нулевой фонацией (*приятели из <...> почтенного сословия смотрителей*) [Подлесская, Кибрик 2007; Баева 2018: 77 и др.].

Множество классификаций основано на функциях пауз. Большинство исследователей различают **синтаксические паузы** (*грамматические, логические, интеллектуальные, интонационно-синтаксические, смысловые*), **психологические паузы** (*эмоциональные, эмотивные*) и **паузы хезитации** (*колебания*) [Иванова-Лукьянова 2002: 95; Введенская, Павлова 2012: 379; Пиотровская 2015: 72 и др.]. Синтаксические паузы служат для логического членения речевого потока и возникают на границах грамматико-смысловых единств. Психологические паузы намеренно используются говорящим для подчеркивания важности определенного слова или группы слов и для привлечения к ним внимания слушателя. Паузы хезитации помогают говорящему подобрать наиболее подходящую языковую единицу и определяются как «паузы обдумывания, размышления» [Введенская, Павлова 2012: 379]. Некоторые лингвисты отмечают, что паузы хезитации также помогают говорящему отследить ошибку в момент произнесения высказывания и исправить ее [Бондаренко 1984: 158]. Слушателю же они дают время на подготовку к восприятию и обработку следующего высказывания собеседника.

Традиционно паузы хезитации разделяют на **незаполненные** и **заполненные** [Александрова, Иваницкий 2003: 97]. Незаполненная пауза хезитации может нарушать фонетико-синтаксическое единство ЭДЕ [Степанова 2006: 25] и занимать любую позицию внутри фразы (в том числе возникать внутри слова), характеризуется непредсказуемостью появления в речи и в некоторых случаях большей продолжительностью по сравнению с другими типами пауз [Александрова, Иваницкий 2003: 79]. Заполненные паузы в ряде работ разделяются на *паузы с лексическим заполнителем*, имеющим словарное толкование типа русского ну, и «*долексические*» (*речеподобные*) паузы, к которым, например, относятся *неречевые элементы (м-м, а-а), удлинения отдельных звуков (по-обежал)* и *паузы, заполненные паралингвистическими элементами* (вдох, смех, покашливание и др.) [Александрова, Иваницкий 2003: 97; Комарова 2008; Баева 2018: 81]. Терминология для обозначения различных видов лексических пауз хезитации в русскоязычных исследованиях, по всей видимости, окончательно не определена: так, встречаются понятия *слова-паразиты* [Петрунина 2005; Чэн 2017: 54], *дискурсивные маркеры* [Дараган 2000], *прагматемы* [Богданова-Бегларян 2014] и т. д. В ряде

классификаций заполненные паузы хезитации подвергаются более дробному делению [Александрова, Иваницкий 2003: 97; Баева 2018: 81; Прокаева, Риехакайнен 2021: 76].

Некоторые исследователи также выделяют **ситуативные** и **дикторские** паузы. Ситуативные паузы возникают в определенных ситуациях: в речи командира при отдаче приказов (*Шагом / марш!*), в речи учителя во время диктанта и т. д. [Щеплитис 1974: 74; Введенская, Павлова 2012: 383 и др.]. Функция таких пауз состоит в замедлении речи говорящего, что дает слушателю время на выполнение требуемого от него действия.

Одной из наиболее полных классификаций пауз, на наш взгляд, является классификация О. А. Александровой, построенная на основе «согласованности коммуникативного намерения говорящего с действием основных правил (законов) языка» [Александрова 2008: 10]. Автор делит все паузы на **обязательные**, без которых невозможно построить коммуникативно релевантное высказывание, и **необязательные**, появление которых зависит от намерения говорящего, ситуации общения и др.¹ К обязательным О. А. Александрова относит *артикуляционные* (образующиеся при произнесении глухих смычных согласных), *дыхательные* и *синтаксические* паузы.

Необязательные паузы несут дополнительную информацию и могут быть **преднамеренными** или **непреднамеренными**. К последней группе О. А. Александрова относит *паузы хезитации* (автор называет их *паузами колебания*)². Преднамеренными считаются *ситуативные* и *психологические* паузы. Автор делит их на три подвида по функции: *театральные* (функция привлечения внимания слушателя), *риторические* (выделение слова в речи) и *паралингвистические* (выражение эмоционального состояния говорящего). На наш взгляд, такое подробное деление является излишним, поскольку все перечисленные типы психологических пауз крайне близки по своему значению и функциям: говорящий, выделяя при помощи психологической паузы важное для него слово, старается одновременно привлечь к нему внимание слушателей, что делает его речь более выразительной и эмоциональной.

В целом в русскоязычной традиции создатели типологий пауз часто опираются на исследовательскую интуицию и стремятся однозначно разделить паузы на группы, приписывая им не всегда поддающиеся объективной оценке признаки (например, преднамеренность использования). Однако некоторые исследователи признают полифункциональность пауз и то, что одна и та же пауза может быть отнесена к разным типам [Краилина 2005: 14; Зонтова 2016: 81 и др.].

¹ Автор называет эти факторы «психофизиологическими», однако нам этот термин представляется не совсем корректным, поскольку от физиологических факторов зависит возникновение в первую очередь обязательных пауз.

² В нашей классификации мы будем придерживаться термина «пауза хезитации», поскольку он отражает принадлежность этих пауз к хезитационным явлениям в целом.

3. Классификация пауз для многоуровневой разметки устной речи

Рассмотрев имеющиеся классификации, мы можем заключить, что при описании каждой паузы необходимо учитывать несколько разноуровневых параметров: 1) физическую природу паузы, 2) позицию по отношению к грамматико-смысловой структуре дискурса, 3) функцию. На основе этих характеристик мы предлагаем следующий вариант классификации пауз, который планируется использовать для их анализа при интонационной разметке устных текстов (см. табл. 1). Многие исследователи выделяют параметр преднамеренности/непреднамеренности использования пауз, который мы не включили в свою классификацию. На наш взгляд, в данном случае отнесение паузы к той или иной группе является неочевидным: например, несмотря на то что паузы хезитации традиционно причисляют к непреднамеренным, существуют данные о том, что хезитационные явления могут использоваться сознательно в качестве сигнала слушающему о том, что говорящий желает продолжить высказывание или нуждается в помощи при его порождении [Clark, Fox Tree 2002: 90; Rose 1998: 60]. Кроме того, нельзя с точностью установить, всегда ли говорящий намеренно использует эмфатическую паузу.

По физической природе мы делим паузы на **нетемпоральные, темпоральные незаполненные** и **темпоральные заполненные**. Темпоральными в нашей классификации считаются паузы, имеющие какое-либо временное выражение, а не просто являющиеся следствием перепада тона. К темпоральным незаполненным паузам на втором уровне мы относим *вдохи, артикуляционные паузы* и остальные *незаполненные перерывы фонации*. Артикуляционные паузы не будут выделяться нами при разметке текстов, поскольку они являются частью глухих смычных согласных. Темпоральные заполненные паузы могут быть выражены *лексическими* (дискурсивные маркеры и т. п.), *речеподобными* (звуки *а-а-а, м-м-м* и т. п.) и *паралингвистическими* (вздых, кашель и т. п.) заполнителями. Во многих известных нам классификациях к числу заполненных пауз также относят удлинения звуков, однако в нашей классификации они отсутствуют, поскольку являются частью словоформы, а не отдельным элементом.

На третьем уровне в зависимости от позиции мы делим паузы на **синтаксические** (возникающие на границах ЭДЕ и не разрывающие сильные смысловые связи [Нигматулина и др. 2014: 37–39]) и **несинтаксические** (разрывающие сильные смысловые связи). По функции паузы в нашей классификации могут быть **эмфатическими, ритмическими, ситуативными, дыхательными, синтаксическими** и **паузами хезитации**, и это отмечается на четвертом уровне. В русскоязычной научной литературе для обозначения эмфатических пауз часто используют термин «психологические», который, на наш взгляд, может трактоваться по-разному. Некоторые исследователи под психологическими имеют в виду паузы, возникающие под влиянием эмоционального состояния говорящего (волнение, смущение и т. д.), или же выделяют их в отдельную группу эмоциональных пауз. Согласно нашим наблюдениям,

Табл. 1. Классификация пауз для многоуровневой разметки
 Table 1. Classification of pauses for multi-level markings

Уровень 1 «Физическая природа паузы» и уровень 2 «План выражения (физическое выражение) паузы» (классификации на этих уровнях связаны между собой)				
Нетемпоральные (перепад основного тона, который воспринимается как пауза)	Темпоральные незаполненные			
	Темпоральные заполненные			
	Перерыв фонации (тишина, падение интенсивности до нуля)	Вдох	Артикуляционная пауза (смычка глухого согласного)	Лексические заполнители (дискурсивные маркеры и т. п.)
			Паралингвистические заполнители (кашель, вздохи, гортанные смывчки и т. п.)	Речеподобные заполнители (гласно- и согласноподобные звуки — <i>aaaa</i> , <i>mmmm</i> и т. п.)
Уровень 3 «Позиция по отношению к грамматико-смысловой структуре высказывания»				
Синтаксические (возникают на границах ЭДЕ, не разрывают сильные синтаксические связи)		Несинтаксические (разрывают сильные синтаксические связи)		
Уровень 4 «Функция»				
Эмфатические (служат для выделения какого-либо фрагмента, как правило, следующего за такой паузой)	Ритмические (служат для ритмизации речи)	Паузы хезитации (служат для обдумывания и т. п.)	Ситуативные (возникают в некоторых коммуникативных ситуациях, часто, когда нужно дать слушающему время для чего-либо)	Дыхательные (вдохи, если для них не подходит ни одна из предыдущих функций)
				Синтаксические (служат только для членения речевого потока)

далеко не во всех случаях можно проследить различия между так называемыми эмоциональными паузами и паузами хезитации, а также эмфатическими паузами в том понимании, которое представлено в нашей классификации. По этой причине мы не используем термин «психологические» паузы. «Ритмическими» мы называем паузы, которые обычно именуется «дикторскими» и, как считается, придают речи ясность и четкость. Также в эту группу мы включаем паузы, задающие ритм при чтении произведений в стихотворной форме. В отдельную группу мы выделяем дыхательные паузы, несмотря на то что они зачастую совпадают с другими типами пауз. Их выделение необходимо для того, чтобы учитывать случаи, когда пауза, содержащая вдох, возникает внутри ЭДЕ и по функции ее нельзя отнести ни к одному из остальных типов пауз. Кроме того, на четвертом уровне мы также выделяем синтаксические паузы. В эту группу попадают паузы, которые не разрывают сильные синтаксические связи и не выполняют иной функции, кроме как членение речевого потока.

Таким образом, предложенная нами классификация является многоуровневой, или многомерной: любой паузе приписываются характеристики на каждом из четырех уровней, например: *«Шагом (пауза 150 мс) марш!» — темпоральная незаполненная, несинтаксическая, ситуативная*. Отличительная особенность такой классификации состоит в том, что она позволяет не только описывать каждую конкретную паузу с помощью нескольких признаков, но и комбинировать их сочетания на разных уровнях при интонационной разметке.

4. Современные направления исследования пауз с привлечением корпусных данных

В связи с анализом интонационных характеристик речи, в частности пауз, внимание лингвистов привлекает широкий спектр исследовательских вопросов. К примеру, на материале объемных собраний устных текстов активно исследуется паузация в разных типах речи. Доля пауз в общей длительности записанного материала может различаться в зависимости от характеристик говорящих и от типов порождаемых ими высказываний (ср. [Обухова 2021: 37; Ратникова 2017: 153; Кибрик, Подлеская 2003: 5]).

Паузы в спонтанной речи встречаются чаще, чем при чтении, и сами по себе могут являться признаками спонтанности и индикаторами процессов речевого планирования. Средняя длительность темпоральных пауз в чтении и спонтанной речи значимо не различаются, однако в спонтанной речи случаи совпадения этих пауз и синтагматических границ наблюдаются реже [Bondarko et al. 2003; Качковская, Скрелин 2019: 52]. Таким образом, с точки зрения линейно-временной организации спонтанную устную речь и чтение можно отнести к двум разновидностям дискурса. Наблюдаемые в спонтанной речи частые паузально-синтаксические «сбои» объясняются необходимостью одновременно формулировать мысль и произносить слова, тогда как паузы

при чтении, по всей видимости, осуществляют синтактико-семантическое деление уже порожденного другим субъектом текста [Венцов и др. 2011: 30]. Паузы хезитации могут возникать и при чтении, однако их основная функция в этом типе речи зачастую состоит в предоставлении времени на обдумывание читаемого и передышки [Баева 2018: 82]. В настоящее время проводятся также исследования пауз хезитации, возникающих и в других речевых сценариях разной степени подготовленности: в рассказе и разговоре (причем в последнем паузы встречаются реже) [Коротаев 2019: 53], при порождении монологов после предоставления различных стимулов (сюжетных и несюжетных изображений для описания или текстов для пересказа) [Богданова-Бегларян и др. 2017: 10] и т. д.

Одной из актуальных задач лингвистики является описание процесса восприятия пауз на слух. Согласно полученным экспериментальным данным, определение смысловых границ высказывания проводится главным образом посредством анализа лексико-грамматических отношений внутри текста и прагматической информации (контекста), при этом паузы, разрывающие ЭДЕ, могут игнорироваться [Раева, Риехакайнен 2015б: 69]. Удалось также выяснить, что паузы хезитации могут оказывать двойное влияние на слушающего: если пауза появляется перед синтаксически сложной конструкцией, слушающий получает сигнал о том, что необходимо приготовиться и потратить больше усилий на восприятие сложного фрагмента, что облегчает восприятие конструкции (возникает феномен так называемой аккомодации внимания). Если же пауза, вопреки ожиданиям слушающего, появляется перед простой конструкцией, собеседнику требуется дополнительное время для «перенастройки», и восприятие замедляется [Лауринавичюте, Федорова 2010: 283]. Существование этого явления подтверждается также результатами более ранних зарубежных исследований [Ferreira, Bailey 2004].

Наличие неканонических случаев возникновения пауз и различных видов пауз хезитации в спонтанной речи осложняет процесс транскрибирования и автоматической обработки речевого сигнала, а также создания естественно звучащей синтезированной речи. В отличие от слушающего, который без труда распознает и классифицирует паузы в речевом потоке, системы автоматического распознавания речи не способны без привлечения дополнительных данных точно определить, какие признаки должны лечь в основу сегментации и классификации [Верходанова, Карпов 2012: 12]. Необходимо обучение таких моделей с привлечением реальных слушателей — носителей языка и опытных расшифровщиков аудиозаписей, умеющих распознавать основные паттерны паузации в речи говорящих. По этой причине одной из актуальных проблем лингвистики является разработка адекватных моделей паузации в речи, которые обеспечили бы их обработку в автоматическом режиме: на основе таких моделей могут быть заданы правила, определяющие, после какого слова в предложении должна стоять пауза. Некоторые современные системы синтеза русской речи руководствуются этим подходом, применяя

алгоритмы, основанные на заданных правилах, и определяя длительность пауз на основе определенных констант [Чистиков и др. 2014: 29].

Альтернативным способом автоматического определения места паузы в речевом потоке является обучение статистических моделей на крупном речевом корпусе. В [Верходанова, Карпов 2012] представлен подробный обзор существующих методов моделирования пауз и речевых сбоев при автоматическом распознавании речи. Авторы отмечают, что методы обработки таких явлений могут быть основаны на применении акустических или комбинированных (акустических + языковых) моделей, причем последние в силу временных и исследовательских затрат используются реже [Верходанова, Карпов 2012: 12]. В [Кипяткова и др. 2012: 21] на материале корпуса устных докладов после выделения артефактов устной речи (пауз хезитации, повторов, самоисправлений и паралингвистических явлений) вручную была предпринята попытка сегментации фонационных явлений, в результате чего были построены модели для девяти типов заполненных пауз. Авторы исследования планируют использовать полученные модели для устранения «неинформативных элементов речевого сигнала» для передачи автоматическим системам распознавания речи «только полезной диалоговой информации» [Кипяткова и др. 2012: 18].

С учетом психолингвистического подхода нам, однако, кажется, что сегментация подобных артефактов может быть полезна и с точки зрения описания и моделирования характеристик речи, которые влияют на эффективность ее восприятия. Одним из первых проектов, который будет выполнен с применением классификации пауз, предложенной в этой статье, станет описание речи результативных учителей с точки зрения ее лингвистических параметров и оценка того, насколько эти особенности замечаются учащимися и способствуют повышению продуктивности учебного процесса. Результаты исследования будут учитываться при составлении перечня рекомендаций по совершенствованию устной речи учителя.

Литература

- Александрова О. А. Коммуникативно-прагматическая классификация пауз // Основные вопросы лингвистики, лингводидактики и межкультурной коммуникации. 2008. № 2. С. 6–17.
- Арутюнова Н. Д. Лингвистический энциклопедический словарь / Ред. Ярцева В. Н. М.: Сов. энциклопедия, 1990. 683 с.
- Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: Сов. энциклопедия, 1966. 607 с.
- Баева Е. М. Хезитационные явления в устных монологах низкой степени спонтанности // Коммуникативные исследования. 2018. № 1. С. 75–84.
- Богданова-Бегларян Н. В. Прагматемы в устной повседневной речи: определение понятия и общая типология // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2014. № 3 (27). С. 7–20.
- Богданова-Бегларян Н. В., Шерстинова Т. Ю., Зайдес К. Д. «Корпус Сбалансированная Аннотированная Текстоотека»: методика многоуровневого анализа русской монологической речи //

- Анализ разговорной русской речи (АРЗ-2017): Труды седьмого междисциплинарного семинара / Науч. ред. Д. А. Кочаров, П. А. Скредин. СПб.: Политехника-принт, 2017. С. 8–13.
- Бондаренко Л. П.* Пауза колебания и порождение речевого высказывания // Экспериментально-фонетический анализ речи. Проблемы и методы / Отв. ред. Л. В. Бондарко. Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. Вып. 1. С. 158–166.
- Буланин Л. Л.* Фонетика современного русского языка. М.: Высш. шк., 1970. 206 с.
- Бурая Е. А., Галочкина И. Е., Шевченко Т. И.* Фонетика современного английского языка. М.: Издательский центр «Академия», 2009. 266 с.
- Введенская Л. А., Павлова Л. Г.* Риторика и культура речи. 12-е изд. Ростов-на-Дону: Феникс, 2012. 540 с.
- Венцов А. В.* Просодическое аннотирование речевых корпусов и моделирование восприятия речи // Проблемы порождения и восприятия речи: Материалы XI выездной школы-семинара (7–8 декабря 2013 г., г. Череповец) / Отв. ред. Р. Л. Смутаковская. Череповец: ЧГУ, 2013. С. 10–18.
- Венцов А. В., Слепокурова Н. А., Снюгина Е. А.* Особенности паузации спонтанного и прочитанного текстов // Анализ разговорной русской речи (АРЗ-2011): Труды пятого междисциплинарного семинара. СПб.: ГУАП, 2011. С. 27–32.
- Верходанова В. О., Карлов А. А.* Моделирование речевых сбоев в системах автоматического распознавания речи // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 363. С. 10–15.
- Дараган Ю. В.* Функции слов-«паразитов» в русской спонтанной речи // Труды Международного семинара «Диалог-2000» по компьютерной лингвистике и ее приложениям. Т. 1. Теоретические проблемы. Протвино: РГГУ, 2000. С. 67–73.
- Дукельский Н. И.* Принципы сегментации речевого потока. М.–Л.: Изд-во Академии наук СССР, Институт языкознания, 1962. 138 с.
- Жеребило Т. В.* Словарь лингвистических терминов. Назрань: Пилигрим, 2010. 486 с.
- Зонтова И. Л.* Функциональный аспект пауз в спонтанном дискурсе // Вестник МГЛУ. 2016. № 1. С. 78–89.
- Иванова-Лукьянова Г. Н.* Культура устной речи: интонация, паузирование, логическое ударение, темп, ритм. 4-е изд. М.: Флинта, Наука, 2002. 196 с.
- Каспарова М. Г.* О механизме речевой паузы. Сообщение II. Восприятие паузы при «непрерывном» звучании речи // Новые исследования в педагогических науках. 1965. № 3. С. 154–155.
- Каспарова М. Г.* Восприятие речевой паузы // Академические тетради. 2015. № 16. С. 276–279.
- Качковская Т. В., Скредин П. А.* Синтагмы и паузы в спонтанной речи и чтении: статистика по крупным речевым корпусам // Анализ разговорной русской речи (АРЗ-2019). Труды восьмого междисциплинарного семинара. СПб.: Политехника-принт, 2019. С. 46–54.
- Кибрик А. А., Подлесская В. И.* К созданию корпусов устной русской речи: принципы транскрибирования // Научно-техническая информация. 2003. № 10. С. 5–13.
- Кибрик А. А., Подлесская В. И.* Самоисправления говорящего и другие типы речевых сбоев как объект аннотирования в корпусах устной речи // Научно-техническая информация. 2007. № 2. С. 2–23.
- Кибрик А. А., Подлесская В. И.* Рассказы о сновидениях. Корпусное исследование устного русского дискурса. М.: Языки славянских культур, 2009. 736 с.
- Кипяткова И. С., Верходанова В. О., Ронжин А. Л.* Сегментация паралингвистических фонационных явлений в спонтанной русской речи // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2012. № 2. С. 17–23.
- Комарова О. Д.* Паузация в японском языке на границах синтаксических единиц разного уровня: корпусное исследование // Труды международной конференции «Диалог-2008». 2008. № 7 (14). С. 227–233.

- Коротяев Н. А.* Отсутствие пауз на границах элементарных дискурсивных единиц: опыт корпусного исследования // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог-2009». Вып. 8 (15). М.: РГГУ, 2009. С. 204–210.
- Коротяев Н. А.* Паузы хезитации в рассказе и в разговоре: сопоставительный количественный анализ // Труды международной конференции «Корпусная лингвистика – 2019». СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2019. С. 48–54.
- Крашлина Н. А.* Роль темпа и пауз в рекламном тексте (на материале французской телерекламы): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Моск. пед. гос. ун-т. Москва, 2005. 20 с.
- Лауринавичюте А. К., Федорова О. В.* Влияние паузы хезитации на понимание синтаксической структуры предложения носителями русского языка // Материалы международной конференции «Диалог-2010» (Бекасово, 26–30 мая 2010 г.) / Отв. ред. А. Е. Кибрик. М.: РГГУ, 2010. С. 279–284.
- Нигматулина Ю. О., Пальчиков Г. Г., Риехакайнен Е. И.* Паузация и синтаксические связи в русской спонтанной речи // Проблемы порождения и восприятия речи: Материалы XII выездной школы-семинара (29–30 ноября 2013 г., г. Череповец) / Отв. ред. Е. В. Грудева. Череповец: ЧГУ, 2014. С. 35–40.
- Обухова И. А.* Хезитационные явления при порождении текста на родном и иностранном языках // Социо- и психолингвистические исследования. 2021. № 9. С. 35–44.
- Петрунина С. П.* Информационный шум в устной спонтанной коммуникации: слова-паразиты // Вестник ТГПУ. Серия: Гуманитарные науки (филология). 2005. № 3 (47). С. 101–106.
- Пиотровская Л. А.* Монотонная VS выразительная устная речь // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2015. № 4. С. 64–75.
- Прокаева В. О., Риехакайнен Е. И.* Хезитации при чтении и пересказе на русском как родном и японском как иностранном языках // Анализ разговорной русской речи (АР3-2021): Труды девятого междисциплинарного семинара. СПб.: Скифия-принт, 2021. С. 74–80.
- Раева О. В., Риехакайнен Е. И.* Пространство русского спонтанного текста с точки зрения слушающего // Социо- и психолингвистические исследования. 2015а. № 3. С. 67–70.
- Раева О. В., Риехакайнен Е. И.* Синтагма и сегментация устной спонтанной речи // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2015б. № 4. С. 14–20.
- Ратникова Е. И.* Темпоральная организация устнопорождаемого монологического высказывания: соотношение длительности фонации и паузы // Международный научно-исследовательский журнал. 2017. № 7. С. 130–135.
- Степанова С. Б.* Общее и индивидуальное в хезитациях (на материале русской спонтанной речи) // Материалы XXXV Междунар. филол. конф. 13–18 марта 2006 г. Санкт-Петербург. Вып. 20. Секция фонетики. Ч. 1. СПб.: Филол. фак-т СПбГУ, 2006. С. 24–32.
- Цеплитис Л. К.* Анализ речевой интонации. Рига: Зинатне, 1974. 272 с.
- Чэн Ч.* Хезитации в русской устной речи носителей китайского языка: дис. ... канд. филол. наук / С.-Петерб. гос. ун-т. СПб., 2017. 204 с.
- Шерстинова Т. Ю., Степанова С. Б., Рыко А. И.* Система аннотирования в звуковом корпусе русского языка «Один речевой день» // Материалы XXXVIII Международной филологической конференции «Формальные методы анализа русской речи». СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2009. С. 66–75.
- Bondarko L. V., Volkskaya N. B., Tananaiko S. O., Vasileva L. A.* Phonetic properties of Russian spontaneous speech // Proceedings of 15th ICPHS. Barcelona, 2003, pp. 2973–2976.
- Clark H. H., Fox Tree J. E.* Using *uh* and *um* in spontaneous speaking // *Cognition*, 2002, no. 84, pp. 73–111.
- Ferreira F., Bailey K. G. D.* Disfluencies and human language comprehension // *Trends in Cognitive Sciences*, 2004, no. 8 (5), pp. 231–237.
- Rose R. L.* The communicative value of filled pauses in spontaneous speech: MA Thesis. Birmingham, 1998. 98 p.

References

- Akhmanova O. S. *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of linguistic terms]. Moscow, Sov. Entsiklopediya Publ., 1966. 607 p.
- Aleksandrova O. A. [Communicative and pragmatic classification of pauses]. *Osnovnye voprosy lingvistiki, lingvodidaktiki i mezhkul'turnoi kommunikatsii*, 2008, no. 2, pp. 6–17. (In Russ.)
- Arutyunova N. D. *Lingvisticheskii entsiklopedicheski slovar'* (red. Yartseva V. N.) [Linguistic encyclopedic dictionary (ed. by Yartseva V. N.)]. Moscow, Sov. Entsiklopediya Publ., 1990. 683 p.
- Baeva E. M. [Hesitation phenomena in spoken monologues of low spontaneity]. *Kommunikativnye issledovaniya*, 2018, no. 1, pp. 75–84. (In Russ.)
- Bogdanova-Beglaryan N. V. [Pragmatics in everyday speech: definition of the concept and general typology]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiiskaya i zarubezhnaya filologiya*, 2014, no. 3 (27), pp. 7–20. (In Russ.)
- Bogdanova-Beglaryan N. V., Sherstinova T. Yu., Zaides K. D. [Corpus Balanced Annotated Textbook: a technique for multilevel analysis of Russian monological speech]. *Analiz razgovornoj russkoi rechi (AR3-2017): Trudy sed'mogo mezhdistsiplinarnogo seminara* [Analysis of colloquial Russian speech (AR3-2017): Proceedings of the seventh interdisciplinary seminar]. St. Petersburg: Politehnika-print Publ., 2017, pp. 8–13. (In Russ.)
- Bondarenko L. P. [Hesitation pause and the generation of a speech utterance]. *Ekspperimental'no-foneticheskii analiz rechi. Problemy i metody* [Experimental and phonetic analysis of speech. Problems and methods]. Leningrad, 1984, no. 1, pp. 158–166. (In Russ.)
- Bondarko L. V., Volskaya N. B., Tananaiko S. O., Vasilieva L. A. *Phonetic Properties of Russian spontaneous speech. Proceedings of 15th ICPHS*. Barcelona, 2003, pp. 2973–2976.
- Bulanin L. L. *Fonetika sovremennogo russkogo yazyka* [Phonetics of modern Russian]. Moscow, Vysshaya Shkola Publ., 1970. 206 p.
- Buraya E. A., Galochkina I. E., Shevchenko T. I. *Fonetika sovremennogo angliiskogo yazyka* [Phonetics of modern English]. Moscow, Akademiya Publ., 2009. 266 p.
- Chen Ch. *Khezitatsii v russkoi ustnoi rechi nositelei kitaiskogo yazyka*. Diss.... kand. filol. nauk [Hesitations in Russian oral speech of Chinese speakers. Cand. phil. sci. diss.]. St. Petersburg, 2017. 204 p.
- Clark H. H., Fox Tree J. E. Using *uh* and *um* in spontaneous speaking. *Cognition*, 2002, no. 84, pp. 73–111.
- Daragan Yu. V. [Functions of parasite words in Russian spontaneous speech]. *Trudy Mezhdunarodnogo seminara "Dialog-2000" po kompyuternoj lingvistike i ee prilozheniyam. T. 1. Teoreticheskie problemy* [Proceedings of the Dialogue 2000 International workshop on computer linguistics and its applications. T. 1. Theoretical problems]. Protvino, 2000, pp. 67–73. (In Russ.)
- Dukel'skii N. I. *Printsipy segmentatsii rechevogo potoka* [Principles of speech flow segmentation]. Moscow, Leningrad, Akademii Nauk SSSR Publ., 1962. 138 p.
- Ferreira F., Bailey K. G. D. Disfluencies and human language comprehension. *Trends in Cognitive Sciences*, 2004, no. 8 (5), pp. 231–237.
- Ivanova-Luk'yanova G. N. *Kul'tura ustnoi rechi: intonatsiya, pauzirovanie, logicheskoe udarenie, temp, ritm* [Culture of oral speech: intonation, pausing, the logical accent, rate, rhythm]. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2002. 196 p.
- Kachkovskaya T. V., Skrelin P. A. [Syntagms and pauses in spontaneous speech and reading: Statistics from large speech corpora]. *Analiz razgovornoj russkoi rechi (ARZ-2019). Trudy vos'mogo mezhdistsiplinarnogo seminara* [Analysis of colloquial Russian speech (ARZ-2019). Proceedings of the eighth interdisciplinary seminar]. St. Petersburg, Politehnika-print Publ., 2019, pp. 46–54. (In Russ.)
- Kasparova M. G. [On the mechanism of the speech pause. Message II. Perception of the pause in "continuous" speech]. *Novye issledovaniya v pedagogicheskikh naukakh*, 1965, no. 3, pp. 154–155. (In Russ.)

- Kasparova M. G. [Perception of the speech pause]. *Akademicheskie tetradi*, 2015, no. 16, pp. 276–279. (In Russ.)
- Kibrik A. A., Podlesskaya V. I. [Toward the creation of corpses of oral Russian speech: Principles of transcribing]. *Nauchno-tehnicheskaya informatsiya*, 2003, no. 10, pp. 5–13. (In Russ.)
- Kibrik A. A., Podlesskaya V. I. [Speaker self-corrections and other types of speech disfluencies as the object of annotation in oral speech corpora]. *Nauchno-tehnicheskaya informatsiya*, 2007, no. 2, pp. 2–23. (In Russ.)
- Kibrik A. A., Podlesskaya V. I. *Rasskazy o snovideniyakh. Korpusnoe issledovanie ustnogo russkogo diskursa* [Dream stories. A corpus study of oral Russian discourse]. Moscow, Yazyki Slavyanskikh Kul'tur Publ., 2009. 736 p.
- Kipyatkova I. S., Verkhodanova V. O., Ronzhin A. L. [Segmentation of paralinguistic phonetic phenomena in spontaneous Russian speech]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiiskaya i zarubezhnaya filologiya*, 2012, no. 2, pp. 17–23. (In Russ.)
- Komarova O. D. [Pausing in Japanese at the boundaries of syntactic units of different levels: a case study]. *Trudy mezhdunarodnoi konferentsii "Dialog 2008"*, 2008, no. 7 (14), pp. 227–233. (In Russ.)
- Korotaev N. A. [The structure of pauses at the boundaries of elementary discursive units: a case study]. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: Po materialam ezhegodnoi Mezhdunarodnoi konferentsii "Dialog 2009"*, 2009, no. 8 (15), pp. 204–210. (In Russ.)
- Korotaev N. A. [Hesitation pauses in a story and in conversation: a comparative quantitative analysis]. *Trudy mezhdunarodnoi konferentsii "Korpusnaya lingvistika-2019"* [Proceedings of the Corpus Linguistics 2019 International Conference]. St. Petersburg, 2019, pp. 48–54. (In Russ.)
- Krailina N. A. *Rol' tempa i pazv v reklamnom tekste (na materiale frantsuzskoi telereklamy): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [The role of speech rate and pauses in the advertising text (on the material of the French television commercials): abstract Dr. phil. sci. diss.]. Moscow, 2005. 20 p.
- Laurinavichyute A. K., Fedorova O. V. [The influence of the hesitation pause on the understanding of the syntactic structure of sentences by Russian speakers]. *Materialy mezhdunarodnoi konferentsii "Dialogue 2010" (Bekasovo, 26–30 maya 2010 g.)* [Materials of the international conference "Dialogue 2010" (Bekasovo, May 26–30, 2010)]. Moscow, 2010, pp. 279–284. (In Russ.)
- Nigmatulina Yu. O., Pal'chikov G. G., Riekhakainen E. I. [Pausation and syntactic connections in Russian spontaneous speech]. *Problemy porozhdeniya i vospriyatiya rechi: Materialy XII vyezdnai shkoly-seminara (29–30 noyabrya 2013 g., g. Cherepovets)* [Problems of speech production and perception: proceedings of the XII visiting school-seminar (November 29–30, 2013, Cherepovets)]. Cherepovets, 2014, pp. 35–40. (In Russ.)
- Obukhova I. A. [Hesitation phenomena in native and foreign language text production]. *Sotsio- i psikholingvisticheskie issledovaniya*, 2021, no. 9, pp. 35–44. (In Russ.)
- Petrulina S. P. [Information noise in spontaneous oral communication: parasite words]. *Vestnik TGPU. Ceriya: Gumanitarnye nauki (filologiya)*, 2005, no. 3 (47), pp. 101–106. (In Russ.)
- Piotrovskaya L. A. [Monotonous VS expressive speech]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika*, 2015, no. 4, pp. 64–75. (In Russ.)
- Prokaeva V. O., Riekhakainen E. I. [Hesitations when reading and retelling in Russian as a native language and Japanese as a foreign language]. *Analiz razgovornoi russkoi rechi (AR3-2021): Trudy devyatogo mezhdistsiplinarnogo seminar* [Analysis of colloquial Russian speech (AP3-2021): Proceedings of the Ninth Interdisciplinary Seminar]. St. Petersburg, Skifiya-print Publ., 2021, pp. 74–80. (In Russ.)
- Raeva O. V., Riekhakainen E. I. [The space of the Russian spontaneous text from the listener's point of view]. *Sotsio- i psikholingvisticheskie issledovaniya*, 2015a, no. 3, pp. 67–70. (In Russ.)
- Raeva O. V., Riekhakainen E. I. [Syntagma and segmentation of spoken spontaneous speech]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiiskaya i zarubezhnaya filologiya*, 2015b, no. 4, pp. 14–20. (In Russ.)

Ю. С. Виноградова, В. О. Прокаева, Е. И. Риехакайнен. Паузы бывают разные: многомерная классификация пауз...
Yu. S. Vinogradova, V. O. Prokaeva, E. I. Riekhakaynen. Not All Pauses are the Same: Multidimensional Classification...

- Ratnikova E. I. [Temporal organization of the spoken monologue: the ratio of the duration of the phonation and the pause]. *Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal*, 2017, no. 7, pp. 130–135. (In Russ.)
- Rose R. L. *The communicative value of filled pauses in spontaneous speech: MA Thesis*. Birmingham, 1998. 98 p.
- Sherstinova T. Yu., Stepanova S. B., Ryko A. I. ["The annotation system in the sound corpus of the Russian language One Speech Day"]. *Mat-ly XXXVIII mezhdunarodnoi filologicheskoi konferentsii "Formal'nye metody analiza russkoi rechi"* [Proceedings of the XXXVIII International Philological Conference "Formal Methods of Analysis of Russian Speech"]. St. Petersburg, 2009, pp. 66–75. (In Russ.)
- Stepanova S. B. [The common and the individual in hesitations (on the material of Russian spontaneous speech)]. *Materialy XXXV Mezhdunar. filol. konf. 13–18 marta 2006 g. Sankt-Peterburg. Vyp. 20. Sektsiya fonetiki. Ch. 1* [Materials of the XXXV International Philological Conference, March 13–18, 2006, St. Petersburg. Vol. 20. Phonetics Section. P. 1]. St. Petersburg, 2006, pp. 24–32. (In Russ.)
- Tseplitis L. K. *Analiz rechevoi intonatsii* [Analysis of speech intonation]. Riga, Zinatne Publ., 1974. 272 p.
- Ventsov A. V. [Prosodic annotation of speech corpora and speech perception modeling]. *Problemy porozhdeniya i vospriyatiya rechi: Materialy XI vyezdnai shkoly-seminara (7–8 dekabrya 2013 g., g. Cherepovets)* [Problems of speech generation and perception: Proceedings of the XI Seminar School (December 7–8, 2013, Cherepovets)]. Cherepovets, 2013, pp. 10–18. (In Russ.)
- Ventsov A. V., Slepokurova N. A., Snyugina E. A. [Characteristics of the pausing of spontaneous and read texts]. *Analiz razgovornoj russkoi rechi (AR3-2011): Trudy pyatogo mezhdistsiplinarnogo seminara* [Analysis of colloquial Russian speech (AR3-2011): Proceedings of the Fifth Interdisciplinary Seminar]. St. Petersburg. GUAP Publ., 2011, pp. 27–32. (In Russ.)
- Verkhodanova V. O., Karpov A. A. [Modeling of speech disfluencies in automatic speech recognition systems]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2012, no. 363, pp. 10–15. (In Russ.)
- Vvedenskaya L. A., Pavlova L. G. *Ritorika i kul'tura rechi* [Rhetoric and culture of speech]. Rostov-on-Don, Feniks Publ., 2012. 540 p.
- Zherebilo T. V. *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of linguistic terms]. Nazran, Piligrim Publ., 2010. 486 p.
- Zontova I. L. [Functional aspect of pauses in spontaneous discourse]. *Vestnik MGLU*, 2016, no. 1, pp. 78–89.

О явлении «терминологического шума» в языке современных массмедиа

Елизавета Сергеевна Громенко, Институт лингвистических исследований РАН
(Россия, Санкт-Петербург), e.l.gromenko@gmail.com

DOI: 10.31857/S013161170029351-5

АННОТАЦИЯ: В статье описываются некоторые особенности процесса терминологизации медиа XXI века.

Материалом исследования послужили около 1000 новых терминологических единиц, первая письменная фиксация которых в СМИ относится к 2000–2020 гг.

Анализ употреблений новой терминологической лексики в медиа XXI века показал, что процесс терминологизации русской речи сопровождается процессом «мнимой» терминологизации современных медиа, который возникает в результате распространения явления «терминологического шума». Это явление можно определить как фоновое, стилистическое наполнение медиапространства специальной лексикой без ее дальнейшего усвоения узусом, которое складывается как минимум из двух тенденций: (1) тенденции употребления в тексте *ложной терминологической лексики* и (2) тенденции спорадического появления терминов в СМИ и/или их кратковременной актуализации.

В первую очередь в процессе исследования новой специальной лексики, функционирующей в медиа, была выявлена группа слов, которые воспринимаются как принадлежащие специальному дискурсу, но функционируют исключительно в медиадискурсе — **публицистические квазитермины** (квази... ‘ложный, мнимый’). Например, *CAR-инженерия, дамплинг-ион, нейропоэт*. А также **терминологические газетизмы**, например *ДНК-детектив, CRISPR-эпопея, биткоин-лихорадка, биткоин-мания, ИИ-пузырь*.

Второй особенностью стало обнаружение в медиа терминов, профессиональной лексики, возникающей в текстах СМИ эпизодически, в том числе с проявлением высокой частоты употребления в течение короткого периода. Таким образом, из изученной выборки предположительно только около 4–5 % случаев узуализируется и станет теми словами, которые «обновят» словарный состав литературного языка. Это такие термины, как *графен, коронавирус, экзопланета*. 95 % выборки — случаи терминологического шума: публицистические квазитермины, терминологические газетизмы, термины с мерцающей частотой. Ср.: *AI-замок, bitcoin-инвестор, CAR-инженерия, CRISPR-каскады, digital-экономика, smart-бизнес, большой отскок, вселенная паутина, генеративное творчество, ГМ-дрожжи, ИИ-советник, когнитивное платье, криспы, роборыбак*.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: русский язык XXI века, терминологизация, терминологический шум, публицистические квазитермины, терминологические газетизмы, термины, дискурсивная миграция

для цитирования: Громенко Е. С. О явлении «терминологического шума» в языке современных массмедиа // Русская речь. 2023. № 6. С. 24–37. DOI: 10.31857/S013161170029351-5.

Issues of Modern Russian Language

On the Phenomenon of “Terminological Noise” in the Language of Modern Mass Media

Elizaveta S. Gromenko, Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences
(Russia, Saint Petersburg), el.gromenko@gmail.com

ABSTRACT: The article describes some features of the media terminologization in the 21st century.

The material for the study was about 1000 new terminological units found in the media sources, the first written recording of which dates back to 2000–2020.

The analysis of of new terminological vocabulary in the media of the 21st century showed that the process of terminologization of Russian speech is accompanied by the process of “false” terminologization of modern media, which arises as a result of the wide-spread phenomenon of the “terminological noise”. Terminological noise is defined as the background, stylistic filling of the media space with special lexis without its further adoption by common language, which consists of at least two trends: (1) using false terminological vocabulary in text and (2) sporadic manifestation of terms in the media and/or their short-term actualization.

First, when studying new special lexis that is functioning in the media, we identified a group of lexis that is perceived as words of special discourse, but functioning exclusively in media discourse — journalistic quasi-terms (quasi... “false, imaginary”), for example, *CAR-инженерия* (CAR engineering), *дамплинг-ион* (dumping ion), *нейропоэт* (neuropoet). Another group of words we identified can be described as terminological newspaperisms, for example, *ДНК-детектив* (DNA detective), *CRISPR-эпопея* (CRISPR epic), *биткоин-лихорадка* (bitcoin fever), *биткоин-мания* (bitcoin-mania), *ИИ-пузырь* (AI bubble).

The second feature we discovered was the fact that media and professional terms and words are used sporadically in media texts, sometimes with high frequency of use over a short period. Thus, based on the collected sample, presumably only about 4–5% of cases are recognized by common language and become the words that “update” the vocabulary of the literary language. These are terms such as *графен* (graphene), *коронавирус* (coronavirus), *экзопланта* (exoplanet), etc. 95% of the sample are cases of terminological noise — journalistic quasi-terms, terminological newspaperisms, terms with a flickering frequency. The examples of these include: *AI-замок* (AI-lock), *bitcoin-инвестор* (bitcoin-investor), *CAR-инженерия* (CAR-engineering), *CRISPR-каскады* (CRISPR-cascades), *digital-экономика* (digital-economy), *smart-бизнес* (smart-business), *большой отскок* (big rebound), *вселенная паутина* (omniforestral web), *генеративное творчество* (generative creativity), *ГМ-дрожжи* (GM yeast), *ИИ-советник* (AI-advisor), *когнитивное платье* (cognitive dress), *криспы* (crisps), *роборыбак* (robofisher).

KEYWORDS: Russian language of the XXI century, terminologization, terminological noise, journalistic quasi-terms, terminological newspaperisms, terms, discursive migration

FOR CITATION: Gromenko E. S. On the Phenomenon of “Terminological Noise” in the Language of Modern Mass Media. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2023. No. 6. Pp. 24–37. 10.31857/S013161170029351-5.

Конец XX — начало XXI века — эпоха компьютеризации, цифровизации и интенсивного развития технологий искусственного интеллекта характеризуется переходом к новой социально-коммуникативной парадигме — к информационному обществу. Эта тенденция находит непосредственное отражение в языке: «Рядом [с демократизацией языка] активно идет интеллектуализация языка, которая проявляется в огромном количестве специальных терминов, которые через язык рекламы, газет, радио, телевидения, Интернет ежедневно вливаются в современный язык. Технический прогресс бурно порождает новые изобретения, входящие в повседневный быт, специальные языки торопятся их поименовать, а средства массовой информации внедрить в язык общего употребления. В отдельных областях исключительного размаха достигла популяризация среди самых широких масс населения практических научных знаний (медицина, бытовая техника, средства связи и передвижения, финансы и недвижимость, юриспруденция)» [Герд 2013: 134].

Усиление тенденции терминологизации, выраженной увеличением потока специальной лексики в широкое употребление, однозначно отмечается в работах современных исследователей (см.: [Гринев 2000, Юдина 2006, Герд 2013, Дзялошинский 2013, Клушнина 2014, Жеребило 2015, Коряковцева 2016]). Наблюдения над количественным увеличением терминологии в современном словарном составе делаются и авторами орфографических словарей: «Поскольку их (терминов. — Е. Г.) употребление активизировалось и выходит за рамки узкоспециальных текстов, нормативный орфографический облик этих слов должен фиксироваться не только в специальных терминологических словарях» [ОРФ 2005: 3]. Или: «С процессом активизации терминологии на поле общего письма связана значимая тенденция к расширению представленности терминов в орфографическом словаре общего типа» [Иванова 2006: 49].

Эта тенденция также подтверждается материалом неологических выпусков XXI века «Новое в русской лексике» 2016–2019 [Левина (ред.) 2016; Кожевников (ред.) 2019; Козловская (ред.) 2020; Ридецкая (ред.) 2021], около 20–50 % объема словника которых составляет специальная лексика. Так, например, в выпуске, отражающем новации 2015 г., представлено 19 % терминологической лексики (напр., *аджайл-технология, благополучные беспризорники, демиромантик, блейд-юнит, ездить на вожжах, индекс кадрового здоровья, мисгендеринг, фаграфен*), за 2016 г. — 30 % (напр., *блокчейн-криптовалюта, гоустинг, межпланетная транспортная система, ИИ-хранитель, неглектизм, оганесон, реалтайм-медиа*), за 2017 г. — 48 % (напр., *аджайл-исследование, аджайл-рекрутинг, бедность рабочего населения, ИИ-доктор, ИИ-задача, эджайл-нация, экзореабилитация*), за 2018 г. — 20 % (*цифровой аутизм, биопринтный*,

блокчейн-единогор, брейнмэппинг, дайсония, нейроморфная инженерия, тактилофобия, шлем-криоаппликатор), за 2019 г. — 20 % (напр., *аджайл-господин, аджайл-инновация, акулы нанотела, звуковая биометрия, голотелепортация ИИ-очередь, криопечать, робот-трипод, узи-абляция*).

Тенденция активизации употребления терминов в неспециализированных текстах отмечается и в других языках мира, в частности в славянских (см. [Зидарова 2006]), в романских (французский, итальянский, испанский, см. [Назаренко 2015, Полякова, Яшина 2016]), языках: «уже в конце XX в. филологи стали высказывать опасения, что язык национальных СМИ (Испании. — Е. Г.) начинает превращаться в своего рода “технический”, то есть особый метаязык, понимание которого все менее доступно большинству читателей и слушателей» [Назаренко 2015: 120].

Показательными в этом ключе представляются результаты исследования Н. А. Васильевой, Н. С. Самойленко, А. В. Васильева «Функционирование медицинской терминологической лексики в отраслевых и популярных СМИ» (см. [Васильева и др. 2020]), посвященного функционированию медицинских терминов в отраслевых и массовых источниках. По подсчетам авторов, в текстах ресурса «Известия» медицинские термины составили (за период с мая по сентябрь 2019 года) 16,7 %, в журнале «Forbes» — 4,7 %, в отраслевых изданиях «Vademecum» — 3,2 % и «Фармацевтическом вестнике» — 8,8 %. Помимо данных о концентрации специальной лексики в текстах СМИ приводятся результаты восприятия терминов аудиторией. Так, реципиенты не поняли 44,7 % терминов в газете «Известия», 10,2 % — в журнале «Forbes», 27,5 % — в издании «Фармацевтический вестник» и 3,2 % — в журнале «Vademecum» (см. [Васильева и др. 2020]). Приведенные статистические данные наглядно показывают популярность использования терминов в текстах медиа, ориентированных на самого широкого читателя, таких как «Известия», в объективных числовых данных демонстрируют тенденцию терминологизации речи, ее очевидного и, возможно, преднамеренного «онаучивания».

Цель исследования — выявить и охарактеризовать особенности терминологизации медиа XXI века.

Материалом исследования послужили около 1000 новых терминологических единиц, первая письменная фиксация которых в СМИ относится к 2000–2020 гг.

В XXI веке специальная лексика активно вовлекается в медиадискурс, традиционно ориентированный на самого широкого читателя. Обращает на себя внимание то, что в XXI веке новые термины в большинстве случаев появляются в медиа одновременно с моментом их первой письменной репрезентации в специализированном дискурсе. Для терминов, ставших популярными (*биткоин* — с 2011, *криптовалюта* — с 2011, *московий, нихоний, оганесон, теннесин* — с 2016), это наблюдение является своего рода правилом.

В 2000–2020 гг. в информационно-аналитических и научно-популярных ресурсах «Известия» (iz.ru), «Коммерсант» (kommersant.ru), «Комсомольская

правда» (kr.ru), «Лента» (lenta.ru), «Московский комсомолец» (mk.ru), «Независимая газета» (ng.ru), «РБК» (rbc.ru) и некот. др. фиксируются такие, например, новые **термины**, как *CAR-клетка*, *CRISPR-системы*, *ENV-белок*, *MRSA-инфекция*, *биоимплант*, *биоинтерфейс*, *биометрический анализ*, *биопрепарат*, *биопринтинг*, *биопринтинговый*, *биопринтный*, *биопринтовый*, *биосимулятор*, *биохакинг*, *биткоин*, *биткойновый*, *блокчейн*, *видеомаппинг*, *виртуальный туннель*, *генеративно-состязательные сети*, *генетический профайл*, *ДНК-чип*, *дополненная виртуальность*, *зеттабайт*, *интеллектуальная распределенная энергетика*, *интернет вещей*, *квантовый симулятор*, *климатосберегающие технологии*, *нейронет*, *робоэдвайзинг*; **профессиональная лексика**: *ПАК*, *крипсы*, *самодвижущаяся платформа*; а также наименования новых технических объектов (**номенов**), которые традиционно не включаются в группу специальной лексики, вместе с тем также участвуют в процессе интеллектуализации языка: *2.5D-принтер*, *3D-камера*, *3D-лидар*, *3D-сканер*, *AI-объектив*, *AI-чип*, *AR-шлем*, *GPS-имплантат*, *GPS-трекер*, *GPS-чип*, *smart-наушники*, *smart-автомобиль*, *smart-градуусник*, *smart-камера*, *smart-очки*, *VR-тренажер*, *ИИ-чип*, *смарт-наушники*, *смарт-часы*.

Несмотря на очевидность тенденции активного перехода специальной лексики в широкое употребление, а также общепризнанности того факта, что «средства массовой информации играют большую роль в перемещении языковых единиц из узкоспециальных (в том числе жаргонных, просторечных, профессиональных) сфер общения в общелитературный язык» [Маркова, Рацибурская, Иссерс: 2], анализ употреблений новой терминологической лексики в медиа XXI века показывает, что процесс терминологизации русской речи сопровождается процессом «мнимой» терминологизации современных массмедиа, который возникает в результате распространения явления «**терминологического шума**», складывающегося как минимум из двух тенденций: (1) тенденции употребления в тексте *мнимых терминов* и (2) тенденции спорадического появления терминов в СМИ и/или их кратковременной актуализации.

Первой выявленной особенностью терминологизации медиадискурса стало обнаружение терминологической лексики, которая не является собственно терминами, главным образом потому, что она, в отличие от терминов, не функционирует в специализированных дискурсах, не фиксируется в специализированных источниках, в текстах отраслевых, научных статей, тезисах конференций и пр., но встречается только в массмедиа. Например, неологизмы *CRISPR-вмешательство*, *CRISPR-культуры*, *Crowd-технология*, *ГМ-лосось*, *ГМ-мышь*, *ВИЧ-частица*, *ДНК-программируемый*, *ИИ-лето*, *ИИ-дружок*, *ИИ-икона*, *ИИ-канал*, *ИИ-бум*, *ИИ-прорыв*, *ИИ-сиделка*, *ИИ-советник*, *ИИ-хелпер*, *ИИ-творчество*, *ИИ-скептик*, *ИИ-сфера*, *ИИ-сингулярность*, *ИИ-активы*, как и другие единицы этого типа, с одной стороны, в большинстве случаев благодаря использованию в структуре обыденных понятий служат для

упрощения понимания контекста, с другой стороны, «онаучивают» текст, т. е. делают текст более научным, т. к. такие слова выполняют терминологическую функцию и в ряде случаев воспринимаются читателем-неспециалистом как термины.

В этой лексике выделяется группа **публицистических квазитерминов** (квази... ‘ложный, мнимый’), под которыми понимаем не являющиеся собственно терминами лексические единицы, воспринимающиеся как слова специального дискурса, но функционирующие исключительно в медиадискурсе. Например: *CAR-инженерия*, *CRISPR-генный перенос*, *ВИЧ-частица*, *ИИ-сингулярность*, *клеточные автоматы*.

Частота употребления публицистических квазитерминов различна, ср.: *либрафобия* (1 фиксирующий документ), *ЭКО-пациент* (14 документов), *CRISPR-растения* (22 документа), *CRISPR-продукты* (62 документа).

Такие слова образованы, как правило, путем сложения основ, как минимум одна из которых имеет терминологическое значение. Ср.: 1) обе части являются терминами: *CAR-инженерия*, *CRISPR-генный перенос*, *CRISPR-мультиплексинг*, *CRISPR-фермент*, *CRISPR-наночастица*, *дамплинг-ион*, *либрафобия*), 2) один из элементов является термином: *ДНК-жизнь*, *клеточный автомат*, *нейропоэт*.

Рассмотрим подробнее один из случаев публицистических квазитерминов — окказиональный неологизм *либрафобия*, который употребляется в единственной цитате: «*Либрафобия: осмелятся ли люди платить через Facebook — Bloomberg*» (РБК. 01.07.2019).

Слово *либрафобия* — ‘страх, боязнь использования платежной системы на базе криптовалюты Libra’ — образовано сложением термина *либра* (платежная система на базе криптовалюты Libra) и медицинского, хоть и вошедшего в широкое употребление, термина *фобия* ‘страх, боязнь чего-л’. Первый компонент является термином из области цифровых технологий. Второй компонент позволяет поставить слово в один ряд с таким медицинскими терминами, именуемыми в медицине различные типы страхов и боязней, как *агарофобия*, *acroфобия*, *зоофобия* и пр. Так происходит создание единицы, не входящей ни в один из специализированных дискурсов, при этом внутренняя форма слова направлена на своего рода имитирование терминологической единицы на структурном и семантическом уровнях. Более того, носителями языка это слово воспринимается как термин: в проведенном опросе в 95 % случаев респонденты отметили слово *либрафобия* как термин.

Особого комментария требуют новые термины, в особенности новые термины-заимствования.

Ввиду того, что некоторые заимствованные термины оказываются сначала распространены в медиа и по прошествии времени фиксируются в русскоязычных специализированных ресурсах, их можно ошибочно отнести к публицистическим квазитерминам. Ср. *3D-ткань* в знач. ‘искусственная ткань

человеческих органов', *генетический принтер, ДНК-ножницы, киберпрагматика, нейрокостюм, нейроморфная инженерия, квантовый спутник, квантовый симулятор, Ланиакея, нейроморфная система, нейроморфное оборудование, нейроморфный чип, нейронное кружево, нейроимплант, октобот, плазмонный метаматериал, плазмонный сенсор.*

Терминологический, а не ложнотерминологический характер этих наименований обосновывается распространенностью этих заимствованных терминов в научных и специализированных изданиях на языке-источнике (на английском языке).

Так, термин *плазмонный метаматериал* впервые употребляется в 2007 году в научно-популярном ресурсе «СNews: Наука и разработки». По данным медийного банка «Интегрум», термин *плазмонный метаматериал* встречается в 127 документах, среди которых массовые (Vesti.ru, МТРК Мир, РИА Новости, Континенталист, Липецкий информационный портал, Neva24.ru, РБК, Взгляд и др.), научно-популярные (Научная Россия, N+1, Популярные нанотехнологии и др.) и отраслевые ресурсы (Металлы и Металлургия и др.).

Вместе с тем проверка по научной электронной библиотеке eLIBRARY.ru показывает, что термин *плазмонный метаматериал* употребляется в трех публикациях за 2010, 2015 и 2021 годы. При этом английское оригинальное наименование *plasmonic metamaterial* встречается в статьях с 2006 года и на момент обращения фиксируется в 1829 документах. Иначе говоря, *плазмонный метаматериал* новый, еще не широко распространенный в русскоязычной среде термин, но не публицистический квазитермин.

Особой категорией представляются такие наименования, как *ДНК-богатство, ДНК-детектив, CRISPR-оружие, CRISPR-сумасшествие, CRISPR-эпопея, биткоин-лихорадка, биткоин-мания, ИИ-пузырь, ИИ-фишка, ИИ-бум*. Подобные образные номинации выполняют главным образом стилистическую функцию. Хотя под влиянием первого компонента слово терминологизируется, по результатам проведенного опроса эти неологизмы в среднем менее чем в 20 % случаев идентифицируются респондентами как термины. Ввиду вышесказанного эту группу лексики можно отнести к так называемым *газетизмам* — словам, обладающим газетно-публицистической функционально-стилевой окраской, которые, «даже будучи малоупотребительными, типичны для газеты, наиболее ярко выражают ее идею, установку, реализуют одну из важнейших ее функций — функцию воздействия» [Солганик 2014: 88–89]. В условиях моды на терминологизацию используемой в медиа лексики (**терминологические**) **газетизмы** с компонентами-терминами в своей структуре также становятся одной из разновидностью мнимой терминологической лексики.

Таким образом, обнаружение публицистических квазитерминов, терминологических газетизмов в медиадискурсе говорит не только о близости языка науки и языка СМИ, не только о значимости достижений науки и техники

в XXI веке, не только об интеллектуализации языка, но об уподоблении публицистического стиля научному стилю, о тяготении языка СМИ в XXI веке к терминологическому наименованию явлений.

Второй выявленной особенностью процесса терминологизации стало обнаружение терминов, профессиональной лексики, употребляющихся в медиа в течение короткого периода.

Например, такие новые термины как *бумагофуга* (2017 год — 19 документов, 2018–2022 — 0), *голотелепортация* (2019 — 14, 2020–2022 — 0), *дамплинг-соединение* (2017 — 2, 2018–2022 — 0), *звуковая биометрия* (в знач. ‘в сфере цифровых и коммуникационных технологий — метод проверки подлинности личности путем анализа звука, проходящего через ушной канал’ [Ридецкая (ред.) 2021: 28]: 2019 — 2, 2020–2022 — 0), *цепеланы* (2017 — 6) отмечаются в текстах СМИ только в год появления, причем в некоторых случаях происходит тиражирование одного текста или цитаты в разных источниках, что искажает статистические данные. Ср.: в случае с термином *цепеланы* все источники (Популярная механика (www.popmech.ru), Рамблер — Новости (news.rambler.ru), PCNews.Ru, RosInvest.Com) воспроизводят один текст: *Удивительные цепеланы: вещество, опровергающее гравитацию... К изучению цепеланов быстро подключились теоретики, предсказав, что замкнутые наноструктуры углерода могут заключать самые разные атомы или молекулы, не взаимодействуя с ними.*

Также это актуально для терминов, продолжительное время существующих в специальных дискурсах, употребление которых на короткий промежуток времени активизируется в текстах СМИ. Ср. употребление терминов *изгибаемые многогранники*, *межпланетная транспортная система* в российских медиаисточниках:

Рис. 1. Распределенная по годам частота употребления в текстах российских СМИ терминов *изгибаемые многогранники*, *межпланетная транспортная система*

Fig. 1. Distributed by years, the frequency of use in the Russian media texts of the terms *flexible polyhedra*, *interplanetary transport system*

Согласно графику, функционирование появившегося в конце XX века термина *изгибаемые многогранники* до 2017 года характеризуется «мерцающей частотой» — эпизодическим появлением слова в текстах СМИ. В 2017 году наблюдается активизация употребления этого термина, после чего он постепенно исчезает из медиадискурса. Аналогичная модель употребления наблюдается у термина *межпланетная транспортная система*.

Период активизации употребления терминов *изгибаемые многогранники*, *межпланетная транспортная система* в медиа, несмотря на количество употреблений (около 300 фиксирующих документов у обоих терминов), не может быть рассмотрен как момент перехода и закрепления этих слов в общем употреблении, так как, во-первых, после скачка употреблений следует резкое снижение количества фиксаций с дальнейшим постепенным исчезновением этих лексических единиц из текстов СМИ и, во-вторых, эти термины во всех текстах информационно-аналитических и научно-популярных ресурсов вводятся с дополнительными комментариями, пояснениями и пр. средствами дискурсивной адаптации, см. [Громенко 2021], маркирующими неосвоенную носителями языка специальную, новую лексику. Иначе говоря, в дальнейшей перспективе без адаптации и роста количества употреблений период со значительным числом вхождений слова в тексты СМИ станет эпизодом проявления мерцающей частоты.

Это наблюдение можно считать достоверным, потому что в случаях, когда новый термин входил впоследствии в широкое употребление, частота его употребления имела прогрессивную динамику — постепенно увеличивалась и становилась стабильно высокой.

Для примера рассмотрим данные, характеризующие употребление слова *биткойн*, которое постепенно расширяло сферу функционирования, закрепляло высокую частоту употреблений и постепенно адаптировалось в специализированных медийных текстах.

Ср. динамику частоты употребления термина *биткойн* в текстах СМИ с 2011 по 2021 гг.: 2011 — 53; 2012 — 52; 2013 — 2617; 2014 — 6976; 2015 — 6331; 2016 — 9059; 2017 — 64 960; 2018 — 75 482; 2019 — 38 947; 2020 — 52 334; 2021 — 96 956; *биткойн* 2011 — 50; 2012 — 57; 2013 — 709; 2014 — 1710; 2015 — 1225; 2016 — 1590; 2017 — 13 031; 2018 — 13 454; 2019 — 6614; 2020 — 8873; 2021 — 20 810.

Как видно из статистических данных, термин *биткойн* (*биткойн*) в течение десяти лет функционирования в общепотребительной среде значительно увеличивает частоту употреблений в медиадискурсе. В 2019 году вариант *биткойн* пополняет нормативную базу информационного орфографического академического ресурса «Академос», косвенно подтверждая свою широкую употребительность, что также согласуется с показателями частоты употребления и выделением в 2013 году доминантного варианта (*биткойн*) в узусе.

Ранние цитаты с термином *биткойн* демонстрируют необходимость адаптации этого слова в текстах СМИ при помощи определений, комментариев,

перевода и т. д. Ср.: ...**так называемых биткоинов — виртуальных монеток, которые потом можно обменять на реальные деньги** (АиФ-Кубань. 29.06.2011); ...**bitcoin** (транслитерация — «биткоин»)... (Известия (московский выпуск). 17.12.2013); **новая валюта... биткоину (bit — единица информации «бит» и coin — «монета»)** (Российская газета. 16.12.2013); **биткоин это виртуальная валюта, главной особенностью которой является невозможность отследить ее пользователей — продавцов и покупателей...** (ИТАР-ТАСС. Наука и техника. 16.04.2013). Вместе с тем в 2021 году на информационном портале газеты «Известия» в течение 2021 года термин *биткоин* упоминается в 46 текстах, в которых лексема *биткоин* функционирует как широкоупотребительное, хорошо известное читателю слово: *Оплата в основном требуется в биткоинах* (Известия. 05.03.2021). Кроме того, освоенность этого понятия языковой средой подтверждается появлением шутливого наименования этой криптовалюты *бетховены*.

Таким образом, в отличие от термина *биткоин*, у терминов с мерцающей частотой, в том числе в случае с терминами с высокой, но кратковременной активностью употребления, за весь период функционирования в медиа не происходит качественного изменения функционирования, в их употреблении в неспециализированном дискурсе не прослеживается тенденция к переходу в общее употребление.

Проведенный анализ медиаисточников XXI века на предмет использования в них терминологической лексики позволил различить процесс терминологизации и процесс, являющийся следствием стилистической популярности элементов научного дискурса в языке СМИ, результатом моды на использование терминов и терминоподобных слов в языке СМИ. Если терминологизация неотъемлемо связана с интеллектуализацией общества, то есть с той актуальной для общества специальной лексикой, которая адаптируется или уже адаптировалась и закрепились в языке, то второй процесс связан с онаучиванием языка СМИ посредством публицистических квазитерминов, терминологических газетизмов и актуализированных терминов с мерцающей частотностью употребления, составляющих явление, которое можно обозначить как «терминологический шум», то есть фоновое, стилистическое наполнение медиапространства специальной лексикой без ее дальнейшего усвоения узусом.

Так, из рассмотренной выборки на материале медиа около 1000 новых или актуализированных терминологических понятий предположительно только около 4–5 % случаев узуализируется и станет теми словами, которые «обновят» словарный состав литературного языка. Это такие термины, как *графен*, *коронавирус*, *экзопланета*.

Все остальные терминологические неологизмы — то есть около 95 % выборки — представляют случаи терминологического шума — публицистические

квазитермины, терминологические газетизмы, термины с мерцающей частотой. Ср.: *AI-замок*, *AI-шопинг*, *AR-копия*, *bitcoin-инвестор*, *bitcoin-миллионер*, *CAR-инженерия*, *CRISPR-каскады*, *digital-глобализм*, *digital-экономика*, *smart-бизнес*, *биохак-мода*, *биохак-тренд*, *бирюза*, *биткоин-валюта*, *биткоин-википедия*, *биткоин-евангелист*, *биткоин-лихорадка*, *большое схлопывание*, *большой отскок*, *вселенная паутина*, *гедонофоб*, *генеративное творчество*, *генетический принтер*, *ГМ-атлет*, *ГМ-дрожжи*, *гуглоустойчивый*, *европеане*, *жидкая печать*, *звездный чип*, *ИИ-лаборатория*, *ИИ-очередь*, *ИИ-советник*, *интеллектуальный лайнер*, *когнитивное платье*, *криспы*, *смартгрид*, *микроугольные чипы*, *нейровизуализация*, *нейрокоптер*, *нейронное кружево*, *робопчела*, *роборыбак*, *робосумо*, *робот-акула*, *робот-нить*, *смарт-замок*, *смарт-колесо*, *точное земледелие*, *фотобиоредактор*.

Литература

- Академос [Электронный ресурс]. URL: <https://orfo.ruslang.ru/>
- Васильева Н. А., Самойленко Н. С., Васильев А. В. Функционирование медицинской терминологической лексики в отраслевых и популярных СМИ // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. Воронеж, 2020. С. 145–152.
- Герд А. С. Академический словарь в свете современных социолингвистических тенденций Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. 2013. Т. 9. № 2. С. 131–137.
- Гринёв С. В. Исторический систематический словарь терминов терминоведения. М.: 2000. 144 с.
- Громенко Е. С. К проблеме дискурсивной миграции терминов в русском языке XXI века (на материале периодической печати) // Вестник Череповецкого государственного университета. 2021. № 5 (104). С. 72–82.
- Дзялошинский И. М. Коммуникационные стратегии социальных институтов в медиапространстве России. Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. М.: 2013. 45 с.
- Жеребило Т. В. Газетно-публицистический стиль в условиях билингвизма // Современные проблемы науки и образования. М.: 2015. 272 с.
- Зидарова В. Динамика и актуални тенденции в съвременната българска лексикална система // Класика и авангард. София: Проф. Боян Пенев, 2006. С. 253–259.
- Иванова О. Е. К проблеме орфографической кодификации терминологии // Верхневолжский филологический вестник. 2016. № 3. С. 49–56.
- Иванова О. Е., Лопатин В. В. (отв. ред.). Русский орфографический словарь: около 180 000 слов / Сост. И. В. Нечаева, Л. К. Чельцова. 2-е изд., испр. и доп. М.: Российская академия наук, Институт русского языка им. В. В. Виноградова, 2005. 960 с.
- Интегрум [Электронный ресурс]. URL: <http://www.integrumworld.com>
- Клушина Н. И. Медиатизация современной культуры и русский национальный стиль // Русская речь. М.: 2014. С. 66–73.
- Кожевников А. Ю. (отв. ред). Новое в русской лексике. Словарные материалы – 2017. Сост. А. Ю. Кожевников, Ю. С. Ридецкая / Институт лингвистических исследований РАН. СПб.: Институт лингвистических исследований РАН, 2019. 138 с.
- Козловская Н. В. (отв. ред). Новое в русской лексике. Словарные материалы – 2018. Сост. Е. С. Громенко, А. Ю. Кожевников, Н. В. Козловская, Н. А. Козулина, С. Д. Левина, А. С. Павлова, Ю. С. Ридецкая / Институт лингвистических исследований РАН. СПб.: Институт лингвистических исследований РАН, 2020. 104 с.

- Коряковцева Е. И. Славянское словообразование в эпоху глобальной интернационализации: агглютинация при образовании русских, польских и чешских *nomina actionis* // Научное наследие Б. Н. Головина в свете актуальных проблем современного языкознания. Нижний Новгород, 2016. С. 75–84.
- Левина С. Д. (отв. ред). Новое в русской лексике. Словарные материалы – 2016. Сост. Н. В. Козловская, С. Д. Левина, Е. С. Громенко / Институт лингвистических исследований РАН. СПб.: Институт лингвистических исследований РАН, 2018. 122 с.
- Лейчик В. М. Терминоведение: предмет, методы, структура. Изд. 3-е. М.: 2007. 256 с.
- Маркова Е. М., Рацбургская Л. В., Иссерс О. С. и др. Роль СМИ в демократизации и креативизации современного русского языка // Вестник Московского государственного областного университета. 2017. № 1. С. 1–51.
- Назаренко А. И. Реалии экономического кризиса в языке аргентинской прессы // Актуальные вопросы иберо-романского языкознания. Казань, 2015. С. 120–128.
- Новое в русской лексике. Словарные материалы – 2015. Сост. Н. А. Козулина, С. Д. Левина / С. Д. Левина (отв. ред.), А. С. Павлова, Ю. С. Ридецкая / Институт лингвистических исследований РАН. СПб.: Институт лингвистических исследований РАН, 2020. 106 с.
- Полякова Н. В., Яшина М. Г. Особенности функционирования специальной лексики в печатных СМИ (на материале романских языков) // Вестник Московского государственного областного университета. М.: 2016. С. 1–10.
- Ридецкая Ю. А. (отв. ред). Новое в русской лексике. Словарные материалы – 2019. Сост. Е. С. Громенко, А. Ю. Кожевников, Н. В. Козловская, Н. А. Козулина, С. Д. Левина, А. С. Павлова, Ю. С. Ридецкая / Институт лингвистических исследований РАН. СПб.: Институт лингвистических исследований РАН, 2021. 110 с.
- Солганик Г. Я. Газетизмы // Эффективное речевое общение (Базовые компетенции). Словарь-справочник. Сибирский федеральный университет / Под ред. А. П. Сковородникова. Красноярск, 2014. С. 88–89.
- Юдина Н. В. О некоторых новых явлениях в сочетаемости лексем современного русского языка (на материале атрибутивно-субстантивных комплексов) // Известия российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. СПб.: 2006. С. 75–84.

References

- Akados. Available at: <https://orfo.ruslang.ru/>
- Dzylaloshinskii I. M. *Kommunikacionnie strategii socialnih institutov v mediaprostranstve Rossii* [Communication strategies of social institutions in the media space of Russia]. Avtoref. diss. ... dokt. filol. nauk. Moscow, 2013. 45 p. (In Russ.)
- Gerd A. S. [Academic dictionary in the light of modern sociolinguistic trends Acta Linguistica Petropolitana]. *Trudi instituta lingvisticheskikh issledovaniy*, 2013, vol. 9, no. 2, pp. 131–137. (In Russ.)
- Grinev S. V. *Istoricheskii sistematičeskii slovar' terminov terminovedeniya* [Historical systematic dictionary of terminology]. Moscow, 2000, pp. 144. (In Russ.)
- Gromenko E. S. [On the problem of discursive migration of terms in the Russian language of the XXI century (based on the material of the periodical press)]. *Vestnik Cherepovečskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2021, no. 5 (104), pp. 72–82. (In Russ.)
- Integrum. Available at: <http://www.integrumworld.com>
- Ivanova O. E. [On the problem of orthographic codification of terminology]. *Verhnevotzhskii filologičeskii vestnik*, 2016, no. 3, pp. 49–56. (In Russ.)
- Klushina N. I. [Mediatization of modern culture and the Russian national style]. *Russkaya rech*. Moscow, 2014, pp. 66–73. (In Russ.)

- Koryakovceva E. I. [Slavic word formation in the era of global internationalization: agglutination in the formation of Russian, Polish and Czech nomina actionis]. *Nauchnoe nasledie B. N. Golovina v svete aktualnih problem sovremennoyo yazikoznaniya*. Nizhnii Novgorod, 2016, pp. 75–84. (In Russ.)
- Kozhevnikov A. Yu. (ed.). *Novoe v russkoi leksike. Slovarnie materialy – 2017* [New in the Russian vocabulary. Dictionary materials – 2017]. Ed. by A. Yu. Kozhevnikov, Yu. S. Rideckaya. Institute of Linguistic Research. St. Petersburg, 2019. 138 p.
- Kozlovskaya (ed.). *Novoe v russkoi leksike. Slovarnie materialy – 2018* [New in the Russian vocabulary. Dictionary materials – 2018]. Ed. by E. S. Gromenko, A. Yu. Kozhevnikov, N. V. Kozlovskaya, N. A. Kozulina, S. D. Levina, A. S. Pavlova, Yu. S. Rideckaya. Institute of Linguistic Research. St. Petersburg, 2020. 104 p.
- Leichik V. M. *Terminovedenie: predmet, metodi, struktura* [Terminology: subject, methods, structure]. 3rd edition. Moscow, 2007. 256 p. (In Russ.)
- Levina S. D. (ed.). *Novoe v russkoi leksike. Slovarnie materialy – 2016* [New in the Russian vocabulary. Dictionary materials – 2016]. Ed. by N. V. Kozlovskaya, S. D. Levina, E. S. Gromenko. Institute of Linguistic Research. St. Petersburg, 2018. 122 p.
- Levina S. D. (ed.). *Novoe v russkoi leksike. Slovarnie materialy – 2015* [New in the Russian vocabulary. Dictionary materials – 2015]. Ed. by N. A. Kozulina, S. D. Levina, A. S. Pavlova, Yu. S. Rideckaya. RAS, Institute of Linguistic Research. St. Petersburg, 2020. 106 p. (In Russ.)
- Lopatin V. V., Ivanova O. E. (eds.). *Russkii orfograficheski slovar': okolo 180 000 slov* [Russian spelling dictionary: about 180,000 words]. Ed. by V. V. Lopatin, O. E. Ivanova, I. V. Nechaeva, L. K. Chelcova. 2nd edition., corrected and amended. Moscow, 2005.
- Markova E. M., Raciburskaya L. V., Issers O. S. et al. [The role of the media in the democratization and creativization of the modern Russian language]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta*, 2017, no. 1, pp. 1–51. (In Russ.)
- Nazarenko A. I. [The realities of the economic crisis in the language of the Argentine press]. *Aktualnie voprosi ibero-romanskogo yazikoznaniya*. Kazan, 2015, pp. 120–128. (In Russ.)
- Polyakova N. V., Yashina M. G. [Features of the functioning of special vocabulary in print media (based on the material of Romance languages)]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta*. Moscow, 2016, pp. 1–10. (In Russ.)
- Rideckaya Yu. A. (ed.). *Novoe v russkoi leksike. Slovarnie materialy – 2019* [New in the Russian vocabulary. Dictionary materials – 2019]. Ed. by E. S. Gromenko, A. Yu. Kozhevnikov, N. V. Kozlovskaya, N. A. Kozulina, S. D. Levina, A. S. Pavlova, Yu. S. Rideckaya. Institute of Linguistic Research. St. Petersburg, 2021. 110 p.
- Solganik G. Ya. [Newspaper words]. *Effektivnoe rechevoe obsh'enie (Bazovie kompetencii)*. Slovar-spravochnik. Sibirskii federalnii universitet. Ed. by A. P. Skovorodnikov. Krasnoyarsk, 2014, pp. 88–89. (In Russ.)
- Vasileva N. A., Samoilenko N. S., Vasilev A. V. [Functioning of medical terminological vocabulary in industry and popular media]. *Aktualnie voprosi sovremennoi filologii i zhurnalistiki*. Voronezh, 2020, pp. 145–152. (In Russ.)
- Yudina N. V. [About some new phenomena in the compatibility of lexemes of the modern Russian language (based on the material of attributive-substantive complexes)]. *Izvestiya rossiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gercena*. St. Petersburg, 2006, pp. 75–84. (In Russ.)
- Zherebilo T. V. *Gazetno-publicisticheskii stil' v usloviyah bilingvizma* [Newspaper and journalistic style in the conditions of bilingualism]. *Sovremennye problemi nauki i obrazovaniya*, Moscow, 2015, p. 272. (In Russ.)
- Zidarova V. *Dinamika i aktualni tendencii v svremennata blgarska leksikalna sistema* [Dynamics and current trends in the modern Bulgarian lexical system]. *Klasika i avangard*. Sofiya, Prof. Boyan Penev, 2006, pp. 253–259.

Разговорная речь как ресурс для коммерческих номинаций городских объектов

Оксана Сергеевна Иссерс, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского (Россия, Омск), Санкт-Петербургский государственный университет (Россия, Санкт-Петербург),
isserso@mail.ru

DOI: 10.31857/S013161170029353-7

АННОТАЦИЯ: Рассматриваются особенности формирования лингвистического ландшафта современного российского города за счет коллоквиализации коммерческих номинаций. Материал исследования — нейминг городских коммерческих объектов (эргоурбонимов), т. е. названия магазинов, гостиниц, предприятий сервиса и др. организаций. Выборка осуществлялась из справочной системы 2 ГИС и др. источников и составила более 300 единиц. Автор исходит из того, что экспансия разговорной речи в сферу городской номинации обусловлена рядом причин — когнитивных, коммуникативных и собственно лингвистических. Когнитивные предпосылки включения маркированных языковых единиц в сферу коммерческого нейминга объясняются задачами позиционирования объекта через коммерческое имя: нейм как элемент бренда всегда связан с моделированием представлений о товаре либо услуге в сознании потребителя. Коммуникативно-прагматические предпосылки связаны со свойственной разговорной речи установкой на неофициальное общение и с условиями ее осуществления в форме диалога. Диалог между производителем и потребителем в нейминге моделируется за счет заполнения нескольких типичных для ситуации покупки ролевых позиций (продавец, покупатель, его значимый спутник). Лингвистические предпосылки «разговорного нейминга» обусловлены задачами выбора актуального для целевой аудитории языкового кода. Представлены разнообразные примеры использования маркированных единиц разговорной речи разных языковых уровней. Сделан вывод об актуальности разговорной речи как источника генерации новых названий в современных

практиках коммерческого нейминга, ориентированных на понятный потребителю языковой код и культуру повседневного общения.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: нейминг, нейм, коммерческая номинация, эргоурбоним, урбаноним, разговорная речь, лингвистический ландшафт, коллоквиализация, язык города

для ЦИТИРОВАНИЯ: Иссерс О. С. Разговорная речь как ресурс коммерческих номинаций городских объектов // Русская речь. 2023. № 6. С. 38–51. DOI: 10.31857/S013161170029353-7.

БЛАГОДАРНОСТИ: Исследование проведено при финансовой поддержке гранта Санкт-Петербургского государственного университета (проект № 94033528 «Моделирование коммуникативного поведения жителей российского мегаполиса в социально-речевом и прагматическом аспектах с привлечением методов искусственного интеллекта»).

Issues of Modern Russian Language

Colloquial Speech as a Source of Commercial Nominations for Urban Objects

Oxana S. Issers, Dostoevsky Omsk State University (Russia, Omsk), Saint Petersburg State University (Russia, Saint Petersburg), isserso@mail.ru

ABSTRACT: The article describes the features of a linguistic landscape of a modern Russian city due to colloquialisation of commercial nominations. The research material of 300 linguistic units includes naming of urban commercial objects (ergourbanonyms) i. e. names of shops, hotels, service companies and other enterprises taken from the reference system 2 GIS and other sources. The author suggests that cognitive, communicative and linguistic reasons cause the expansion of colloquial speech into the sphere of urban nomination. Cognitive prerequisites for the inclusion of marked linguistic units into the sphere of commercial naming are explained by the aims of positioning the object through its commercial name. Being an element of a brand, a name is always connected to forming an image of a product or a service in the consumer's mind. Communicative and

pragmatic prerequisites are associated with the informal communication usual to colloquial speech and the conditions of its implementation in the form of a dialogue. The dialogue between a producer and a consumer in the naming process is developed due to the activation of several roles typical for the situation of buying (a seller, a buyer and his/her significant companion). Linguistic prerequisites of the “colloquial naming” arise due to the choice of a language code relevant to the target audience. The study also presents various examples of using marked colloquial speech units of different language levels. The author concludes that colloquial speech is relevant in terms of generating new names in modern commercial naming practices that are focused on a language code friendly to the consumer and the culture of everyday communication.

KEYWORDS: naming, name, commercial nomination, ergourbanonym, urbanonym, colloquial speech, linguistic landscape, colloquialization, language of the city

FOR CITATION: Issers O. S. Colloquial Speech as a Source of Commercial Nominations for Urban Objects. *Russian Speech = Russkaya Rech'*. 2023. No. 6. Pp. 38–51. DOI: 10.31857/S013161170029353-7.

ACKNOWLEDGEMENTS: The presented research was supported by Saint Petersburg State University, project no. 94033528 “Modeling of Russian megalopolis citizens’ communicative behavior in social, speech and pragmatic aspects using artificial intelligence methods”.

Введение

Языковой ландшафт современного российского города является актуальным объектом лингвистических наблюдений в силу того, что в наружной рекламе, текстах объявлений, вывесках, номинациях городских объектов прослеживаются многие тенденции, актуальные для функционирования современного русского языка.

Проблематика языкового/лингвистического ландшафта (linguistic landscape) стала особенно популярной в последние два десятилетия [Backhaus 2007; Китайгородская, Розанова 2010; Shohamy 2009; Федорова 2014; Мюллер 2020], хотя различные жанры письменной коммуникации в городской среде привлекли внимание отечественных и зарубежных исследователей значительно раньше — в 80–90-х гг. XX в. В этот период письменные тексты в публичном городском пространстве рассматривались в аспекте взаимодействия лингвистически и культурно смешанных сообществ, а одной из центральных тем исследований являлось многоязычие [Куссе 2020: 821]. В то же время стоит обратить внимание на то, что лингвистический ландшафт современного города является информативным объектом для изучения многих языковых процессов и на материале одного конкретного языка.

По мнению Х. Куссе, языковые ландшафты современных мегаполисов характеризуются сосуществованием **официального и частного** языков

[Куссе 2020]. Структура лингвистического ландшафта формируется теми типами дискурсов и жанрами текстов, которые определяют языковое существование горожанина. К ним можно отнести разнообразные жанры «утилитарного дискурса» (термин С. В. Лихачева [Лихачев 2013]) — таблички, указатели, объявления; жанры рекламного дискурса (наружная реклама на разнообразных носителях, вывески, надписи на транспортных средствах), граффити и т. д.

Неотъемлемой частью языкового (или лингвистического) ландшафта являются урбанонимы — номинации городских объектов, как коммерческих, так и некоммерческих (улиц, площадей, микрорайонов, организаций и учреждений).

Цель, материал, терминология и методы исследования

В исследовании рассматривается один из значимых компонентов лингвистического ландшафта, без которого не обходится ни одно городское пространство, — нейминг коммерческих объектов, то есть названия магазинов, гостиниц, предприятий сервиса, медицинских учреждений и др. организаций. Как правило, эти названия представлены на городских вывесках и тем самым являются неотъемлемой частью языкового существования современного города.

Под **коммерческой номинацией** (или неймингом в узком смысле) понимают языковую номинацию учреждений и товаров, ориентированную на получение коммерческой прибыли. В соответствии с этим коммерческая номинация является одним из инструментов брендинга и служит задачам позиционирования и продвижения продукта (товара или услуги). Наряду с указанным термином в исследованиях нейминга широко используется термин **эргоним**¹ [Шимкевич 2002; Новожилова 2005 и др.], который по своему объему лишь частично совпадает с коммерческой номинацией (последняя может относиться не только к организациям, но и к товарам, услугам). Учитывая сферу функционирования коммерческих номинаций, к ним нередко применяют термин урбаноним (урбоним)² [Замалетдинова 2016, Ремчукова, Соколова 2019]. Наиболее точно специфику нашего материала отражает термин **эргоурбоним**, обозначающий имя коммерческого объекта, размещенного в городской среде. В нем объединены признаки эргонима (названия делового объединения людей) и урбанонима (названия локализованного городского объекта, в котором находится само коммерческое предприятие) [Козлов 2001; Вайрах 2011].

В фокусе исследования находятся те коммерческие номинации, которые лингвистически маркированы как разговорные. Актуальность подобных наблюдений обусловлена тенденцией к изменению стилистической окраски «языка города», которая стабильно фиксируется на протяжении последних десятилетий: от установки на формальное, официальное общение — к «приватному»

¹ Эргоним — название предприятий или организаций, осуществляющих деятельность в различных сферах жизни общества (политической, экономической, социальной, духовной) [Подольская 1988: 151].

² Урбаноним — вид топонима, собственное имя любого внутригородского топографического объекта.

(по Куссе), неформальному взаимодействию с адресатом [Шмелева 2014, 2017, 2020, 2023; Михайлюкова 2012, 2017 и др.]. Не углубляясь в анализ этих процессов, отметим, что современные стратегии нейминга все более трансформируются (там, где это допустимо) в сторону неофициального общения с потребителем, по сути нарушая каноны институциональной экономической коммуникации, к которой относится сфера продаж. Широкое внедрение в городские номинации креативных решений, основанных на иронии, языковой игре, даже эпатаже, свидетельствует о том, что производитель стремится к сокращению дистанции со своим адресатом, используя в том числе и приемы нейминга. Проникновение стихии разговорной речи в сферу городской номинации отражает современную маркетинговую тенденцию к индивидуальной тональности в общении бренда с потребителем (Tone of Voice)³.

Направленная выборка материала осуществлялась из электронного справочника 2 ГИС, специализированных интернет-ресурсов, содержащих информацию о названиях коммерческих объектов определенного профиля, научной литературы и дополнена данными личных наблюдений автора (всего более 300 названий).

Описание материала построено на основе анализа когнитивных, коммуникативно-прагматических и собственно лингвистических оснований, определяющих расширение сферы функционирования «разговорного нейминга» в лингвистическом ландшафте современного российского города.

Результаты и обсуждение

Поскольку коммерческая номинация служит задачам позиционирования и продвижения товара или услуги потребителю, исходной точкой позиционирования является потребность целевой аудитории, которую удовлетворяет данный товар. Для этого «продавец» должен использовать когнитивную базу и языковой код, максимально соответствующий целевой аудитории товара. Для разных товарных категорий существуют свои критерии эффективности имен, определяющие в том числе уместную и допустимую тональность общения с потребителем (ср. ритуальные и туристические услуги).

Одним из источников «деформализации» общения с целевой аудиторией являются ресурсы разговорной речи (далее — РР). Данная языковая подсистема не только обладает соответствующими маркированными единицами, но и в силу своей коммуникативной специфики является мощным источником для трансформации лингвистического ландшафта современного города.

Представляется, что процессы коллоквиализации нейминга обусловлены рядом причин — когнитивных, коммуникативных и собственно лингвистических. Попробуем с этих позиций определить предпосылки активного влияния РР на стратегии нейминга городских коммерческих объектов.

³ Голос бренда (англ. Tone of Voice — ToV) — маркетинговый термин, который обозначает стиль коммуникации бренда с целевой аудиторией.

1. Когнитивные предпосылки экспансии РР в сферу нейминга обусловлены функцией коммерческого имени: название (нейм) как элемент бренда всегда связан с моделированием представлений о товаре либо услуге в сознании потребителя. То есть позиционирование имеет когнитивную природу: маркетинговые сражения происходят в сознании потребителя [Райс, Траут 2000]. Следовательно, нейминг должен способствовать актуализации соответствующих когнитивных структур в сознании адресата, стимулировать стереотипные ассоциации с продуктом. Например, для позиционирования алкогольной продукции необходимо активизировать соответствующую модель стереотипной ситуации (фрейм): кто, с кем, при каких условиях потребляет алкоголь, а также типовой сценарий употребления алкоголя — стимул, развитие сюжета⁴. В знание о стереотипной ситуации входят определенные типизированные представления: что говорят участники, как они называют продукт и даже чем может закончиться этот процесс.

Разговорная речь ориентирована более, чем другие подсистемы языка, на культуру повседневности, на бытовое общение, что не может не влиять на выбор коммерческих номинаций, через которые реконструируется структура фрейма и сценария потребления. Рассмотрим в качестве примера стереотипную ситуацию употребления алкоголя, в повседневной речи обозначаемую как выпивка. Мы обнаружим, что все основные слоты фрейма могут быть представлены маркированными по признаку разговорности номинативными либо предикативными единицами в названиях баров, пабов, ресторанов и алкомаркетов.

В номинации участников коммуникативного акта выпивки используются лексемы с иронической окраской: *Пивоман*, *Бухарик*. Позиция продавца либо потребителя нередко обозначается через стимул-призыв, типичный для инициации процесса: *По пивку? На вина! Бухни! Дерни, деточка! По грамммульке! По 100 грамм!* Условия осуществления коммуникативного акта отражают стереотипную ситуацию употребления алкоголя: *Не за рулем; После первой не целуюсь; Пиво есть?; Пиво — пить!; Вина не будет.*

В коммерческой номинации типичным является привычное для носителей языка обозначение самого продукта и его «компаньонов»: *Пивасик*, *Пив. Ко*, *Пражечка; Ёрш; Во!Бла*. Хронотоп фиксирует типичное место потребления и время: *Бухта; Под капотом; В Питере пить; До утра; На посошок!*

Нельзя не отметить, что в структуру фрейма входит слот «неумеренного потребления алкоголя и его результата», присутствующий в русском языковом

⁴ Ср., например, отражение этой ситуации и типичного стимула в анекдоте:

— Кто вчера первый предложил выпить?

Тишина.

— Кто вчера первый предложил выпить?

Опять молчок.

— Хорошо, ставлю вопрос по-другому: кто первый вчера сказал: «Ну что?» (<http://boro.da33.ru/23646/>)

сознании и закрепленный в коммерческих номинациях баров и ресторанов: *В доску!*; *Мам, я в хлам!*; *Тещины слезы*; *На рогах*; *Дрова*⁵; *Кто хочет, тот допьется*.

В структуру знаний об употреблении алкоголя в кафе или ресторане, баре входит и оценка «питейного заведения»: *Тот еще?! Бар*⁶.

Отметим, что некоторые номинации баров и ресторанов являются прецедентными текстами массовой культуры, активно функционирующими в разговорной речи: *Остата понесло*; *Где был?* (названия баров).

Существенный признак разговорной речи — ее ситуативность — определяется опорой на ситуацию, «подсказывающей» интерпретацию высказывания. «Говорящий оказывается в предикации к тому, что уже дано, что сказано и подсказано самой обстановкой речи» [Харченко 2012: 59]⁷. За счет этого возможна компрессия высказывания, сокращение речевых форм. Это проявляется, в частности, в характерном для разговорного дискурса **метонимическом обозначении ситуации**. В названиях коммерческих объектов широко представлены метонимические модели: *Не за рулем* (алкомаркет), *Хочу брови* (салон макияжа). По сути, на метонимической основе в нейминге регулярно используются маркеры легко идентифицируемой целевой аудиторией ситуации повседневного общения:

Я согласна (свадебный салон), *Полетели!* (кафе в аэропорту), *Давай покрепче!* (кальянная), *Корми правильно* (зоомагазин), *От юбки до шубки* (ателье), *От 12 и выше* (магазин женской обуви).

2. Коммуникативно-прагматические предпосылки разговорной речи связаны с установкой участников коммуникативного акта на неофициальное общение и условиями его осуществления **в форме диалога**, преимущественно устного.

Диалог между производителем и потребителем в нейминге моделируется за счет заполнения нескольких **ролевых позиций**: продавца, потребителя, а также условного спутника / близкого человека потребителя, который участвует в ситуации продажи либо не участвует, но значим для ситуации потребления. Все участники ситуации маркированы характерными для данной роли диалогическими репликами (см. об этом подробнее в работах: [Шмелева 2017; Михайлюкова 2017; Вепрева 2019]). В виде кратких иллюстраций покажем это на примерах.

Позиция продавца регулярно заполняется предикативными конструкциями с разговорной окраской, имитирующими непринужденное общение. Одним из популярных приемов имитации диалога является иллюкутивно

⁵ От разг. *напиться в дрова* — 'очень сильная стадия опьянения' (в дрова | это... Что такое в дрова? (academic.ru)).

⁶ Пунктуация оригинала сохранена.

⁷ О том, что ситуация является важной составляющей разговорного диалога, см. [Земская (ред.) 1973].

вынуждающая короткая реплика-вопрос от имени продавца: *Голоден?* (киоск быстрого питания), *Хочешь кушать?* (кафе), *Чашечку кофе?* (кафе), *Все ли поели?* (столовая).

Более настойчивый призыв к потребителю выражается императивами — глаголами в форме 2 лица ед. числа, типичными для нестатусного ТЫ-общения: *Ролл бери!* (*Блин бери!*), *Бухни!* (бар), *Пей здесь* (кофейня), *Заходи!* (магазин низких цен), *Заезжай и ставь!* (автосервис). Отнесение данных единиц к разговорной речи нам представляется возможным в силу отсутствия в данных высказываниях показателей вежливости, необходимых для соблюдения этики и культуры речи в условиях институционального общения.

Показателем установки на неформальное общение могут служить разговорные формы повелительного наклонения с частицей *-ка*, придающие оттенок увещевания, смягчения приказа: *Встрой-ка!* (кухни со встроенной мебелью на заказ), *Мой-ка!* (автомойка), *Вырастай-ка* (детский сад). Продуктивность подобных номинаций обусловлена омонимией с формами существительных, типичными для коммерческих наименований.

Воздействие на потребителя со стороны продавца усиливается за счет прямой либо косвенной оценки своего товара/услуги: *За селедкой только к нам* (рыбный ресторан), *СъелБыСам!* (эко-ресторан японской кухни), *Надо же! Чудные вещи и чаек* (магазин-клуб дизайнерского хендмейда).

Активная позиция продавца в диалоге обозначается типичными для разговорной речи этикетными приветствиями: *Привет, держи букет!* (цветочный магазин), *Привет, сосед* (пивной бар).

Рольевая **позиция потребителя** регулярно оформляется различными инициативными репликами, частотными в разговорной речи. Как правило, они выражают потребность целевой аудитории так, как о ней сообщают люди в неофициальной обстановке: *Хочу цветы!* (цветочный магазин), *Хочу в Лондон* (курсы англ. яз.), *Хочу люлей* (ресторан), *Хочу Харчо* (кафе), *Хочу Пури* (ресторан), *Надо подстричься* (парикмахерская), *ТурНАДО* (турагентство), *Стейк давай!* (ресторан), *Я б вдул* (кальянная).

В некоторых номинациях используется языковая игра, основанная на неснятой полисемии, с учетом значений, свойственных ненормативным сферам функционирования данных единиц (*Хочу люлей*, *Я бы вдул*).

Кроме того, коммерческие номинации обозначают рольевую характеристику потребителя, актуальную для ситуации покупки или приобретения услуги: *Слегка не замужем* (бар), *Буду мамой* (одежда для беременных).

Позиция значимого участника ситуации маркируется при помощи **вокативов**, которые являются типичными для диалогического общения. Их активное использование в составе коммерческих номинаций может рассматриваться как проявление тенденции к диалогизации нейминга. Обращение является значимым компонентом гонорифической системы языка (системы почтения), в связи с чем его использование всегда мотивируется коммуникативными задачами говорящего. В разговорной речи выбор обращения

сигнализирует о предлагаемой инициатором диалога дистанции между коммуникантами и тем самым служит инструментом ее регуляции.

Установка на неофициальное общение, свойственная разговорной речи, позволяет отходить от стандартных этикетных форм и использовать различные языковые варианты вокативов, нетипичные для институционального общения. Во-первых, это односложное или сокращаемое на один слог обращение: именно в разговорной речи функция обращения «проявляет свое формализованное своеобразие»⁸ [Харченко 2012: 74]: *Мам, я в хлам!*⁹

Экспрессия обращения создается за счет выражения личной симпатии, нередко в формах диминутива: *Дерни, деточка!* В этой же функции в качестве обращения используются субстантивированные прилагательные (*милая, молодой, уважаемый*). В нейминге подобные формы чаще всего приобретают ироническую окраску и представляют собой реплики диалога, где один из участников — потребитель: *Дорогая, я перезвоню* (бар/ресторан/паб); *Любимая, тебе братъ?* (шаверма и цветы). Встречается обращение по статусу/роли, исходящее от «значимого спутника» (в нашем примере — собаки, кошки и др. питомцев): *Хозяин, нам сюда* (зоомагазин).

Как и в позиции продавца, в роли покупателя возможны приветствия, но адресованные не непосредственному участнику коммуникативного акта, а... товару: *Привет, багет!* (булочная) *Привет, букет!* (цветочный магазин).

Установка на ироническое переосмысление традиционных форм вежливости, характерная для неформального общения, обнаруживается в оскюморных по своей сути конструкциях с обращениями: *Заткнитесь, сэр!* («бар с плохой репутацией», а также барбершоп в г. Одесса)¹⁰.

Существенной характеристикой РР является ее **спонтанность и неподготовленность** (некоторые исследователи отдают этим признакам главенствующую роль). Поскольку разработка коммерческой номинации относится к маркетинговой стратегии и выбор наименования не может быть случайным, разработчики названий (неймеры) намеренно используют эффекты неподготовленной речи, создавая иллюзию повышенной эмоциональности: *Ой, хорошо!* (баня), *Легко!* (агентство недвижимости), *Ай да кот!* (зоомагазин), *О! блин!* (блинная). Эмоция часто маркируется пунктуационно — восклицательным знаком.

Прагматика разговорного нейминга обнаруживается в обращении к прецедентным знакам массовой культуры, в том числе мемам, активно функционирующим в РР: *Еще не вечер!*¹¹ (студия танца); *Моя бабушка курит трубку*

⁸ О функционировании в разговорной речи особой формы звательного падежа (*Кать, Серез, мам, пап* и др.) см. также [Земская (ред.) 1973]).

⁹ Значимость МАМЫ как участника ситуации, отраженной в нейминге, отмечена в работах Т. В. Шмелевой, Е. Н. Ремчуковой, И. Т. Вепревой и др.

¹⁰ Используется прецедентная фраза из романа Джозефа Хеллера «Уловка-22».

¹¹ Песня Раймонда Паулса на стихи Ильи Резника из репертуара Лаймы Вайкуле; песня Владимира Высоцкого; российский телесериал 2010 года и др.

(кальянная)¹²; *Хенде хох!* (пивной ресторан); *Чей туфля?* (магазин обуви)¹³; *Ой, всё!* (бар)¹⁴; *Слава Богу, ты пришел!* (ресторан)¹⁵.

3. Лингвистические предпосылки «разговорного нейминга» обусловлены задачами выбора актуального для целевой аудитории языкового кода. С этой целью используются маркированные единицы РР разных языковых уровней. Поскольку это направление в изучении коммерческой номинации широко представлено в исследованиях русскоязычного нейминга [Китайгородская, Розанова 2010: 115–119; Шмелева 2014, 2017, 2020; Михайлюкова 2017], обозначим лишь основные ресурсы РР, актуальные для генерации коммерческих имен.

Лексика и семантика

В современном нейминге продуктивны стилистически сниженные сленговые и жаргонные языковые единицы: *В доску* (бар), *Авостка* (аптека), *Кузькина мать* (магазин подарков), *Твое шмотье* (магазин молодежной одежды), *Тоска зеленая* (бар). Возможна трансформация фразеологизмов с разговорной окраской: *Твое собачье дело* (зоомагазин). В качестве приема языковой игры с многозначными лексическими единицами используются их стилистически сниженные разговорные значения: *Разорвем!* (общество защиты прав потребителей); *Сушки* (суши-бар); *Шальные губки* (автомойка). Проявлением расширенных границ допустимого в публичной коммуникации можно считать приемы эвфемизации и дисфемизации: *Тот самый* (магазин для двоих), *То место* (винный магазин), *ЭПРСТ* (бар), *Тошнота* (экзистенциальное кафе).

В нейминге городских объектов наблюдается устойчивая тенденция использования разговорных вариантов личных имен: *Катюша*, *Катенька*, *Наташка*, *Светик*, *Саня*, а также типичных для РР способов обозначения места через конструкцию родительного падежа антропонима с предлогом *у*: *У Палыча*, *У Шурика*, *У дяди Бори* и т. п.

В последние годы в коммерческой номинации стали продуктивными субстантивы с предлогом *про*, активно использующиеся в РР для характеристики объектов. Например: *Брак — это не про любовь. Любовь — это про доверие*. В номинациях коммерческих объектов подобные конструкции выполняют задачу позиционирования по профилю предлагаемой продукции: *Про кофе*, *Про одежду*. Нередко эти конструкции дают возможность языковой игры с фонетической и грамматической формой на основе омофонии: *Про зрение* (оптика), *Про иски* (юридическая компания), *Место про тесто* (кафе).

¹² Песня Гарика Сукачева из альбома «Ночной Полет» группы «Неприкасаемые». Является одним из известнейших хитов музыканта.

¹³ Чей туфля? Моё! — известная фраза из советской кинокомедии Леонида Гайдая «Кавказская пленница, или Новые приключения Шурика».

¹⁴ Мем обыгрывает стереотип женской манеры общения; используется для резкого прекращения диалога.

¹⁵ Российское юмористическое шоу, основанное на импровизации. Выпускал телеканал СТС.

В 2010-х гг. в РР стала популярной конструкция существительного *район* с предлогом *на* в значении местоположения — *на районе*, что нашло отражение в названии заведения: *На районе* (бар) — как *на Псковщине*¹⁶.

Морфология и словообразование

Своеобразной модной новацией в русскоязычном нейминге можно считать использование наречий в предикативной функции: *Четко* (салон красоты), *Ярче!* (продукты), *Свежо!* (цветы) и т. п. Разговорный характер коммуникативов, типичных для диалогической речи, обнаруживается в названии *Легко!* (агентство недвижимости), имитирующем иллокутивно вынужденную реплику в ответ на запрос потенциального клиента риелторского агентства (*Поможете мне продать/купить квартиру или дом?*). Тем самым название формирует у адресата позитивное представление о качестве предлагаемых услуг.

Проявлением компрессии, свойственной РР, является эллипсис. Примером может служить использование в коммерческих номинациях наречий в предикативной функции со значением позитивной оценки: *Нарасхват* (одежда), *По карману* (одежда), где опущен объектный акт *что*.

Ресурсы разговорных моделей словообразования актуальны для образования коммерческих номинаций с иронической окраской: *Раздолбай-сервис*, *Оттяг-бар*, *Фитоняшка* (кафе для веганов).

Неиссякаемым ресурсом для разговорных коммерческих номинаций являются производные с суффиксами-универбами: *Мобилка* (салоны связи), *Копирка* (полиграфические услуги), *Парилка* (вейп-бар), *Сушка* (тренажерный зал) и т. п.

Фонетические ресурсы РР используются в номинациях, построенных на основе повторов, рифм, просторечных фонетических вариантов:

Вижу-вижу (оптика), *Трали-вали* (кафе), *Шашлык-башлык* (кафе), *Хата ламината* (строительный магазин), *Раша-Беляша* (кафе); *Шкапчик. Комод. Шифоньер* (комиссионный магазин); *Чё почем?* (бар в Красноярске и Екатеринбурге, интернет-магазин в Москве); *Ешь чё дали* (кафе быстрого питания)¹⁷.

Фонетические особенности разговорной речи служат источником коммерческих номинаций, имитирующих чужую речь или передразнивание: *Ням-ням* (кафе); *Жадина-говядина* (стейк-бар); *Очепятко нет* (полиграфия); *Хачу Шашлык* (ресторан).

Маркерами языковой игры с кодом, свойственной РР, являются разнообразные нарушения норм, в т. ч. орфографических и речевых: *Фкусно* (кафе), *Булка хлеба* (булочная). Не исключается и провокационная фонетическая аттракция: *Пир духа* (кафе), *Ты уху ел?* (ресторан), *Ах, уедь!* (туристическая фирма).

¹⁶ Это отражает тенденцию к активизации роли предлогов, отмеченную еще в 80-х гг. XX в. в монографии [Русская разговорная речь 1983: 96–98].

¹⁷ Орфография неймов нередко отражает ненормативный фонетический вариант.

Выводы

Изменения социального и коммуникативного статуса разговорной речи обнаруживаются в современных практиках коммерческого нейминга, ориентированных на разговорную стилистику и прагматику, а также на культуру повседневного общения. Необходимость максимально приблизиться к когнитивной базе и языковому коду своей целевой аудитории стимулирует экспансию разговорной речи в сферу городских номинаций. Эти процессы изменения стилистического регистра нейминга городских объектов обусловлены, в первую очередь, когнитивными, коммуникативно-прагматическими причинами. Они находят проявление в использовании маркированных по признаку «разговорности» единиц отдельных языковых уровней.

Городской ономастикон — самая подвижная часть лингвистического ландшафта современного города. Он меняется в силу не только социально-экономических, но и когнитивных, коммуникативно-прагматических и собственно лингвистических причин. Когнитивные предпосылки использования разговорных единиц как коммерческих номинаций связаны с тем, что разговорная речь ориентирована более, чем другие подсистемы языка, на культуру повседневности, на бытовое общение. Это обуславливает использование приемов фреймирования в нейминге — актуализацию структуры фрейма и типичных сценариев потребления того или иного продукта, известных носителям языка.

Коммуникативно-прагматические предпосылки экспансии разговорной речи в сферу нейминга связаны с установкой на имитацию ситуаций неофициального общения, осуществляемого в форме диалога. Диалог между производителем и целевой аудиторией моделируется за счет заполнения нескольких ролевых позиций, типичных для коммуникативного акта в диаде *продавец — потребитель*.

Лингвистические предпосылки «разговорного нейминга» обусловлены задачами выбора актуального для потребителя языкового кода. С этой целью используются маркированные единицы разговорной речи разных языковых уровней.

Современные тренды в номинации городских объектов способствуют расширению источников генерации коммерческих имен, вносят значительную новизну в лингвистический ландшафт города, а также меняют тональность общения с горожанином. В контексте поиска оптимальных способов воздействия на потребителя разговорная речь является одним из неисчерпаемых ресурсов номинации городских объектов.

Литература

Вайрах Ю. В. Эргоурбонимия города Иркутска: структурно-семантический и лингвокультурологический аспекты исследования: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Улан-Уде, 2011. 24 с.

Вепрева И. Т. Современный эргонимикон: в поиске новых форм выражения // Вопросы ономастики. 2019. Т. 16. № 4. С. 168–179.

Замалетдинова Л. Р. Современные русские урбанонимы в аспекте креативной речевой деятельности: дис. ... канд. филол. наук / Рос. ун-т дружбы народов. М.: 2016. 24 с.

- Китайгородская М. В., Розанова Н. Н.* Горожанин и его речевая среда // Языковое существование современного горожанина (на материале языка Москвы). М.: ЯСК, 2010. С. 115–119.
- Козлов Р. И.* Современные эргоурбонимы в городской топонимической системе // Известия Уральского гос. ун-та. Гуманитарные науки. 2001. № 20. Вып. 4. С. 29–35.
- Куссе Х.* Языковой ландшафт коронокризиса в Германии // Коммуникативные исследования. 2020. Т. 7. № 4. С. 814–846.
- Лихачев С. В.* Утилитарный дискурс в антропогенном пространстве коммуникации: дис. ... докт. филол. наук / Ин-т языкознания РАН. М.: 2013, 506 с.
- Михайлюкова Н. В.* Тексты городских вывесок как особый речевой жанр (на материале языка г. Владивостока): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Владивосток, 2012. 24 с.
- Михайлюкова Н. В.* Языковой облик современного города: учеб. пособие. Владивосток, 2017. 360 с.
- Мюллер А.* Об отражении пандемии в разнокультурных лингвистических ландшафтах (на примере элементов публичного пространства Минска, Нюрнберга и Варшавы) // Коммуникативные исследования. 2020. Т. 7. № 4. С. 846–864.
- Новожилова Т. А.* Номинация современных коммерческих предприятий: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ростов-на-Дону, 2005. 19 с.
- Подольская Н. В.* Словарь русской ономастической терминологии / Отв. ред. А. В. Суперанская. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Наука, 1988. 187 с.
- Райс Э., Траут Дж.* Маркетинговые войны. СПб.: Издательский дом «Питер», 2000. 158 с.
- Ремчукова Е. Н., Соколова Т. П.* «Свое» и «чужое» в коммуникативном пространстве российского города // Коммуникативные исследования. 2019. Т. 6. № 1. С. 31–50.
- Русская разговорная речь: Фонетика. Морфология. Лексика. Жест / Отв. ред. Е. А. Земская. М.: Наука, 1983. 239 с.
- Федорова Л. Л.* Языковой ландшафт: город и толпа // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2014. Т. 13. № 6. Журналистика. С. 70–80.
- Харченко В. К.* Современная повседневная речь. Изд. 3-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. 182 с.
- Шимкевич Н. В.* Русская коммерческая эргонимия: прагматический и лингвокультурологический аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Екатеринбург, 2002. 22 с.
- Шмелева Т. В.* Ономастикон российского города. Саарбрюккен: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2014. 137 с.
- Шмелева Т. В.* Коммуникативные единицы на городских вывесках // Русский язык за рубежом. 2017, № 5 (265). С. 14–18.
- Шмелева Т. В.* Великий Новгород. Ономастический портрет. Великий Новгород: Печатный двор, 2020. 288 с.
- Шмелева Т. В.* Прикольные вывески в современном российском городе // Коммуникативные исследования. 2023. Т. 10. № 3. С. 542–557.
- Backhaus P.* Linguistic landckapes. A comparative study to urban multilingualism in Tokyo. Clevedon, Buffalo, Toronto, Multilingual Matter LTD., 2007. 158 p. (Multilingual Matter, 136).
- Shohamy E., Gorter D.* (eds.). Linguistic landscape: Expanding the scenery. New York and London, Routledge (Taylor & Francis Group), 2009. 352 pp.

References

- Backhaus P. *Linguistic landckapes. A comparative study to urban multilingualism in Tokyo*. Clevedon, Buffalo, Toronto, Multilingual Matter LTD., 2007. 158 p. (Multilingual Matter, 136).
- Fedorova L. L. [Linguistic landscape: city and crowd]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istorija, filologiya* [Vestnik NSU. Series: History and Philology]. 2014, vol. 13, no. 6. Zhurnalistika [Journalism]. Pp. 70–80. (In Russ.)
- Harchenko V. K. *Sovremennaya povsednevnaya rech'* [Modern everyday speech]. 3rd edition. Moscow, Knizhnyi Dom "LIBROKOM", 2012. 182 p.

- Kitaigorodskaya M. V., Rozanova N. N. [A city dweller and his speech environment]. *Yazykovoe sushchestvovanie sovremennogo gorozhanina (na materiale yazyka Moskvy)* [Linguistic existence of a modern city dweller (based on the language of Moscow)]. Moscow, YASK Publ., 2010.
- Kozlov R. I. [Modern ergourbanonyms in the city toponymic system]. *Izvestiya Ural'skogo gos. un-ta. Gumanitarnye nauki* [Izvestia. Ural Federal University Journal. Humanities and Arts]. 2001, no. 20, vol. 4, pp. 29–33. (In Russ.)
- Kusse H. [Linguistic landscape of the Corona crisis in Germany]. *Kommunikativnye issledovaniya*, 2020, vol. 7, no. 4, pp. 814–846. (In Russ.)
- Lihachev S. V. *Utilitarnyi diskurs v antropogennom prostranstve kommunikacii. Diss. dokt. filol. nauk* [Utilitarian discourse in the antropogenic space of communication. Dr. philol. sci. diss.]. Institute of Linguistics of Russian Academy of Sciences. Moscow, 2013. 506 p.
- Mihailyukova N. V. *Teksty gorodskih vyvesok kak osobyi rechevoi zhanr (na materiale yazyka g. Vladivostoka). Avtoref. diss. kand. filol. nauk* [Texts of urban signs as a specific speech genre (Based on the language of Vladivostok City). Cand. philol. sci. diss. abstract]. Vladivostok, 2012. 24 p.
- Mihailyukova N. V. *Yazykovo oblik sovremennogo goroda: ucheb. posobie* [Language image of a modern city: Study guide]. Vladivostok, 2017. 360 p.
- Myuller A. [On the reflection of pandemic in multicultural linguistic landscapes (on the example of elements of the public space of Minsk, Nurberg, and Warsaw)]. *Kommunikativnye issledovaniya*, 2020, vol. 7, no. 4, pp. 846–864. (In Russ.)
- Novozhilova T. A. *Nominaciya sovremennykh kommercheskih predpriyatii. Avtoref. diss. kand. filol. nauk* [Nomination of modern commercial enterprises. Cand. philol. sci. diss. abstract]. Rostov-on-Don, 2005. 19 p.
- Podol'skaya N. V. *Slovar' russkoi onomasticheskoi terminologii* [Dictionary of Russian onomastic terms]. Chief editor A. V. Superanskaya. 2nd edition (revised and expanded). Moscow, Nauka Publ., 1988. 187 p.
- Remchukova E. N., Sokolova T. P. ["Native" and "foreign" in the communicative space of a Russian city]. *Kommunikativnye issledovaniya*, 2019, vol. 6, no. 1, pp. 31–50. (In Russ.)
- Ries A., Trout J. *Marketing warfare*. McGraw-Hill, 1986. 215 p. (Russ. ed.: Rajs E., Traut Dzh. *Marketingovye voiny*. St. Petersburg: Izdatel'skii dom "Piter", 2000. 158 p.).
- Russkaya razgovornaya rech': Fonetika. Morfologiya. Leksika. Zhest* [Russian Colloquial Speech: Phonetics. Morphology. Lexis. Gesture]. Chief editor E. A. Zemskaya. Moscow, Nauka Publ., 1983. 239 p.
- Shimkevich N. V. *Russkaya kommercheskaya ergonimiya: pragmaticeskii i lingvokulturologicheskie aspekty. Avtoref. diss. kand. filol. nauk* [Russian commercial ergonymy: pragmatic and linguoculturological aspects. Cand. philol. sci. diss. abstract]. Ekaterinburg, 2002. 22 p.
- Shmeleva T. V. *Onomastikon Rossijskogo goroda* [Onomasticon of a Russian city]. Saarbrücken, LAP LAMBERT Academic Publishing, 2014. 137 p.
- Shmeleva T. V. [Communicative units in the city signs]. *Russkii yazyk za rubezhom*, 2017, no. 5 (265), pp. 14–18. (In Russ.)
- Shmeleva T. V. *Velikii Novgorod. Onomasticheskii portret* [Velikiy Novgorod. Onomastic portrait]. Velikiy Novgorod, Pechatnyi dvor, 2020. 288 p.
- Shmeleva T. V. [Cool signs in a modern Russian city]. *Kommunikativnye issledovaniya*, 2023, vol. 10, no. 3, pp. 542–557. (In Russ.)
- Shohamy E., Gorter D. (eds.). *Linguistic landscape: Expanding the scenery*. New York and London, Routledge (Taylor & Francis Group), 2009. 352 pp.
- Vairah Yu. V. *Ergourbonimiya goroda Irkutsk: strukturno-semanticheskii i lingvokulturologicheskie aspekty issledovaniya. Avtoref. diss. kand. filol. nauk* [Ergourbanonymia of Irkutsk city: structural, semantic and linguoculturological aspects of the study. Cand. philol. sci. diss. abstract]. Ulan-Ude, 2011. 24 p.
- Vepreva I. T. [Modern Russian ergonymy: in search for new forms]. *Voprosy onomastiki*, 2019, vol. 16, no. 4, pp. 168–179. (In Russ.)
- Zamaletdinova L. R. *Sovremennye russkie urbanonimy v aspekte kreativnoi rechevoi deyatel'nosti. Avtoref. diss. kand. filol. nauk* [Modern Russian urbanonyms in the aspect of creative speech activity. Cand. philol. sci. diss. abstract]. RUDN University, Moscow, 2016. 24 p.

«Суету навести охота!»: от мема к речевой практике

Наталья Владимировна Семёнова, Анна Владимировна Рубцова,
Высшая школа лингводидактики и перевода, Санкт-Петербургский политехнический университет
Петра Великого (Россия, Санкт-Петербург), semenova.nv@spbstu.ru, rubtsova_av@spbstu.ru

DOI: 10.31857/S013161170029354-8

АННОТАЦИЯ: В «пандемийный» 2021 год одним из самых популярных интернет-мемов стал мем «Суету навести охота!». Он быстро приобрел признаки настоящего медиавируса, или культурного репликатора, который многократно множился и трансформировался сообразно интересам широкой, прежде всего молодежной, аудитории. И хотя стремительное вхождение мема в российское медиапространство сопровождалось массой его культурных имитаций, неизменной оставалась лексическая основа первоисточника — выражение «навести суету». Это выражение, ранее фиксируемое, но мало востребованное в литературном языке, в новых реалиях постепенно закрепились в сфере повседневного непринужденного общения. Оно стало яркой приметой не только молодежной речи, но и фактически перешло в разряд экспрессивных колокаций литературной разговорной речи.

Авторы статьи считают, что укоренение выражения «навести суету» в современной речевой практике не было случайным. С одной стороны, ему способствовали культурные тренды, получившие развитие задолго до пандемийной эпохи, такие, как «дорожная суетология», пополнившая лексикон современного россиянина лексемами *суетолог* и *суета* в значении «уличные гонки без правил», и молодежное движение «Абу бандитов», красочно продемонстрировавшее подобную «суету» рядовому интернет-пользователю. С другой стороны, огромное влияние на данный процесс оказали глубинные лингвистические механизмы, которые актуализировали коннотативные возможности лексемы *суета*, закрепленные за ней в других формах общенародного языка. Получив новый коннотативный ореол, лексема *суета* приобрела и новую сочетаемость, благодаря которой существенно расширила сферу своего функционирования. В новом качестве

она стала успешно конкурировать с лексемой *движуха* в устойчивом выражении «навести движуху», которое, вероятнее всего, было заимствовано молодежным жаргоном из маргинальных лексических ресурсов русского арго, имевшим в своем распоряжении коллокацию «навести кипиш».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: интернет-мем, культурный тренд, медиапространство, речевая практика, русский язык, молодежный жаргон

для цитирования: Семенова Н. В., Рубцова А. В. «*Суету навести охота!*»: от мема к речевой практике // Русская речь. 2023. № 6. С. 52–62. DOI: 10.31857/S013161170029354-8.

Issues of Modern Russian Language

“*Suetu Navesti Okhota!*”: from the Meme to Everyday Speech

Natal'ya V. Semenova, Anna V. Rubtsova, Graduate School of Applied Linguistics, Interpreting and Translation, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University (Russia, Saint Petersburg),
semenova.nv@spbstu.ru, rubtsova_av@spbstu.ru

ABSTRACT: In the pandemic year of 2021, the phrase “*Suetu navesti ohkota!*” became one of the most popular Internet memes in Russia. It quickly developed the features of a true media virus, or a cultural replicator, which multiplied and repeatedly mutated in response to the interests of a large (and mainly young) audience. As the meme rapidly spread across the Russian media landscape, the culture produced many of its versions. Still, the linguistic content of the original meme — the phrase “*navesti suetu*” — remained unchanged. Having been rarely used in literary language, this phrase gradually seeped into everyday communication in the new reality. It became not only a vivid marker of youth slang but also part of colloquial language. We believe it was no accident that “*navesti suetu*” became widely used in general parlance. On the one hand, it was facilitated by cultural trends that developed long before the pandemic. One of them is the practice of aggressive driving on the roads, referred to as “*suetologiya*”, which added to the modern Russian language lexemes such as “*suetolog*” denoting an aggressive driver and “*sueta*” denoting reckless driving. Another one is the subculture of Abu bandits, who demonstrated what “*sueta*” is like to the average

Internet user. On the other hand, we believe that this process was greatly influenced by the mechanisms deep within the language, which reacted to the connotations that the word “sueta” has in other strata of the Russian language. Having developed new connotative meanings, the word “sueta” also formed new collocations, which greatly expanded its range of use. In its new capacity, it started successfully competing with the word “dvizhukha”, which is an element of the youth slang phrase “navesti dvizhukhu”. This phrase was most likely borrowed by the youth from such marginal lexis as the Russian prison slang, where the collocation “navesti kipish” is used.

KEYWORDS: Internet meme, cultural trend, media landscape, everyday language, Russian language, youth slang

FOR CITATION: Semenova N. V., Rubtsova A. V. “Suetu Navesti Okhota!”: from the Meme to Everyday Speech = *Russkaya Rech'*. 2023. No. 6. Pp. 52–62. DOI: 10.31857/S013161170029354-8.

Внесенная в заголовок фраза, означающая желание «внести в размеренную жизнь разнообразие, движение, веселье» (Ответы Mail.ru, <https://otvet.mail.ru/question/223981798>), стала вирусной в 2021 году. Вхождение ее в широкий, прежде всего молодежный, обиход имеет точную дату. Она стала популярной после видеоролика, выложенного в ТикТок 12 декабря 2020 года пользователем @tuktarev. На видео молодой человек, лениво жуя жвачку, в конце хрипло произносит: «Суету навести охота!» Видеоролик за полтора месяца набрал около 20 тысяч просмотров, а его звуковая дорожка была использована 18 000 раз другими пользователями разных социальных сетей и сервисов. Довольно скоро упоминание о «суете» в таком исполнении стало топовым интернет-мемом, заняв почетное 18-е место среди главных мемов 2021 года [Кривец 2021].

История поисковых запросов, по данным сервиса Wordstat Yandex, показала, что в январе 2021 года фразой «Суету навести охота!» интересовались 18 969 интернет-пользователей русскоязычного сегмента, в феврале — 40 512 (максимум), в марте — 25 972, в апреле — 22 016, в мае — 13 888, в июне — 10 707 (<https://clck.ru/337jCs>). Далее кривая запросов пошла вниз. Это, впрочем, вполне соответствовало устоявшимся «правилам игры»: согласно исследованиям журналиста Джо Вейкса, средняя продолжительность «жизни» мема — 4,017 месяца [Veix 2018]. Интернет-мем «Суету навести охота!», однако, имел особую судьбу. Он не только вызвал неподдельный интерес широкой публики в момент своего появления и многократно имитировался впоследствии, но, как и подобает настоящему медиавирусу, быстро стал «мутировать». Развиваясь по правилам *культурного репликатора*, он, конечно же, транслировал

скрытые в нем концепции, своеобразный идеологический код [Докинз 2016: 291–306; Рашкофф 2003: 15]. Эти концепции были так уместны и востребованы именно «в это время и в этом месте», что всё тот же автор медиапортала «Memeredia» предположил: «“Суету навести охота” — это уже не просто интернет-мем. Эта фраза вошла в разговорную речь и, скорее всего, останется надолго» [Кривец 2021]. Так и получилось: постепенно обособившись от исходного мема, фраза «Суету навести охота!» быстро освоила молодежное пространство непринужденного общения. Однако мы должны признать, что в широкой медиасфере закрепилась лишь лексическая основа первоисточника — выражение «навести суету», сохранившее все исходные ассоциации. Случайным или неслучайным было столь стремительное вхождение нового выражения в повседневную речевую практику — вот тот вопрос, ответ на который мы попытаемся дать в этой статье.

Сначала немного о «внешней стороне» процесса. Широкому распространению исходной фразы «Суету навести охота!» во многом способствовал выход 9 апреля 2021 года одноименного трека музыкального исполнителя Augustray. Именно в этот день видеоролик был загружен на его официальный канал YouTube. Трек был с восторгом принят публикой, а интернет пестрел призывами типа «Принцесски, го наводит суету? этот дикий трек уже в сети»¹ (Женский интернет-журнал. [https://privately.ru/note/183928-princesski-go-navodit-suetu-jetot-dikij-trek-uzhe-v-seti-audiozapis.html](https://privately.ru/note/183928-princesski-go-navodit-suetu-jetot-dikij-trek-uzhe-v-seti)).

Живой интерес к «наведению суеты» параллельно поддерживался и частными к теме дорожной суетологии «абушниками», или «Абу бандитами». Молодежный тренд «Абу бандиты», в основе которого лежало увлечение уличным гонками без правил, начал развиваться в 2015 году. Он заключался в продвижении особого танцевального стиля дагестанской уличной культуры и тоже имел конкретного «прародителя» — Надыршаха Гадисова. Танец исполнялся после выхода из авто, за рулем которого совершалась сногсшибательная, в прямом смысле этого слова, гонка по городским улицам. В основе придуманного Гадисовым танца — соединение элементов шафла, лезгинки и движений хардбасса. Естественно, что этот «феномен» не остался незамеченным и многократно копировался пользователями Сети. С переменным успехом танцы «абушников» пользовались популярностью до начала двадцатых годов [Шаповалов 2021]. Но разразившаяся в 2020–2021 годах пандемия COVID-19 наложила жесткие ограничения на любые передвижения, не говоря уже об автогоночном «веселье». На фоне этих ограничений, по всей видимости, и рождается известный мем.

Примерно в это же время широкой аудитории становится известно новое слово — *суетолог*, хотя в узких кругах оно появилось значительно раньше. Так в среде любителей уличных гонок именовали первоначально лихих водителей, отличающихся агрессивным стилем вождения и пренебрежением всеми

¹ Здесь и далее в примерах сохранена авторская пунктуация и орфография.

правилами дорожного движения. *Суеолог* буквально расшифровывается как «*наводящий суету*» на дороге. Возможно, новая лексема чрезвычайно популярной стала именно благодаря «абушникам». Еще в 2017 году С. С. Кислицкая, описывая сленг дагестанской молодежи, фиксирует выражение «суету не наводи!» [Кислицкая 2017]. «Абу бандиты», как известно, особым успехом пользовались именно в этих краях. Однако вряд ли само слово возникло в субкультуре «абушников». К поклонникам «Абу бандитов» выражения «наводить / не наводить суету», очевидно, приходят из спортивного жаргона, возможно даже, что из сленга профессиональных автогонщиков и их болельщиков. По крайней мере, на такой путь указывают случаи использования выражения «наводить суету», которые фиксируют ресурсы Национального корпуса русского языка (далее — НКРЯ) задолго до появления культурного тренда «Абу бандитов»: *Ждем 2007 года с Шумахером за рулем RB3! Александр Черненко, 2005.12. 18 19: 12. Всякое может быть, но ИМХО ШУМИ никуда из ФЕРРАРИ не пойдёт, а ВИЛЛИ наводит суету в поиске спонсоров поденжнее* (НКРЯ: Автогонки-1 (форум). 2005); *Соперницы начали резво: навели суету на корт. Мы даже растерялись: они как стали носиться, мелькать перед глазами — одна в желтом, другая в красном* (НКРЯ: Дневник наблюдений Елены Весниной о пользе бурчания // Советский спорт. 2009.09).

Со стопроцентной уверенностью, впрочем, это утверждать нельзя, поскольку, например, анализ различных обсуждений «ВКонтакте», совершенно далеких и от «автогоночной» темы, и от спортивной тематики как таковой, тоже дает нам выражение «суету не наводи» лет за пять-шесть до появления тренда «Абу бандитов» (ВКонтакте. Обсуждение темы Молодежный слэнг и жаргон сообщество позитив. 06.07.2009. https://vk.com/topic-11614_21162431). Кроме того, безусловно, следует учитывать и общекультурный контекст молодежных интересов. *Суеологи* как феномен, связанный устойчивыми ассоциациями с автогонками, конечно, не возникли на пустом месте. В общем-то, это своеобразная отечественная проекция западных *стритрейсеров* (street racers) — участников уличных любительских гонок по городу, а также *стритсраекеров* (street sruckers) — автогонщиков, которые отличаются повышенным вниманием к звуковому сопровождению движения по городскому потоку. Можно предположить, что интерес к *стритрейсингу* (street racing) в молодежной среде долгое время поддерживался медиафраншизой «Форсаж», начавшейся в 2001 и к настоящему времени включающей уже десять полно- и короткометражных фильмов.

Как бы то ни было, но по мере развития интереса к уличным городским гонкам, а точнее с 20-х годов XXI века, *суета* и *суеологи* в России перестают ассоциироваться только с «абушниками». В отечественной «пандемийной» практике дорожная «суеология» постепенно приобретает почти профессиональный и, вдобавок к тому же, коммерческий оттенок: за относительно небольшую плату опытные суеологи получили возможность оказать услугу

«прокатить с ветерком» всех желающих. Об этом свидетельствуют материалы различных СМИ и медиапорталов начала 2021 года: например, «Суетолог и мастер порядка: странные профессии, появившиеся в 2020 году» (Радио «Комсомольская правда». 27.01.2021. <https://radiokp.ru/podcast/ekonomika-na-radio-kp/665035>), «Хайпжор и суетолог: столичные компании ищут необычные кадры» (Вечерняя Москва. 03.02.2021. <https://vm.ru/society/858665-hajpozhor-i-suetolog-stolichnye-kompanii-ishut-neobychnye-kadry>). Сам суетолог стал рассматриваться уже как организатор любого, не обязательно автогоночного, «движа», который за определенную мзду может выполнить любые поручения. Именно такое объявление уже в марте 2021 года появилось на местном новостном портале в Амурской области. Автор объявления обещал «отвезти, посмотреть, купить, передать, забрать, отдать, починить, выручить, найти, договориться, придумать» (АСН24.РУ — Амурская служба новостей. **Суетолог** за тысячу в час: благовещенцам предлагают скинуть все хлопоты на незнакомца. 16.03.2021. <https://asn24.ru/news/top/86628/>). Со временем такие объявления стали появляться все чаще и в разных регионах страны. В качестве суетолога выступали продавцы авто на «Авито», тамада на свадьбе, мастер маникюра, а чуть позднее мы стали свидетелями «экспансии» лексемы *суетолог* и в другие сферы. Сейчас, например, совершенно естественно встретить ее на любом юмористическом канале Telegram, где в качестве суетолога выступают любимый кот или попугай. В широкую медиасферу перемещается и интересующее нас выражение, связанное с *суетой*: *Владелец SpaceX Илон Маск вчера навел суету на весь интернет, запустив для твиттерских опросник: «Кто должен решать судьбу Донбасса: сами жители или кто-то другой»* (Телеграм-канал «Русская душа». 03.10.2022. <https://t.me/rusoul1/3969>). Причем оно может быть намеренно использовано в силу своей «кликабельности». Такой трюк, например, был применен молодым редактором отдела оперативной информации «Lenta.ru» Варварой Кошечкиной, выпустившей материал под заголовком «Путин потребовал не **наводить суету** с мобилизацией» (lenta.ru. 29.09.2022. <https://lenta.ru/news/2022/09/29/suetaaa/>). Конечно, в речи главы государства подобного выражения не было², но оно, по всей вероятности, было совершенно естественным для автора заметки — носителя молодежного жаргона.

В условиях новой «разговорности», надо отметить, само слово *суета* осознается как любое «деятельное участие». И в этом плане совершенно естественна фраза «Спасибо за суету!», которая все чаще попадает на глаза в опосредованной интернет-коммуникации. В значении «много разных дел, которые выполняются быстро и часто беспорядочно», слово *суета* прочно укореняется в молодежной речи. Это значение формулируют сами пользователи Сети. Например, на сервисе «Яндекс Кью»: «Анонимный вопрос: "Почему в интернете

² Дословно из речи В. В. Путина: «Со всем этим без суеты, спокойно, но быстро, детально, основательно нужно разобраться» (https://www.m24.ru/videos/obshchestvo/29092022/506677?utm_source=CopyBuf).

стало популярно выражение «суета?»» Ответ: “А потому что скорость жизни растёт, в сети особенно”» (Яндекс Кью. 09.02.2021. https://yandex.ru/q/question/pochemu_v_internete_stalo_populiarno_1b23e349/).

Такая «суета» — часто призыв к небольшому бунту против прозы жизни, желание повеселиться и похулиганить, и «навести суету» в этом смысле — это по-прежнему означает «кому-то скучно, и нужно срочно побуянить или сделать что-то забавное, смешное» (Большой вопрос. <http://www.bolshoyvopros.ru/questions/3730263-chto-znachit-suetu-navesti-ohota.html#answer10920195>).

Социальная сеть «ВКонтакте» на запрос по лексеме *суета* выдает 4477 одноименных сообществ, среди которых есть полу-, не- и профессиональные автогонщики, но есть и просто молодежные группы, даже школьные, которые адресуют «Всем пламенный привет!» и сообщают, что «Это сообщество создано для суеты, чистой суеты нашей Школы №49» (ВКонтакте. <https://vk.com/suetaschool49>).

Каковы же лингвистические причины такой широкой востребованности лексемы *суета* в молодежной субкультуре, как и, собственно, фразы «Суету навести охота!» и лежащего в ее основе глагольного словосочетания *навести суету*?

Наш анализ стоит начать, наверное, с упоминания прочной связи лексемы *суета* в русском языковом сознании с половицей *Суета сует, и всяческая суета*, восходящей к библейскому выражению из Книги Екклесиаста (Еккл. 12:8). Этимология этого слова возводит нас к старославянскому наречию *сѹе* в значении «напрасно, зря» [Фасмер 2006: 797]. В 17-томном «Словаре современного русского литературного языка» близкое значение у *суеты* фиксируется в качестве первого: «1. То, что ничтожно, маловажно, не представляет истинной ценности» [Балахонова, Войнова (ред.) 1963: 1168]. А в качестве второго значения словарь отмечает «2. Беспорядочное движение, торопливая беготня, хлопоты» [Там же]. И именно в этом значении слово *суета* становится приметой современной речевой практики. (В разговорной речи, кстати, можно встретить «суетню», отмечаемую многими словарными источниками с пометой «разг.».)

Интересно, что В. И. Даль особо выделил такой оттенок второго значения *суеты*, как «||Забава, игрушка, любимое занятие, потешка» [Даль 2006: 353], оттенок, который, как видим, самым неожиданным образом актуализировался в наше время. Кроме того, и у В. И. Даля, и в «Словаре современного русского литературного языка» отмечается в качестве самостоятельного просторечный вариант: «о суетливом человеке». Например, у Даля: «о челов. суета, кто без толку суетится, скорый, спешливый, торопыга, сбрёховатый» [Там же]; в «Словаре современного русского литературного языка»: «м. и ж. Простореч. О суетливом человеке. — Полицеймейстер порядочный суета» [Балахонова, Войнова (ред.) 1963: 1169]. Поздние словари данное значение уже не фиксируют.

Литературный язык не дает нам типичных глагольных сочетаний со словом *суета* в рассматриваемом втором значении, за исключением описательных предикатов с метафорой движения, ср: *Мне особенно тяжело потому, что вижу отчетливо — идёт суета, совершаются ошибки за ошибками, глупости* (НКРЯ: Вадим Бакагин, Георгий Рожнов. Реакция отторжения // Огонек. № 8. 1991). В эту же группу можно включить и описательные предикаты с глаголами *подняться — подниматься*, которые тоже, по сути своей, являются метафорой движения, вернее его начала: *Остановился и встречный поезд. Поднялась суета, бегала поездная прислуга* (А. И. Спиридович. Записки жан-дарма. 1925).

Кроме того, слово *суета* может сочетаться с глаголами, обозначающими фазы действия, но только с непереходными. Поэтому совершенно естественны в русской речи выражения типа *началась/продолжалась/закончилась суета* при невозможности **начать/продолжить/закончить суету* (по крайней мере, литературная норма не допускает таких выражения). При этом другие переходные глаголы, имеющие в семантической структуре производных значений фазовый компонент 'начинаемость', совершенно свободно реализуют такую модель (хотя и в разговорном варианте). Образующиеся в результате описательные предикаты нередко встречаются в современной литературной речи. Мы имеем в виду глаголы «разводить — развести» и, соответственно, выражения *разводить суету — развести суету*. Ср: *Мы вновь призываем соответствующие страны и политиков знать свое место, осознавать ошибки, придерживаться международных норм и законов, прекратить разводить суету для вмешательства в дела Гонконга», — указывается в заявлении* (МИД Китая призвал Канаду прекратить вмешиваться в дела Гонконга. ТАСС. 22.08.2019. <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/6786612>); *Восемь лет назад в деревню Вершинино на берегу Кенозера приехали киношники. Развели суету, повсюду ходили с камерами* (Российская газета. Е. Цинклер. Как живут герои фильма про почтальона Тряпицына. 14.07.2021. <https://rg.ru/2021/07/14/reg-szfo/kak-zhivut-geroi-filma-pro-pochtalona-triopicyna.html>).

Глагол *разводить* в данном случае, согласно «Словарю современного русского литературного языка», имея помету «разг.», обозначает в одном из своих значений следующее: «9. Начинать, затевать что-либо (обычно неприятное, докучное)» [Фелицына, Шмелева (ред.) 1961: 200], благодаря которому он свободно допускает сочетаемость как с литературными, так и с жаргонными синонимами типа *шумиха* и *движуха*. Например: «*В то же время они разводят шумиху вокруг ответных ракетных запусков России, заявляя, что это доказывает жестокость несправедливой войны, начатой Москвой*», — указал Ким Ю Хёк (В КНДР считают, что реакция Запада на взрыв на Крымском мосту показывает двойные стандарты. ТАСС. 26.10.2022. <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/16160589>); *Многие компании сейчас занимаются имитацией деятельности. Проводят какие-то бесконечные тендеры, внутренние аттестации*

сотрудников. *Разводят движуху на пустом месте* (Мослента. Юлия Анасян. «Возможностей меньше, зарплаты ниже». Что происходит на рынке труда в Москве. 15.06.2015. <https://moslenta.ru/city/rabota.htm>).

Более того, глагольная пара *разводить* — *развести* устойчиво сочетается и с аргоизмом *кипиш* (*кипеш*), который пришел в общий русский жаргон в значении «Галдеж, шум, драка» [Мокиенко, Никитина 2000: 255], а в молодежном добавил еще одно значение — «Суета, хлопоты» [Никитина 2007: 106]. Ср.: *Ребята как обычно развели кипиш в беседке, Поэтому для всех, кто не успел вовремя зайти и уследить за новостями читайте скрин хд* (ВКонтакте. 09.06.2014. https://vk.com/wall-59630086_515).

Об изначальной склонности аргоизма *кипиш* к сочетаемости с глаголом *навести* нас информирует «Словарь русского арго» В. С. Елистратова (правда, в орфоэпических вариантах *хипеж/хипеш/хипиш* и др.): «Шум, скандал, крик. Хипеж поднять (или **навести**) — поднять шум, устроить кому-л. крупную головомойку» [Елистратов 2000: 514].

Нельзя сказать, что коллокация *навести кипиш* сейчас активно востребована носителем русского языка, однако ее легко можно найти в современном медиапространстве: *Если ты умеешь **навести позитивный кипиш**, то эта работа для тебя!* (HeadHunter. 16.01.2023. <https://ekaterinburg.hh.ru/vacancy/74039114>); *Не нужно быть большим интеллектуалом, чтобы **навести кипиш** в интернете* (Собака.ru. Крылов К. Сергей Шнуров — Татьяне Толстой: «Русскую культуру нужно запрещать!». 12.05.2022. <https://www.sobaka.ru/entertainment/music/149554>).

Структурно-семантическая модель словосочетания, по которой строится эта коллокация, скорее всего, легла в основу и другого устойчивого выражения, более распространенного именно в молодежной среде. Мы имеем в виду выражение *навести движуху*, которое означает «организовать приятный отдых для друзей на вечеринке» [Никитина 2007: 61; Мокиенко, Никитина 2000: 148].

Лексема *суета*, которая в реалиях последних лет приобрела новый коннотативный ореол, легко включается в синонимические отношения с оценочными молодежными «словечками» *кипиш* и *движуха* и, следовательно, приобретает новые, не свойственные ей, сочетаемостные возможности. Причем в силу своей яркой, еще не стертой экспрессивности, она становится не столько равноправным синонимом, сколько серьезным конкурентом. Новая лексическая «переменная» в сочетании с глаголом *навести* расширяет сферу функционирования распространенной исключительно в молодежной среде коллокации, и теперь эта коллокация становится обычной для разговорной речи. Возможно, устойчивость данного выражения поддерживается и параллельным фразообразованием в литературном языке, где давно существует схожее по смыслу выражение *навести беспорядок* как антонимичное более традиционному *навести порядок*, ср.: *В одной из миссий вам предстоит на-*

**вести беспорядок на улицах, врезаясь во все, что появится на вашем пути,
2 Литература**

- Балахонова Л. И., Войнова Л. А. (ред.). *Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. / Акад. наук СССР. Ин-т рус. яз. Т. 14. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1963. 1390 стб.*
- Даль В. И. *Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 4: Р – Я. М.: РИПОЛ классик, 2006. 672 с.*
- Докинз Р. *Эгоистичный ген / Ричард Докинз; пер. с англ. Н. Фоминой. М.: АСТ: CORPUS, 2016. 512 с.*
- Елистратов В. С. *Словарь русского арго: Материалы 1980–1990-х гг.: Около 9000 слов, 3000 идиоматических выражений. М.: Русские словари, 2000. 694 с.*
- Кислицкая С. С. Особенности сленга дагестанской молодежи // *Universum: филология и искусствоведение: электрон. научн. журн. 2017. № 2 (36). [Электронный ресурс]. URL: <https://universum.com/ru/philology/archive/item/4284> (дата обращения: 16.01.2023).*
- Кривец Н. Главные мемы 2021 года. Версия редакции «Мемепедии» [Электронный ресурс]. URL: <https://memepedia.ru/glavnye-memy-2021-goda-versiya-redakcii-memepedii/> (дата обращения: 16.01.2023).
- Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. *Большой словарь русского жаргона: 25 000 слов, 7000 устойчивых сочетаний. С.-Петербург: Норинт, 2000. 717 с.*
- Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 16.01.2023).
- Никитина Т. Г. *Толковый словарь молодежного сленга. М.: Астрель: АСТ: Хранитель, 2007. 255 с.*
- Рашкофф Д. *Медиавирус. Как поп-культура тайно воздействует на ваше сознание / Пер. с англ. Д. Борисов. М.: Ультра. Культура, 2003. 368 с.*
- Фасмер М. *Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т. 3. 3-е изд., стер. СПб.: Terra – Азбука, 1996. 832 с.*
- Фелицына В. П., Войнова И. Н. (ред.). *Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. / Акад. наук СССР. Ин-т рус. яз. Т. 12. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1961. 1676 стб.*
- Шаповалов А. От АУЕ до мема: почему дагестанскими «абу бандитами» мечтают стать миллионы подростков. 22.01.2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.stav.kp.ru/daily/27229/4355871/> (дата обращения: 16.01.2023).
- Veix J. 4.017 months. The average lifespan of a meme, according to extremely scientific data (Jun, 23 2018). Available at: <https://theoutline.com/post/5035/greenwich-meme-time?zd=1&zi=ga3tbskj> (accessed 16.01.2023).

References

- Balakhonova L. I., Voinova L. A. (red.). *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka: v 17 t.* [Dictionary of the modern Russian Literary language: in 17 vols.]. Vol. 14. Moscow, St. Petersburg, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1963. 1390 cols.
- Dal' V. I. *Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: v 4 t.* [Explanatory dictionary of the Living Great Russian language: in 4 vols.]. Vol. 4: R – Ya. Moscow, RIPO Classic Publ., 2006. 672 p.
- Dawkins R. *The selfish gene.* Oxford University Press, 1989. 352 p. (Russ. ed.: Dokinz R. *Ehgoistichnyi gen.* Moscow, AST: CORPUS Publ., 2016. 512 p.).
- Elistratov V. S. *Slovar' russkogo argo: Materialy 1980–1990-kh gg.: Okolo 9000 slov, 3000 idioma-ticheskikh vyrazhenii* [Dictionary of the Russian argo] Moscow, Russian Dictionaries Publ., 2000. 694 p.
- Fasmer M. *Ehtimologicheskii slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Etymological dictionary of the Russian language: in 4 vols.]. Vol. 3. 3rd ed., St. Petersburg, Terra – Abc Publ., 1996. 832 p.

- Felitsyna V. P., Voinova I. N. (red.). *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka: v 17 t.* [Dictionary of the modern Russian Literary language: in 17 vols.]. Vol. 12. Moscow, St. Petersburg, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1961. 1676 cols.
- Kislitskaya S. S. [Features of slang of Dagestani youth]. *Universum: filologiya i iskusstvovedenie: ehlektron. nauchn. zhurn.*, 2017, no. 2 (36). (In Russ.) Available at: <https://universum.com/ru/philology/archive/item/4284> (accessed 16.01.2023).
- Krivets N. *Glavnye memy 2021 goda. Versiya redaktsii "Memepedii"* [The main memes of 2021. Version of the "Memepedia" edition]. Available at: <https://memepedia.ru/glavnye-memy-2021-goda-versiya-redakcii-memepedii/> (accessed 16.01.2023).
- Mokienko V. M., Nikitina T. G. *Bol'shoi slovar' russkogo zhargona: 25 000 slov, 7000 ustoychivyykh sochetanii* [Big dictionary of the Russian slang]. St. Petersburg, Norint Publ., 2000. 717 p.
- Natsional'nyi korpus russkogo yazyka* [Russian National Corpus]. Available at: <http://ruscorpora.ru/> (accessed 16.01.2023).
- Nikitina T. G. *Tolkovyi slovar' molodezhnogo slenga* [Explanatory dictionary of youth slang]. Moscow, Astrel: AST: Guardian Publ., 2007. 255 p.
- Rushkoff D. *Media virus: hidden agendas in popular culture*. Ballantine Books Publ., 1996. 368 p. (Russ. ed.: Rashkoff D. *Mediavirus. Kak pop-kul'tura taino vozdeistvuet na vashe soznanie*. Moscow, Ul'tra. Kul'tura, 2003. 368 p.).
- Shapovalov A. *Ot AUE do mema: pochemu dagestanskimi "abu banditami" mechtayut stat' milliony podrostkov. 22.01.2021* [From AUE to a meme: Why millions of teenagers dream of becoming Dagestani "abu bandits". 22.01.2021.]. Available at: <https://www.stav.kp.ru/daily/27229/4355871/> (accessed 16.01.2023).
- Veix J. *4.017 months. The average lifespan of a meme, according to extremely scientific data* (Jun, 23 2018). Available at: <https://theoutline.com/post/5035/greenwich-meme-time?zd=1&zi=ga3tbskj> (accessed 16.01.2023).

«Словарь языка русской поэзии XX века» в контексте цифровой авторской лексикографии

Лариса Леонидовна Шестакова¹, Анна Сергеевна Кулева², Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Россия, Москва), lara.shestakova@mail.ru¹, an_kuleva@mail.ru²

DOI: 10.31857/S013161170029356-0

АННОТАЦИЯ: В статье рассматривается концепция «Словаря языка русской поэзии XX века» в контексте цифровой лексикографии. Словарь представляет собой сводный объяснительный конкорданс (по творчеству десяти поэтов, творивших преимущественно в эпоху Серебряного века), который содержит все контексты из выбранных источников, иллюстрирующие все употребленные лексемы (включая и служебные слова, и имена собственные). В отличие от традиционных конкордансов, в словаре приводятся не отдельные строки, а полноценные законченные контексты, при необходимости снабженные комментариями, а словарные статьи факультативно дополняются многофункциональной зоной значения, где приводятся толкование (для не вполне понятных слов), морфологические характеристики, стилистические пометы и другая важная лингвистическая информация. Таким образом, словарь не только представляет срез поэтического словоупотребления определенной эпохи, но и дает его в лингвистически проанализированном виде, что делает словарь информативным источником и для исследователей, и для читателей-неспециалистов. В основе словаря лежат идеи В. П. Григорьева, который более полувека назад утверждал, что лексикографическое представление поэтического языка имеет большое значение для изучения общенационального языка, и видел перспективный путь развития авторской лексикографии в использовании цифровых методов. «Словарь языка русской поэзии XX века» начал создаваться в 1990-е гг., когда развитие электронных ресурсов сделало возможной работу с большим массивом текстов. Во многом составление словаря шло параллельно с появлением и развитием цифровых методов, корпусной лингвистики

(в частности, с созданием Национального корпуса русского языка). Таким образом, словарь позволяет осмыслить тенденции цифровизации авторской лексикографии в исторической перспективе. В публикации приводятся примеры, иллюстрирующие разные этапы работы над словарем: от предварительной компьютерной обработки текста до готовых словарных статей. Анализируются трудности, с которыми сталкивается составитель словаря, и пути их преодоления.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: авторская лексикография, корпус, лексикология, лингвистическая поэтика, поэтический язык, словарная статья, электронный авторский словарь

для цитирования: Шестакова Л. Л., Кулева А. С. «Словарь языка русской поэзии XX века» в контексте цифровой авторской лексикографии // Русская речь. 2023. № 6. С. 63–76. DOI: 10.31857/S013161170029356-0.

Issues of Modern Russian Language

“Dictionary of the Language of Russian Poetry (20th Century)” in the Context of Digital Author Dictionary

Larisa L. Shestakova¹, Anna S. Kuleva², Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences (Russia, Moscow), lara.shestakova@mail.ru¹, an_kuleva@mail.ru²

ABSTRACT: The paper deals with the conception of the “Dictionary of the language of Russian poetry (20th century)” in the context of digital lexicography. The dictionary is a summary explanatory concordance, which contains all the contexts from the selected sources — works of ten poets who worked mostly in the period of the Silver Age of Russian Poetry. These contexts illustrate all the lexemes used (including function words and proper names). Unlike traditional concordances, the dictionary contains not just individual lines but entire contexts, complete with commentary when necessary, while dictionary entries include an optional multifunctional meaning zone, which provides interpretation (for obscure words), morphological characteristics, stylistic markings and

other important linguistic information. Thus, the dictionary not just offers a cross-section of the poetic usage of the epoch in question but makes sure that it is presented in a linguistically analyzed form, making the dictionary an informative source for both researchers and non-specialists. The dictionary is based on the ideas of V. P. Grigor'ev who more than half a century ago argued that the lexicographic representation of the poetic language is of great importance for the study of the national language and regarded the use of digital methods as a promising way to develop the author lexicography. Work on "The Dictionary of the Language of Russian poetry (20th century)" started in the 1990s when development of electronic resources made it possible to work with large arrays of texts. The compilation of the dictionary was essentially carried out side by side with the emergence and development of digital methods and corpus linguistics (in particular, creation of the Russian National Corpus). Thus, the dictionary makes it possible to comprehend the trends of digitalization of the author lexicography in a historical perspective. The publication provides examples illustrating different stages of work on the dictionary: from preliminary computer text processing to ready-made dictionary entries. The difficulties facing the compiler of the dictionary and ways to overcome them are analyzed.

KEYWORDS: author lexicography, corpus, dictionary entry, electronic author dictionary, lexicology, linguistic poetics, poetic language

FOR CITATION: Shestakova L. L., Kuleva A. S. "Dictionary of the Language of Russian Poetry (20th Century)" in the Context of Digital Author Dictionary. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2023. No. 6. Pp. 63–76. DOI: 10.31857/S013161170029356-0.

Авторская лексикография на современном этапе

Авторская лексикография (теория и практика составления словарей языка отдельных авторов и групп авторов — писателей, ученых, философов и т. д.) в настоящее время в значительной степени связана с цифровой средой. С одной стороны, создание современных словарей уже немислимо без помощи компьютерных технологий, которые дают возможность обрабатывать большие массивы текста. С другой стороны, готовые словари могут быть представлены в цифровой форме. Помимо того что ранее созданные авторские словари всё чаще публикуются в интернете, что делает их более доступными для современного читателя, могут преобразовываться в цифровые продукты (например, в информационно-поисковые системы), новые словари этого типа нередко сразу создаются в электронной форме (см. подробнее [Шестакова 2011: 228–229; Шестакова, Кулева 2023]).

Цифровой формат создания и представления словарей породил новые трудности, преодоление которых способствует совершенствованию методологии и технологии работы над авторскими словарями, а многие проблемы важны и для развития теории общей лексикографии. Новым шагом в лексикографии

становится предоставляемая электронным форматом возможность корректировать и обновлять словари — дополнять, трансформировать, а также изменять интерактивные инструменты, переходить от словарей к корпусам текстов, что предполагает более активную роль пользователя словаря.

Хотя цифровизация лексикографии, в том числе авторской, характерна для современного этапа развития лингвистики, теоретические и практические истоки этого можно найти уже в научной литературе прошедших десятилетий.

Так, особый интерес сейчас вызывают работы видного специалиста по лингвистической поэтике Виктора Петровича Григорьева, и особенно его новаторский труд «Поэт и слово. Опыт словаря», вышедший полвека назад.

В. П. Григорьев: «Поэт и слово» (1973)

Идеи В. П. Григорьева нашли отражение в «Словаре языка русской советской поэзии» [Григорьев 1965] и работах «Поэт и слово. Опыт словаря» и «Поэтика слова» [Григорьев 1973; 1979]. Григорьев видел в жанре словаря как путь к изучению феномена художественной речи, прежде всего поэтической, так и способ аккумулировать языковой материал для его исследования. Особенно важно, что ученый уделял большое внимание адресату авторского словаря, ставя цель «сделать словарь интересным и для читателя-неспециалиста» [Григорьев 1973: 48] и утверждая, что словарь поэтического языка может «содержать чисто научные и популяризаторские задачи» [Григорьев 1965: 54–55].

Новаторский экспериментальный труд 1973 года основывался на идее о том, что для полного описания национального языка требуется «адекватное представление» [Григорьев 1973: 56] способов преобразования языковых элементов в художественном тексте, т. е. общеязыковых механизмов, действие которых особенно хорошо видно на примере поэтического языка.

Ученый со своим коллективом тщательно разрабатывал структуру словарных статей, сложную многоаспектную систему помет, обращая пристальное внимание на различные преобразования слова, в первую очередь — семантические. Так, в частности, предлагались специальные пометы, отмечающие тропеические употребления слова: Мтф — необщезычковое метафорическое употребление, Мтн — неавтоматизированное или не полностью автоматизированное метонимическое употребление, Олиц — олицетворение, Симв — символическое употребление и др. (подробнее см. [Шестакова 2011: 202–206]).

При глубокой проработке инструментов лингвистического анализа, первые опыты создавались на весьма ограниченном материале: проспект словаря [Григорьев 1965] включал всего 30 словарных статей, содержащих более 900 словоупотреблений, экспериментальный труд «Поэт и слово. Опыт словаря» [Григорьев 1973] предлагал опыт «обследования и словарного представления 28 стихотворных произведений двенадцати разных поэтов», всего 2790 слов / 6770 словоупотреблений [Григорьев 1973: 13].

Наиболее новаторскими и перспективными идеями Григорьева можно назвать следующие: во-первых, убеждение, что для изучения поэтической речи

необходимо обратиться «к сплошному обследованию и словарной обработке целостных художественных текстов во всей сложности их словесно-образных структур» [Григорьев 1973], и во-вторых, установка на сопоставительное изучение языка разных поэтов. Безусловно, планы такого рода в свое время выглядели буквально неподъемными — не случайно в предисловии к опыту словаря Григорьев предполагал, что для такой работы необходимо создание многочисленного коллектива составителей. Но уже на том этапе ученый особое внимание обращал на перспективы компьютерной обработки текстов, приводя лаконичный, но поразительно содержательный обзор новейших разносторонних исследований (например, [Засорина 1966; Leed 1966]), критически отмечая тем не менее тот факт, что имеющиеся издания были преимущественно конкордансами, включающими минимальные формализованные контексты из произведений отдельных авторов. Однако технические возможности для воплощения идей Григорьева появились только спустя годы.

«Словарь языка русской поэзии XX века» в ретроспективе и перспективе

Говоря о цифровизации в сфере авторской лексикографии, специально остановимся на таком проекте, как «Словарь языка русской поэзии XX века» (СЯРП) [Григорьев, Шестакова (отв. ред.)], который стал воплощением новаторских идей В. П. Григорьева и его экспериментальных лексикографических опытов.

В середине 1990-х гг. в Институте русского языка им. В. В. Виноградова РАН под руководством Григорьева началась работа над СЯРП, который превратился в многолетний многотомный проект.

В 1993–1994 гг. был определен состав источников Словаря, источники были переведены в компьютерную форму и началось создание словарной базы данных, работа над которой шла в 1995–1997 гг. В базу данных вошло более полумиллиона стихотворных контекстов из произведений десяти выдающихся русских поэтов Серебряного века, принадлежавших разным литературным направлениям и отмеченных печатью новаторства. Это И. Анненский (в системе помет Словаря — Анн), А. Ахматова (Ахм), А. Блок (АБ), С. Есенин (Ес), М. Кузмин (Куз), О. Мандельштам (ОМ), В. Маяковский (М), Б. Пастернак (П), В. Хлебников (Хл), М. Цветаева (Цв). На выбор круга авторов, очевидным образом, повлияло изменение исторической обстановки: первый лексикографический опыт назывался «Словарь языка русской советской поэзии» и описывал произведения Асеева, Багрицкого, Демьяна Бедного, Блока, Есенина, Заболоцкого, Корнилова, Луговского, Маяковского, Пастернака, Хлебникова и Цветаевой. На новом этапе акцент был смещен в сторону Серебряного века, однако название проекта — «Словарь языка русской поэзии XX века» — отражало идею о том, что создающийся Словарь призван в дальнейшем дополняться, стать основой для хронологически более широкого анализа русского поэтического языка. Важно отметить, что творчество выбранных

десяти авторов выходит за рамки Серебряного века в традиционном понимании (первой четверти XX в.): самые ранние тексты относятся к 1874 и 1890 гг. (Анненский), самый поздний текст — к 1965 г. (Ахматова).

Технический аспект работы над Словарем обеспечивали достижения Машинного фонда русского языка¹.

К концу 1997 г. была в целом разработана общая концепция проекта, который виделся как сводный (по произведениям ряда поэтов) словарь-тезаурус языка поэзии конкретной эпохи. Соединение элементов конкорданса и толкового словаря позволило позднее определить его как «конкорданс комментирующего типа», или «объяснительный конкорданс», относящийся к словарям поэтического языка нового поколения. Были выработаны основные принципы формирования словника и структуры словарной статьи. Важнейшей характеристикой словника стала его исчерпывающая полнота (без исключения каких-либо единиц, в том числе имен собственных и служебных слов), а структуры словарной статьи — наличие в ней обязательных и факультативных зон: обязательны зоны заголовочного слова, хронологически выстроенных контекстов и шифров, факультативны зоны значения и комментариев [Григорьев, Шестакова (отв. ред.) 2001: 12–15].

Следует отметить, что в словнике СЯРП в качестве заголовочных единиц даются также отдельные грамматические формы — это краткие прилагательные, прилагательные в простой сравнительной и превосходной степени; полные и краткие причастия; деепричастия и др. (ср.: *сладостный* и *сладостен*, *сладостнее*, *сладостней*, *сладостнейший*; *узреть* и *узревший*, *узренный*, *узрен*, *узрев*, *узря*; ср. также окказиональные формы: *томяц* у Пастернака, *улыбен* у Хлебникова, *угрызомый* у Цветаевой). Это связано с большей самостоятельностью таких форм в поэтическом языке, их особой выразительностью, а также частой вариативностью или нестандартностью. Центральную часть каждой словарной статьи образуют сами поэтические строки: контексты разного объема, но обязательно семантически полноценные и завершённые, которые выстроены по хронологии и по авторам (что фиксируется шифрами — например, *АВ903* означает «А. Блок, 1903 г.»). Расположение контекстов по хронологии позволяет проследивать историю употребления поэтического слова.

Относительно факультативной зоны значения словарной статьи надо сказать, что само ее название не лишено условности. Эта зона носит многофункциональный характер: в ней не только дается, при необходимости, семантическая информация (если слово неизвестно широкому читателю, например, если оно устаревшее, специальное или областное), но и фиксируются

¹ В 1985–1992 гг. были созданы программы UNILEX-T (для изготовления частотных словарей, словоуказателей и конкордансов; разработчик Ж. Г. Аношкина) и UNILEX-D (для создания словарных баз данных и работы с ними; разработчик Л. И. Колодяжная), см. [Колодяжная 1987; 1992; Аношкина 1995]. Новаторские для своего времени программные продукты позволили в значительной степени автоматизировать лексикографическую работу.

акцентологические, грамматические, стилистические и иные особенности слова, на которые важно обратить внимание читателя; здесь же приводятся отсылки к вариантам слов, энциклопедические сведения об именах собственных. Комментарии относятся к самим контекстам и носят энциклопедический, культурно-исторический характер, могут содержать дополнительные лингвистические сведения. Вслед за комментариями иногда следуют так называемые послепометы, т. е. пометы, относящиеся к отдельному контексту. Ср.:

ТОСКА́ [т. и Т.; *тв. ед.* тоско́й и тоско́ю; *род. мн.* тоск Цв925, Цв926; *тж* в сочет.: смертная (смертельная) т., с тоски (от тоски) умирать, стогать и т. п.]...

ТО́СКА [итал. *Tosca*; опера Дж. Пуччини] Вроде юнкера, на То́ске Выстрелившего — с тоски! Парень! не по-маяковски Действуешь: по-шаховски. // Фуражечку б на бровишки И — прощай, моя джаным! Правнуком своим проживши, Кончил — прадедом своим. [посв. памяти В. В. Маяковского] Цв930 (II,275)

Результатом долгой подготовительной работы стал Пробный выпуск Словаря [Григорьев 1998] со статьями на букву А, а с 2001 г. начал публиковаться сам Словарь, доведенный в настоящее время до буквы Ц (т. IX); см. подробнее [Шестакова 2022].

Первые тома вышли при жизни и под руководством В. П. Григорьева, затем работу продолжил созданный им (но менявшийся со временем) авторский коллектив.

Следует отметить, что отдельным этапом работы над проектом стали так называемые «малые» словари, содержащие определенную выборку словарных статей, но на всем алфавитном материале: словари имен собственных, религиозной лексики, «редких слов» и др.

Так, в словарь имен собственных вошли самые разные единицы — имена реальных лиц (в том числе современников авторов), мифологических и литературных персонажей, географические названия, онимы других классов². См., например: *Антиной*, *Аю-Даг*, *Бальмонт*, *Бежецк*, *Валуев* (Григорий В. — воевода, участвовавший в убийстве Лжедмитрия I), *Иисус*, *Кентал* (в поэме Низами «Искандер Наме» — предводитель руссов), *Лабутя* (персонаж поэмы С. А. Есенина «Анна Снегина»), *Ланина* (Аня Л. — гимназическая подруга М. И. Цветаевой), *Лермонтов*, *Магги* (назв. фирмы), *Москва*, *Онегин*, *Павдинский камень* (возвышенность сев. части Среднего Урала), *Пётр* (апостол), *Пётр* (Пётр I)³, *Преображение* (христианский праздник), *Снежимочка* (*нов.*; героиня одноименной рождественской сказки В. Хлебникова), *Тверская-Ямская* (улица),

² Названия стихотворений, поэм и т. п. сопровождаются в словаре пометой *Загл.*, например: СКИФСКОЕ *Загл. Хл*[908] (51.2).

³ В словаре имен собственных 8 словарных статей ПЁТР, и в целом нередки «кусты» статей к одному имени, носителями которого являются разные субъекты (в том числе персонажи литературных произведений).

Файка (кличка собаки), *Халкопратия* (название собора в Константинополе), *Шенье*, *Энеида*, *Яковлевич* (разг.; вар. к Яковлевич; В. Я. Брюсов), *Яуза*.

Ономастическое пространство выбранных текстов-источников представлено в словаре и производными единицами. Ср.: *Вена*, *венцы*; *Гёте*, *негётовский*; *Макбет*, *Макбетов*; *Пастернак*, *перепастерначить* (окказионализм Ахматовой) и т. п.

Словарь редких слов включает в себя лексемы единичного употребления, то есть использованные одним поэтом один раз. Это большой и весьма пестрый массив слов, знание которых важно для установления состава, границ поэтического лексикона XX в., для выявления маркеров авторских идиостилей. Из единиц словаря особого внимания требуют слова неактуальные, «трудные» для понимания — все они, с той или иной степенью детальности, поясняются в словарных статьях. Например, *авиамамка* (устар. воен. морское судно, оборудованное для взлета и посадки аэропланов; Маяковский), *дикомыть* (устар. ловчая птица; Есенин), *кигитка* (обл. чибис; Хлебников), *манатья* (накидка, верхняя одежда монаха; Кузмин), *манипула* (основное тактическое подразделение легиона в др.-рим. армии; Пастернак), *муша* (груз. — рабочий; Маяковский), *небрида* (или небрис; оленья шкура, одяние Бахуса; Блок), *обол* (в др. Афинах — мелкая серебряная монета; Цветаева). Вместе с тем в словаре редких слов представлены и вполне обычные, понятные слова, лишь единожды встретившиеся в обширной лексической базе СЯРП.

Важно, что такие (в некотором смысле предварительные) словари были опубликованы не только в традиционном книжном [Григорьев и др. 2005], но и в электронном [Информационно-поисковая система] виде, что, как представляется, позволило расширить исследовательские возможности лексикографического труда.

Таким образом, работа над СЯРП с самого начала была ориентирована на применение компьютерных методов. Словарь публикуется в традиционной «книжной» форме, однако параллельно с изданием очередных томов велась работа над электронными проектами, а в перспективе авторы предполагают перевод в цифровой формат окончательного словарного продукта.

Однако компьютерная обработка материала остается промежуточным этапом работы над Словарем, которая по-прежнему требует тщательной и глубоко вовлеченной работы составителей. На этапе создания первых томов предполагалось, что компьютерная составляющая будет более значимой. Механически создаваемая конкордансная основа Словаря (заголовки и хронологически выстроенные перечни всех контекстов) должна была получить сопровождение в виде многосторонней лингвистической обработки слов, что и было основным направлением работы составителя. Составители должны были редактировать подготовленный конкорданс, убирая «шумы», добавляя комментарии, уточняя контексты и устраняя ошибки, а также — добавлять при необходимости зону значения. Затем с помощью программы размеченный

текст преобразовывался в готовые словарные статьи. Это выглядело следующим образом (рассматриваемая статья вошла в т. VII Словаря):

Автоматически созданная статья:

ЗАГЛ РЕБЯТЬЕ 926МАЯ~243#001-037

КОНТ вздора злопыханного —

КОНТ всегда

КОНТ на столе

КОНТ покрытый пылью

КОНТ неразрезанный том

КОНТ Плеханова.

КОНТ Зазубрит фразу

КОНТ (ишь, ребятье!)

КОНТ и ходит за ней,

КОНТ как за няней.

КОНТ Бытье -

КОНТ а у этого — еда и питье

КОНТ определяет сознание.

КОНТ Перелистывая

КОНТ авторов

АВТОР М926 (243)

Результат работы составителя:

ЗАГЛ РЕБЯТЬЁ

ЗНАЧ [разг.]

КОНТ Зазубрит фразу @⁴

КОНТ (ишь, р.!) @

КОНТ и ходит за ней, @

КОНТ как за няней. @

КОНТ Бытье — @

КОНТ а у этого — еда и питье @

КОНТ определяет сознание.

АВТОР М926 (243)

Готовая статья:

РЕБЯТЬЁ [разг.] Зазубрит фразу / (ишь, р.!) / и ходит за ней, / как за няней. / Бытье —/ а у этого – еда и питье / определяет сознание. *Ирон.*
М926 (243)

Сравнивая окончательный вид этой не самой сложной словарной статьи с исходным, можно понять, какая работа была проведена составителем.

⁴ Знак @ используется на промежуточном этапе работы над словарной статьей для обозначения границы стихотворной строки, но только в тех случаях, когда стих начинается со строчной буквы (например, в «лесенке» Маяковского). В готовой статье этот знак автоматически заменяется косой чертой, т. е. знаком /.

В соответствии с правилами СЯРП, в заголовочном слове буква Е заменена буквой Ё, в иллюстративном примере слово сокращено до первой буквы. В статью добавлена зона значения, в которой приводится стилистическая помета *разг.*⁵ Контекст, содержащийся в автоматической статье, сокращен в начальной и конечной своих частях, достаточен для понимания смысла строк (приобретших форму некоего обобщения) и роли в них заголовочного слова. Значимость ее подчеркивается положением слова в позиции рифмы (рифмующееся слово сохранено при обработке контекста). Для эмоционально-экспрессивной характеристики контекста использована послепомета *Ирон.*

Приведем еще одну словарную статью на ту же букву:

РЕКОСТАВ [время замерзания реки] Я с палубы увижу огоньки, И даль в снегу, и отмели под сплавом, И домики на берегу реки, Задумавшейся перед рекоставом. П942 (II, 154); Я вспомню отмели под сплавом, И огоньки, и каланчу И осенью пред рекоставом Перенестись к Вам захочу. [обращ. к В. Д. Авдееву] П942 (II, 155)

Не комментируя подробно характер работы составителя над этой статьей, отметим только несколько моментов.

Для читателя, не знакомого со словом *рекостав* (что вполне можно допустить), в статье дано краткое толкование. Второй контекст сопровождается комментарием [обращ. к В. Д. Авдееву]. Этот комментарий добавлен с целью уточнить, кто именно стоит в стихотворении за местоимением *Вы*⁶.

В процессе работы выяснилось, что простого редактирования «сырого» материала недостаточно, а экспериментальная методика нуждается в доработке, поскольку составители постоянно сталкивались с рядом системных ошибок.

Во-первых, оказалось, что поспешность и неопытность при оцифровке текстов привела к тиражированию ошибок сканирования и прочих технических огрехов, в результате исходные тексты пришлось перепроверять и исправлять.

Во-вторых, обнаружилось, что при компьютерной обработке поэтических текстов возникали дополнительные искажения: обрывались слишком длинные строки, пропадали эпиграфы, терялись различные элементы текста (курсив, разрядка, ударения, диакритика в иноязычных словах и др.). Таким образом, составителю пришлось работать не только с обработанными, но и с исходными текстами (зачастую просто заглядывая в книгу). Специфика поэтического текста проявилась в системных сбоях работы морфологического анализатора: помимо предсказуемых ошибок лемматизации (таких, например, как неразличение омонимов, ср. ТЕПЛО [сущ.; тж сердечное, доброе отношение] и ТЕПЛО [нареч.]) возникали сложности с нестандартными

⁵ Добавим к сказанному выше о зоне значения словарной статьи, что стилистические пометы, вводимые в нее для характеристики конкретного слова, служат и для разграничения в лексической структуре Словаря разных стилистически окрашенных пластов.

⁶ В СЯРП есть статья АВДЕЕВ, в которой указывается, что В. Д. Авдеев — это знакомый Б. Л. Пастернака.

лексемами, отдельными грамматическими формами, именами собственными и пр. Так, контексты, отнесенные компьютерной программой к лемме *мутить*, составителю пришлось вручную разнести по словарным статьям МУТИТЬ, МУТИТЬСЯ и МУЧИТЬ. Ср. также результаты работы морфологического анализатора в сопоставлении с готовой статьей, включающей нестандартные словоупотребления:

ТОНУЧА (ср. *онуча*) vs. **ТОНУЧИ** [*прост.*] [Лель (*сходя*):] В взоров море т., Я хожу одетый в онучи. *РП Хл909,11 (404)*

ТОПИТЬ vs. **ТОПИЛО** [*обл.*; топь, болото] И зеркальные топила Обозначили следы, Где она весной ступила, Дева ветреной воды. *Хл[908-09] (55.1)*

ТОРКВАТЫЙ vs. **ТОРКВАТО** [Т. Тассо; в знач. *нариц.*] Поэт, не принимай на веру Примеров Дантов и Торкват. Искусство — дерзость глазомера, Влеченье, сила и захват. *П936 (II,145)*

ТОРЧОК vs. **ТОРЧКОМ** [*разг.*] Улица мýку молча пёрла. / Крик т. стоял из глотки. / Топорщились, застрявшие поперек горла, / пухлые тахи и костлявые пролетки. *М914-15 (393)*

Учитывая, что в словарной статье контексты располагаются хронологически, в больших по объему статьях проверка хронологии вручную оказалась непростым и трудоемким, но необходимым этапом. Более того, автоматически подготовленный «итоговый» текст пришлось дополнительно редактировать для устранения как недочетов составления, так и технических сбоев программы.

Следует отметить, что многие трудности работы с использованием цифровых методов стали очевидны из-за вполне объяснимой длительности работы над Словарем: буквально в процессе своей деятельности составители осознавали, с какой скоростью развиваются и совершенствуются методики, подходящие для работы над Словарем. Особенно это показательно в сопоставлении с историей Национального корпуса русского языка [НКРЯ], обращение к которому в последние годы стало привычным и удобным исследовательским приемом. СЯРП начинал создаваться еще до открытия НКРЯ, некоторые оцифрованные тексты из источников СЯРП были в свое время использованы для пополнения Поэтического корпуса НКРЯ. Затем ситуация изменилась: теперь работа составителя СЯРП в обязательном порядке включает обращение к НКРЯ (наряду с другими источниками — словарями [Ушаков (ред.) 1935–1940; Словарь 1948–1965], исследовательской и мемуарной литературой и др.). Особенно это важно при описании редкой и нестандартной лексики, которую трудно найти в словарях, даже специальных, и прежде всего — индивидуально-авторских словоупотреблений. Корпус позволяет более объективно оценить употребительность конкретной леммы, ее стилистическую окраску, динамику ее употребления. Отсутствие леммы в НКРЯ (как в поэтическом, так и в основном корпусе) или обнаружение этого словоупотребления в том же единичном контексте, что и в материалах

СЯРП, позволяет с уверенностью рассматривать ее как авторский неологизм. Встречается и еще одна интересная ситуация, когда поиск в НКРЯ дает другое спорадическое словоупотребление: иногда в таких случаях можно предположить цитирование, сознательное или неосознанное, иногда — параллельное словотворчество (особенно если формально сходные лексемы употребляются явно с разным значением). В последних вышедших томах такие параллели фиксируются в зоне значения словарной статьи. См., например:

ТИХОМУДРЫЙ [нов.?; ср. у Н. А. Клюева: *Соберемся-ка мы, други-братолюбцы, Тихомудрой, тесною семейкой, Всяк с своей душевною жилейкой.* («Усадный стих», 1912)] Ни друга, ни думы о бабьих губах Не зреет в ее тихомудрых словах, Но есть в ней, как вера, живая мечта К незримому свету приблизить уста. *Ес917 (I,271)*

УТРЕТЬ [нов.?; об утре: наступать (ср. вечереть); ср. у И. Северянина: *Утреет. В предутреннем лепете Льнет рыба к свинцовому грузику* («Фантазия восхода», 1911); у Б. Лифшица: *Желтели небеса и умолкали травы, Утрело, может быть, впервые для меня, Когда я увидал — о, свежие оправы // Очнувшихся дерев! о, златовестье дня! — Ваш флорентийский плащ, летящий к небосклону, Аграф трехлилийный и тонкую корону.* («В. А. Вергер-Жуковой», 1912)] Утреет. С богом! По домам! Позвякивают колокольцы. Ты хладно жмешь к моим губам Свои серебряные кольца, И я — который раз подряд — Целую кольца, а не руки... *АБ913 (III,207)*

Сопоставляя ранние и поздние тома, можно заметить, что составительская методика от тома к тому меняется, совершенствуется. Это вполне объяснимо, если учитывать длительность работы над проектом. Основным направлением изменений следует назвать усиление толкового компонента, расширение зоны значения. Это особенно важно, поскольку изначально (еще В. П. Григорьевым в 1970-е гг.) предполагалось, что словарь поэтического языка призван стать мощным исследовательским инструментом, предлагая не только интересное для любого читателя представление слова в стихотворном тексте, но и обширный корпус для специалиста — аккумулирующий большой языковой материал и подающий его в структурированном, лингвистически проанализированном виде. Алгоритм первичного анализа материала конкретной статьи заложен в самой форме его подачи, из которой следует: в каком году слово впервые употреблено и кем из описываемых поэтов, в какое десятилетие оно было наиболее востребованным, у кого из авторов наиболее частотно, прослеживается ли на протяжении всего творчества автора или носит единичный характер, встречается ли слово в сильных текстовых позициях (в заглавии, в позиции рифмы и пр.) и т. д.

Таким образом, появление НКРЯ не отменило необходимости создания словарей поэтического языка, поскольку у этих проектов разные цели и задачи, структура и форма подачи материала, однако они могут использоваться в комплексе, дополняя друг друга. Изменения методики работы над Словарем,

а также наличие некоторых технических огрехов в ранних томах подтверждают необходимость подготовки, после издания завершающего тома, «дополненного и исправленного» варианта, который, по мнению составителей, следует опубликовать в электронном виде. Более того, первоначальная идея о постепенном расширении Словаря, пополнении его текстовой базы (включении всего творческого наследия выбранных авторов или произведений других авторов) остается актуальной.

Как показывают многочисленные научные публикации — членов авторского коллектива СЯРП и других ученых, — Словарь действительно оказывается ценным исследовательским инструментом, позволяющим решать и прикладные, и теоретические задачи в сфере лексикологии, лексикографии, а также лингвистической поэтики, грамматики, семантики.

Источники

Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://ruscorpora.ru> (дата обращения: 20.09.2023).

Литература

- Аношкина Ж. Г. Подготовка частотных словарей и конкордансов на компьютере. М.: ИРЯ РАН, 1995. 60 с.
- Григорьев В. П. Словарь языка русской советской поэзии: Проспект. Образцы словарных статей. Инструктивные материалы. М.: Наука, 1965. 223 с.
- Григорьев В. П. (ред.). Поэт и слово. Опыт словаря / Под ред. В. П. Григорьева. М.: Наука, 1973. 455 с.
- Григорьев В. П. Поэтика слова. М.: Наука, 1979. 343 с.
- Григорьев В. П. (ред.). Самовитое слово / Словарь русской поэзии XX века. Пробный выпуск: А — А-ю-рей / Сост.: Григорьев В. П. (отв. ред.), Гик А. В., Колодяжная Л. И., Реутт Т. Е., Фатеева Н. А., Шестакова Л. Л. М.: Русские словари, 1998. 156 с.
- Григорьев В. П., Колодяжная Л. И., Шестакова Л. Л. Собственное имя в русской поэзии XX века: Словарь личных имен. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2005. 448 с.
- Григорьев В. П. (отв. ред.), Шестакова Л. Л. (отв. ред.). Словарь языка русской поэзии XX века. Т. I–IX– / Григорьев В. П. (отв. ред.), Шестакова Л. Л. (отв. ред.), Колодяжная Л. И. (ред.), Кулева А. С. (ред.), Бакеркина В. В., Гик А. В., Реутт Т. Е., Фатеева Н. А. М.: Языки славянской культуры, 2001–2022–.
- Засорина Л. Н. (ред.). Автоматизация в лингвистике. М.; Л.: Наука, 1966. 156 с.
- Информационно-поисковая система «Словари русской поэзии Серебряного века: Словарь имен собственных» [Электронный ресурс]. 2008. URL: <http://www.slovari.ru/default.aspx?p=5369>.
- Колодяжная Л. И. Автоматизированная лексикографическая система УНИЛЕКС. Словарно-ориентированная подсистема. М.: МГУ, 1987. 116 с.
- Колодяжная Л. И. Система «Компьютерный филологический словарь» (UNILEX D) // Бюллетень Машинного фонда русского языка. Вып. 2. 1992. С. 7–14.
- Словарь современного русского литературного языка. Т. 1–17. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948–1965.
- Ушаков Д. Н. (ред.). Толковый словарь русского языка: в 4 т. М.: ОГИЗ, 1935–1940.
- Шестакова Л. Л. Русская авторская лексикография: Теория, история, современность. М.: Языки славянских культур, 2011. 464 с.

- Шестакова Л. Л. «Словарь языка русской поэзии XX века»: От пробного выпуска до VIII тома // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. 2022. № 2. С. 148–164. DOI 10.31912/pvrli-2022.2.10.
- Шестакова Л. Л., Кулева А. С. Авторская лексикография в электронно-цифровую эпоху // Terra Linguistica. 2023. Т. 14. № 3. С. 94–113. DOI: 10.18721/JHSS.14308.
- Leed J. (ed.). *The computer and literary style*. Kent (OH): Kent State University Press, 1966. 179 p.

References

- Anoshkina Zh. G. *Podgotovka chastotnykh slovarei i konkordansov na kompyutere* [Preparation of frequency dictionaries and concordances on a computer]. Moscow, Vinogradov Russian Language Institute, 1995. 60 p.
- Grigor'ev V. P. *Slovar' yazyka russkoi sovetskoi poezii: Prospekt. Obraztsy slovarnykh statei. Instrukivnye materialy* [Dictionary of the language of Russian Soviet poetry: Prospect. Samples of dictionary entries. Instructional materials]. Moscow, Nauka Publ., 1965. 223 p.
- Grigor'ev V. P. (ed.). *Poet i slovo. Opyt slovarya* [Poet and word. Experience of the dictionary]. Moscow, Nauka Publ., 1973. 456 p.
- Grigor'ev V. P. *Poetika slova* [Poetics of the word]. Moscow, Nauka Publ., 1979. 344 p.
- Grigor'ev V. P. (ed.). *Samovitoe slovo / Slovar' russkoi poezii XX veka. Probnyi vypusk: A – A-yu-rei* [A self-written word / Dictionary of Russian poetry of the 20th century. Trial issue: A – A-u-ray]. Comp.: Grigor'ev V. P. (resp. ed.), Gik A. V., Kolodyazhnaya L. I., Reutt T. E., Fateeva N. A., Shestakova L. L. Moscow, Russkie Slovarei Publ., 1998. 156 p.
- Grigor'ev V. P., Kolodyazhnaya L. I., Shestakova L. L. *Sobstvennoe imya v russkoi poezii XX veka: Slovar' lichnykh imen* [A proper name in Russian poetry of the 20th century: A dictionary of personal names]. Moscow, Azbukovnik Publishing Centre, 2005. 448 p.
- Kolodyazhnaya L. I. *Avtomatizirovannaya leksikograficheskaya sistema UNILEKS. Slovarno-orientirovannaya podсистема* [UNILEX automated lexicographic system. Dictionary-oriented subsystem]. Moscow, Moscow State University, 1987. 116 p.
- Kolodyazhnaya L. I. [Computer Philological Dictionary system (UNILEX D)]. *Byulleten' Mashinnogo fonda russkogo yazyka* [Computer Fund of Russian Language Bulletin]. Issue 2. 1992, pp. 7–14. (In Russ.)
- Leed J. (ed.). *The computer and literary style*. Kent (OH), Kent State University Press, 1966. 179 p.
- Shestakova L. L. *Russkaya avtorskaya leksikografiya: teoriya, istoriya, sovremennost'* [Russian author lexicography: theory, history, modernity]. Moscow, Yazyki Slavyanskoi Kul'tury Publ., 2011. 464 p.
- Shestakova L. L. [“Dictionary of the XX century Russian Poetry language”: From the trial issue to volume VIII]. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova*. 2022, no. 2, pp. 148–164. DOI 10.31912/pvrli-2022.2.10. (In Russ.)
- Shestakova L. L., Kuleva A. S. [Author lexicography in the digital age]. *Terra Linguistica*, 2023, vol. 14, no. 3, pp. 94–113. DOI: 10.18721/JHSS.14308. (In Russ.)
- Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [The dictionary of modern Standard Russian language]. Vol. 1–17. Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo AN SSSR, 1948–1965.
- Slovar' yazyka russkoi poezii 20 veka* [Dictionary of the language of Russian poetry (20th century)]. Grigor'ev V. P., Shestakova L. L., Kolodyazhnaya L. I., Kuleva A. S., Bakerkina V. V., Gik A. V., Reutt T. E., Fateeva N. A. (eds.). Vol. 1–9–. Moscow, Yazyki Slavyanskoi Kul'tury Publ., Znak Publ., 2001–2022–.
- Ushakov D. N. (ed.). *Tolkovyie slovar' russkogo yazyka* [The explanatory dictionary of the Russian language]. Vol. 1–4. Moscow, OGIZ Publ., 1935–1940.
- Zasorina L. N. (red.). *Avtomatizatsiya v lingvistike* [Computerization in linguistics]. Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1966. 156 p.

Армия и военнослужащие в жанре анекдота: на примере образа прапорщика

Ольга Петровна Фесенко, Омский государственный университет путей сообщения
(Россия, Омск), Olga.Fesenko2015@yandex.ru

DOI: 10.31857/S013161170029357-1

АННОТАЦИЯ: В статье представлены результаты лингвистического анализа особенностей функционирования образа прапорщика в жанре современного русского анекдота. Проанализировано 100 анекдотов, извлеченных методом сплошной выборки по запросу «анекдоты о прапорщике» в поисковой системе «Яндекс». В работе сделан краткий экскурс в историю воинского звания «прапорщик», поскольку понимание его места в вооруженных силах разных эпох позволяет объяснить набор тех черт, которые демонстрирует герой в жанре анекдота. На примере исследования текстов анекдотов сформулированы: 1) основные характерологические черты прапорщика (с одной стороны — хитрый, ленивый, туповатый, предпочитающий лебезить перед начальством, стремящийся командовать и излишне следовать требованиям уставов, с другой — обладающий здоровым армейским юмором, находчивый); 2) круг персонажей, с которыми он вступает во взаимодействие (в основном военных — рядовые, полковники, капитаны, майоры, новобранцы и т. д.); 3) спектр обсуждаемых в рамках жанра тем (проблемы соблюдения дисциплины, целесообразность отдельных приказов военного руководства, стремление к показной чистоте и субординации и т. д.) и 4) специфика языкового воплощения образа прапорщика (использование нецензурных слов, разговорно-просторечной лексики и жаргонизмов). При общей отрицательной модальности образа, он весьма привлекателен благодаря армейской смекалке и юмору, позволяющим на уровне самоиронии обнажить проблемы военной профессиональной сферы.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: жанр анекдота, военный анекдот, образ прапорщика, военная профессиональная сфера, комическое

для цитирования: Фесенко О. П. Армия и военнослужащие в жанре анекдота: на примере образа прапорщика // Русская речь. 2023. № 6. С. 77–85. DOI: 10.31857/S013161170029357-1.

Issues of Modern Russian Language

Military Personnel in the Genre of Anecdote: On the Example of the Image of an Ensign

Olga P. Fesenko, Omsk State University of Railway Transport (Russia, Omsk),
Olga.Fesenko2015@yandex.ru

ABSTRACT: The article presents the results of a linguistic analysis of the image of an ensign in the genre of modern Russian anecdote. The material for the research are 100 anecdotes extracted by continuous sampling for the query “anecdotes about an ensign” in the Yandex search engine. The article makes a brief digression into the history of the military rank “ensign”, since understanding its place in the armed forces of different eras allows us to explain the set of features that the hero demonstrates in the genre of anecdote. Using the example of studying the texts of anecdotes, the following are formulated: 1) the main characterological features of an ensign (on the one hand — cunning, lazy, stupid, preferring to fawn before his superiors, striving to command and unnecessarily follow the requirements of the statutes, on the other — possessing a healthy army humor, resourceful); 2) the circle of characters with whom he interacts (mainly military — privates, colonels, captains majors, recruits, etc.); 3) the range of topics discussed within the genre (problems of discipline, the expediency of individual orders of the command of the military leadership, the desire for ostentatious cleanliness and subordination, etc.) and 4) the specifics of the linguistic embodiment of the image of an ensign (the use of invectives, colloquial vocabulary and jargon). Even though in general the image possesses negative, the character is very attractive, thanks to the army ingenuity and humor, which allows to expose the problems of the military-professional sphere at the level of self-irony.

KEYWORDS: anecdote, ensign, image of ensign, military-professional sphere, comedy

FOR CITATION: Fesenko O. P. Military Personnel in the Genre of Anecdote: On the Example of the Image of an Ensign. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2023. No. 6. Pp. 77–85. DOI: 10.31857/S013161170029357-1.

Кто из нас хоть раз в жизни не смеялся над анекдотом? Это риторический вопрос. Анекдот — именно тот жанр, с которым мы сталкиваемся в жизни очень часто и делаем это с большим удовольствием. Короткие юмористические истории дают возможность автору и тому, кто рассказывает анекдот, в ироничной манере высказать свое отношение к происходящему в семье, в стране и в мире.

Анекдоты касаются всех общественных сфер, в том числе армии. В коротеньких текстах анекдотов поднимаются проблемы военной службы. Интересно, что делается это с помощью отдельных персонажей (например, разведчика Штирлица, комдива Чапаева и др.). Современная лингвистическая наука периодически обращает свой взгляд на анекдоты как объект лингвокультурологического, собственно языкового, социолингвистического исследования. В последнее время актуальными становятся работы, посвященные образу военных в жанре анекдотов. Так, достаточно подробно исследователями описан образ полковника Штирлица. Причем сделано это в динамике: ученые проанализировали специфику изменения образа на протяжении всего периода существования анекдота о разведчике [Архипова 2013]. Встречаются статьи, в которых представлен анализ еще одного героя анекдотов — комдива Чапаева, которого лингвисты интерпретируют через призму отражения им революции и Гражданской войны [Свитенко 2017]. Кроме того, объектом изучения становится поручик Ржевский [Седов 2004]. Несмотря на то, что «военные» образы в анекдотах принципиально не похожи друг на друга, их объединяет очень важная особенность — все они дают возможность акцентировать внимание на самых острых социальных проблемах, а не только (и не столько) на военных. Образ военных командиров в жанре анекдота только расширяют круг обсуждаемых проблем. Совсем иное дело в анекдотах о прапорщике. Этот герой, будучи военным, остается в рамках проблемных тем, связанных с тяготами и особенностями исключительно военной службы. Он — персонаж легендарный, встречающийся в исторических документах еще XVIII столетия. В анекдоты попал только во второй половине XX века.

Согласно «Этимологическому словарю» Н. М. Шанского, слово «прапорщик» образовано от старославянского слова «прапор» — знамя [Шанский 1994: 251]. Сами прапорщики появились в период правления царя Алексея Михайловича

(середина XVII столетия). Именно так стали называть знаменосцев «в полках иноземного строя».

Позже, уже в XIX веке, звание прапорщика присваивали тем офицерам, которые, не имея военного образования, проявляли себя как талантливые полководцы на полях сражений. Именно такие офицеры смогли показать себя в Гражданскую войну в условиях острой нехватки кадровых офицеров. Однако, к сожалению, в период рождения Советского Союза (в первые годы после его появления) звание прапорщика начали присваивать всем тем, кто имел хоть какой-нибудь боевой опыт или прошел минимальное обучение. В итоге сформировался тот образ прапорщика, который до сих пор известен в русском анекдоте. Каковы же основные характеристики прапорщика? Он предстает слегка заносчивым, глуповатым собеседником, часто дружески настроенным к своим подчиненным, обладающим здоровым армейским чувством юмора. Стоит отметить, что анекдоты с таким героем родились гораздо позже. Время их появления связывают с возрождением в советской армии воинского звания прапорщика в 1972 году [Ходарев 2018]. Военная общественность тогда не очень хорошо понимала, зачем вернули прапорщика, поскольку он, занимая промежуточное положение между рядовыми и офицерами, воспринимался как бесполезная единица, что также повлияло на формирование его образа в жанре анекдота.

Анекдоты, в которых главным героем является прапорщик, позволяют реализовать две важнейшие задачи: 1) показать проблемы современной армии (от системы взаимодействия между военнослужащими до планирования их деятельности); 2) снять то эмоциональное напряжение, которое копится в среде военнослужащих, сталкивающихся со сложностями армейской жизни и жесткими условиями ее регламентации, т. е. анекдот в этом отношении — средство отражения одновременно очень ироничного и в то же время в некоторой степени философского отношения к профессиональной сфере и к системе взаимодействия в ней. Это определяет актуальность нашего исследования, цель которого — описать образ прапорщика, отраженный в языковом сознании носителей русской культуры в жанре анекдота.

Объект исследования — образ прапорщика в жанре анекдота.

Предмет исследования — особенности словесного воплощения образа прапорщика в жанре анекдота.

Материал исследования — 100 текстов анекдотов о прапорщике. Анекдоты были извлечены методом сплошной выборки с различных сайтов сети Интернет.

Как показал анализ текстов анекдотов, круг проблем, которые поднимаются в них, достаточно ограничен и касается в основном воинской службы:

- вопросы необходимости исполнения приказов командиров;
- формализм при выполнении требований уставов;
- чрезмерный и часто формальный контроль;
- показная дисциплина и чистота;

- доходящие до абсурда требования субординации;
- сложность передачи информации и нарушение логики в ней;
- излишнее преклонение перед руководством.

Перечисленные проблемы обнаруживаются в процессе преодоления некоторых сложностей в служебной деятельности прапорщика, который, проявляя смекалку, математические способности и находчивость, часто демонстрирует полное отсутствие логики, невозможность установить причинно-следственные связи между событиями и явлениями.

Полковник приказывает:

— *Прапорщик, остановите поезд, это же наша станция.*

Прапорщик:

— *Поезд, стой! Раз-два!*

Прапорщик в текстах анекдотов взаимодействует чаще всего с другими военнослужащими: новобранцами, рядовыми (как правило, солдатами срочной службы), дневальными, капитанами, полковниками, генералами. Крайне редко обнаруживаются диалоги прапорщика с животными (например, с ослом) и с гражданскими лицами (в частности, с мальчиком, с учеными).

Все собеседники прапорщика помогают в диалогах раскрыться его образу. Второстепенные персонажи, по сути, обеспечивают возможность главному герою анекдотов совершать абсурдные поступки, нести в разговоре чушь, лебезить перед начальством, наслаждаться процессом строевой подготовки и муштры. Прапорщик предстает ленивым, глупым, жадным, не чистым на руку, любящим лишний раз покомандовать и выпить. Он стремится переложить ответственность на своих подчиненных. Глупость как одна из ведущих черт характера контрастирует с крепостью головы героя: он ей забивает гвозди, ломает гранитную лестницу и т. д. Умственные способности прапорщика настолько невысоки, что его сравнивают с шимпанзе и гориллами (в пользу последних):

Ученые проводили эксперимент: вешали на высокое дерево банан, а недалеко клали два пустых ящичка. Шимпанзе догадывались поставить ящички друг на друга через 30 минут. Гориллы через 15. Запустили туда прапорщика. Прапорщик тут же стал трясти дерево. Час трясет, два трясет — банан не падает. Ему говорят:

— *Товарищ прапорщик, остановитесь, подумайте!*

— *А что тут думать, тут трясти надо!*

Подчиненные прапорщика то и дело подсмеиваются над ним. Часто — просто издеваются, опускаясь при ответах на интеллектуальный уровень собеседника:

Прапорщик:

— *Товарищ солдат, вы умеете плавать?*

— *Так точно!*

— *Где вы этому научились?*

— *В воде, товарищ прапорщик!*

В текстах анекдотов прапорщик называется по воинскому званию, но иногда герой обретает имя и/или фамилию (*Догоняйло, Кусков, Гашиш Марихуанович*), которое, гармонично вписываясь в контекст, выполняет комическую функцию или делает персонажа одним из многих (типичным представителем профессии — *Сидорчук, Фомин, Котов*):

Вызывает прапорщик к себе солдата и спрашивает:

- *Что это, Коноплев, у тебя фамилия такая наркотическая?*
- *Да я и сам не знаю, Гашиш Марихуанович.*

Интересно, что прапорщик предстает в тексте анекдотов не только военным. Периодически героя наделяют дополнительными, несвойственными для него профессиями: конферансье, библиотекарь. Однако эти роли только способствуют демонстрации черт героя, подчеркивающих его принадлежность к армии:

Концерт военных ансамблей. Конферансье-прапорщик объявляет:

- *Выступает сводный хор N-ской дивизии. Русская народная песня «Степь да степь, крууу-гом!»*

Несмотря на множество отрицательных характеристик героя, в его образе можно найти примеры солдатской смекалки, делающие прапорщика более привлекательным персонажем

Прапорщик перед солдатами:

- *Согласно уставу, солдат имеет право целовать две вещи: отца и мать во время посещения и боевое знамя части! Вопросы есть?*
- *А как же девушку в увольнении?*
- *Отвечаю! Надо проявить смекалку! Заверни девушку в знамя и целуй, сколько хочешь!*

Поведенческие характеристики героя дополняются его речевыми особенностями, проявляющимися на уровне лексики, синтаксиса и на уровне прономинации.

Лексический уровень весьма интересен. Речь прапорщика пестрит просторечием (*люминиевую, нажать, жрать, в стельку, мрут, фишка* и пр.) и жаргонизмами (*гантели в тумбочке, немеряно*), что соответствует не только характеру самого героя, но и жанровым признакам анекдота:

- *Товарищ прапорщик, а как работает двигатель внутреннего сгорания?*
- *Как, как, очень просто, а если быть точнее, то хрен его знает!*

Бранные слова (*урод, идиот*), функционирующие в его речи, адресованы подчиненным — солдатам, которым прапорщик объясняет премудрости армейской жизни.

Появление большого количества нецензурных слов объясняется не только особенностями жанра, но и той армейской обстановкой, в которой действует

герой. В этом случае нецензурная лексика становится отражением специфики армейской коммуникации:

Интересно в текстах анекдотов о прапорщике реализован образ героя на грамматическом уровне. Прежде всего, это сделано через намеренные грамматические ошибки, назначение которых — продемонстрировать необразованность героя:

Рядовой прапорщику:

- *Товарищ прапорщик, можно докласть?*
- *Идиот! Не докласть, а доложить!*
- *Извините, товарищ прапорщик, можно доложить?*
- *Давай, долаживай.*

Функционален в текстах анекдотов о прапорщике синтаксис. Встречаются анекдоты, в которых речь персонажа — это сплошь вопросительные и восклицательные предложения, причем восклицания, как правило, представляют собой команды или повелительные формы глагола (императивы):

Прапорщик солдатам:

- *Вы не должны спускать глаз со своего врага! Сидоров, ты чего так уставился на меня?*

Прапорщик часто взаимодействует с подчиненными исключительно с помощью команд: *Запеевай! Остальные напра-во! Плац драть — марш! Слушай мою команду, мать вашу! Раз-два! Раз-два!*

Если речь прапорщика не содержит команды и вопросы, то представляет собой набор коротких фраз с повторами, парцелляцией (особыми синтаксическими конструкциями, представляющими собой разделенный на части текст, каждая из которых является интонационно самостоятельным отрезком), подчеркивающими необходимость сделать паузу или смысловой акцент:

Прапорщик на погранзаставе воспитывает бойцов.

- *Собаки — они умные. Порой, умнее хозяев. У меня такая была.*

Звуковая сторона речи прапорщика имеет специфические черты нечасто. Акцент на произношение делается для демонстрации низкого уровня образования и интеллекта героя (*Та ты шо?*).

Кроме того, в высказываниях прапорщика можно найти средства выразительности, назначение которых — усилить воздействие на собеседника или подчеркнуть абсурдность происходящего. Для этого используется сравнение (*как будто блохи в голове завелись; смеяться, как раненый; в Сибири лыжи снашиваются, как комнатные тапочки*), эпитеты (*чистое поле*), фразеологизмы (*наводит ужас*), антитеза (*Вы здесь спите, а там Родину снегом заносит!*).

Поскольку прапорщик — это тот человек, который не может логически мыслить (у него «своя» логика), в его речи множество алогизмов, свиде-

тельствующих о неспособности продуктивно думать, делать логические выводы:

Прапорщик:

— *Почему жирные пятна по тумбочке разбросаны? Я вам прапорщик или почему? Вернусь накажу кого попало.*

Кроме того, алогизмы в речи героя приводят к каламбурному, игровому использованию слов и создают комический эффект:

— *Товарищ прапорщик! Вы почему водку пьете?*

— *Пью, потому что жидкая. Была бы твердая, я бы ее грыз.*

Итак, образ прапорщика нельзя считать положительным. Симпатию в нем вызывает лишь военная смекалка и способность находить выход из самых абсурдных ситуаций. Анекдоты с этим героем дают возможность обнажить серьезные проблемы, существующие в военной сфере (как, впрочем, и в любой другой). Для тех, кто создает и распространяет эти анекдоты, способность смеяться над трудностями становится условием успешного их преодоления. А значит, и военнослужащим, и тем, кто так или иначе сталкивался с армией, легче справиться с теми проблемами, которые осмеиваются в текстах анекдотов. Важно, что смеяться над описанным в жанре анекдота о прапорщике могут только те, кто образованнее, умнее, находчивее героя. Это своеобразная самоирония военных над теми условиями, в которых приходится служить и которые часто свидетельствуют о необходимости совершенствования сферы профессиональной деятельности. Иначе говоря, анекдоты о прапорщике — это кривое зеркало армии, которое дает возможность позитивно и с юмором реагировать на выявленные недостатки. Возможно, именно поэтому анекдоты о прапорщике остаются актуальными в нашей культуре уже на протяжении почти пятидесяти лет.

Литература

- Архипова А. С. Штирлиц шел по коридору... Как мы придумываем анекдоты. М.: Изд-во Российского государственного гуманитарного университета, 2013. 157 с.
- Свитенок Н. В. Революция и народная смеховая культура: «схема смеха» в цикле анекдотов про Чапаева // Литература и революция (к 100-летию Октябрьской революции. Материалы Международной научно-практической конференции. Краснодар: Изд-во Кубанского государственного университета, 2017. С. 290–294.
- Седов А. Ф. Разрешите представиться: поручик Ржевский! (Анекдот с точки зрения традиций культуры). Балашов: Изд. альм. «Весы», 2004. 70 с.
- Ходарев В. Д. Прапорщик и другие воинские звания: как они появились на самом деле // Русская семерка. 30 мая 2018 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://news.rambler.ru/other/39981032-praporschiki-i-dругие-voinskie-zvaniya-kak-oni-poyavilis-na-samom-dele/> (дата обращения: 21.04.2022).
- Шанский Н. М., Боброва Т. А. Этимологический словарь русского языка. М.: Прозерпина, 1994. 400 с.

References

- Arkhipova A. S. *Shtirlits shel po koridoru... Kak my pridumyvaem anekdoty* [Stirlitz was walking down the corridor... How we come up with jokes]. Moscow, RSUH Publ., 2013. 157 p.
- Khodarev V. D. [Ensign and other military ranks: how they actually appeared]. *Russkaya semerka*, 2018, 30 may. Available at: <https://news.rambler.ru/other/39981032-praporschiki-i-drugie-voinskie-zvaniya-kak-oni-poyavilis-na-samom-dele/> (accessed 21.04.2022).
- Sedov A. F. *Razreshite predstavit'sya: poruchik Rzhevskii! (Anekdot s toчки zreniya traditsii kul'tury)* [Allow me to introduce myself: Lieutenant Rzhevsky! (Anecdote from the point of view of cultural traditions)]. Balashov, Publ. House "Vesy", 2004. 70 p.
- Shanskii N. M., Bobrova T. A. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Etymological dictionary of the Russian language]. Moscow, Prozerpina Publ., 1994. 400 p.
- Svitenok N. V. [Revolution and folk laughter culture: "the scheme of laughter" in the cycle of jokes about Chapaev]. *Literatura i revolyutsiya (k 100-letiyu Oktyabr'skoi revolyutsii. Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Literature and Revolution (to the centenary of the October Revolution). Materials of the International Scientific and Practical Conference]. Krasnodar, Publ. House of Kuban St. Univ., 2017, pp. 290–294. (In Russ.)

Стихийные риторы и филологи в пьесах А. Н. Островского: «Таланты и поклонники»

Николай Венальевич Капустин, Ивановский государственный университет (Россия, Иваново),
nkapustin57@mail.ru

DOI: 10.31857/S013161170029358-2

АННОТАЦИЯ: В драматургии А. Н. Островского немало персонажей, рассуждающих на темы языка. Особое место в их ряду занимают герои-манипуляторы, выстраивающие свое речевое поведение с целью добиться нужного им результата. Один из таких героев — Иван Семеныч Великатов, речевая стратегия и тактика которого является композиционным стержнем комедии «Таланты и поклонники» (1881). Изображая речевые манеры героев-соперников — Дулебова, Бакина, Мелузова в общении с Негиной, Островский последовательно показывает цепь их речевых ошибок, проявляющихся в императивах и дидактике. В противоположность им Великатов не только не делает свойственных им речевых промахов, но, основываясь на фатике и этикетности, стилистически организуя свободу выбора Негиной в обращенном к ней письме, добивается нужного эффекта и результата: молодая героиня связывает свою судьбу с ним. Таким образом, «Таланты и поклонники» — пьеса не только о власти денег, о зависимости человеческой судьбы от социальных обстоятельств, симпатиях и антипатиях, этических и эстетических пристрастиях. Это произведение о потенциале слова, которое при известных условиях оказывается мощной силой, определяющей человеческую жизнь.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: А. Н. Островский, регулятивная функция языка, речевое поведение, риторика, манипуляция

для цитирования: Капустин Н. В. Стихийные риторы и филологи в пьесах А. Н. Островского: «Таланты и поклонники» // Русская речь. 2023. № 6. С. 86–94. DOI: 10.31857/S013161170029358-2.

The Language of Fiction

Spontaneous Rhetoricians and Philologists in A. N. Ostrovsky's plays: "Talents and Admirers"

Nikolai V. Kapustin, Ivanovo State University (Russia, Ivanovo), nkapustin57@mail.ru

ABSTRACT: There are quite a few characters in Ostrovsky's plays who speculate on the language issues. The most prominent of them are manipulators whose speech behavior is determined by their need to reach a certain result. One of them is Ivan Semyonich Velikatov, whose tactics and speech behavior form the composition of Ostrovsky's play "Talents and Admirers" (1881). Depicting the speech behavior of the rivals — Dulebov, Bakin, Meluzov when talking to Negina, Ostrovsky consistently reveals the chain of their speech errors, expressed by imperatives and didactics. Unlike them, Velikatov does not make the same mistakes. Being phatic and polite and stylistically creating the opportunity for Negina to choose and decide for herself in the letter he addresses her, he meets his target: a young woman decides to link her fate with him. Thus, Ostrovsky's "Talents and Admirers" is not only about power of money and dependence of a person's fate on social circumstances, likes and dislikes, ethic and aesthetic preferences, but also about power of words that under certain circumstances can define a human's life.

KEYWORDS: A. N. Ostrovsky, regulatory function of the language, speech behavior, rhetoric, manipulation

FOR CITATION: Kapustin N. V. Spontaneous Rhetoricians and Philologists in A. N. Ostrovsky's plays: "Talents and Admirers". Russian Speech = Russkaya Rech'. 2023. No. 6. Pp. 86–94. DOI: 10.31857/S013161170029358-2.

Лингвисты уже давно выделяют регулятивную функцию языка с ее направленностью на адресата сообщения с целью оказать на него желаемое действие, побудить к свершению нужного поступка. Эта установка может находить

выражение в самых различных типах высказываний, которые М. М. Бахтин назвал первичными речевыми жанрами [Бахтин 1979: 239]. Среди них жанры императивные, фатические, этикетные, экспрессивные, аффективные, дидактические, риторические, информативные (см. об этом: [Степанов 2005: 266–267, 272]).

Одно из частных проявлений названной функции — манипулирование чужим сознанием с целью добиться желаемого результата. В данном случае невольно вспоминается реплика Глумова из комедии Островского «На всякого мудреца довольно простоты»: «Чем в люди выходят? Не все делами, чаще разговором» [Островский 1974: 9]. Многие из героев Островского, несомненно, согласились бы с этими словами, как разделили бы и мысль Барабошева («Правда — хорошо, а счастье лучше»), для которого «словесность» нужна «для убеждения».

Вообще, число стихийных филологов или риториков (если вслед за Аристотелем определять риторику как умение «находить возможные способы убеждения относительно каждого данного предмета» [Аристотель 2000: 8]) в драматургии Островского с трудом поддается исчислению. В их ряду, в частности, Павла Петровна Бальзамина, сетующая на то, что ее сын не знает «умных» слов («Уж хоть бы из стихов, что ли, выписывал»), и обучающая его французским вкраплениям в речь. Или Домна Пантелевна из «Талантов и поклонников», советующая дочери, как следовало бы «этикетно» ответить Дулебову: «Ты бы, как можно, старалась учтивее. “Мол, ваше сиятельство, мы всегда вами очень довольны и всегда вами благодарны; только подлостей таких мы слушать не желаем. Мы, мол, совсем напротив того, как вы об нас понимаете”» [Островский 1975: 225]. Еще важнее отметить, что в мире Островского немало персонажей, не просто ситуативно рассуждающих на темы языка, но осознанно выстраивающих линию речевого воздействия на адресата. В ряде случаев сюжеты его пьес («На всякого мудреца довольно простоты», «Волки и овцы», «Лес» и др.) в значительной мере основаны на изображении стратегий и тактик речевого поведения героев.

Столь бросающаяся в глаза грань художественного мира Островского не могла остаться незамеченной. Особенно пристальное внимание к ней было проявлено Е. Г. Холодовым [Холодов 1967: 487–496]. О речевых стратегиях (но, как правило, без специальной акцентировки именно на них) заходит речь и в тех случаях, когда говорят о «ролевом» поведении героев Островского. И все-таки описание форм и способов речевого воздействия персонажей Островского друг на друга трудно считать завершенным.

Внимание могут привлечь самые разные речевые ситуации — от сравнительно локальных (к примеру, письмо Лукьяна Лукьяныча Чебакова из «Женитьбы Бальзамина», адресованное Анфисе Пеженовой [Капустин 2006: 83–92]) до таких, которые в значительной степени организуют сюжетное действие. Но если, к примеру, комедия «На всякого мудреца довольно простоты» в этом плане уже неоднократно привлекала к себе внимание, то о «Талантах

и поклонниках» речь практически не заходила. Между тем это пьеса не только о людях театра, власти денег, вечном столкновении мечтательности и практицизма. Как и «На всякого мудреца довольно простоты», «Таланты и поклонники» это произведение о силе слова, той роли, какую играет оно в человеческой жизни.

Тема слова задается уже в первых репликах пьесы, в диалоге Домны Пантелевны и Нарокова. Предметом препирательства оказывается жанр обращения:

Д о м н а П а н т е л е в н а. А, Прокофьич, здравствуй!

Н а р о к о в (*мрачно*). Здравствуй, Прокофьевна!

Д о м н а П а н т е л е в н а. Я не Прокофьевна, я Пантелевна, что ты!

Н а р о к о в. И я не Прокофьич, а Мартын Прокофьич.

Д о м н а П а н т е л е в н а. Ах, извините, господин аркист!

Н а р о к о в. Коли хотите быть со мной на ты, так зовите просто Мартыном; все таки приличнее. А что такое «Прокофьич»? Вульгарно, мадам, очень вульгарно!

Д о м н а П а н т е л е в н а. Люди-то мы с тобой, батюшка, маленькие, что нам эти комплименты разводить [Островский 1975: 212].

Заявленная здесь речевая тема чуть далее переходит в разговор о «тоне» общения Домны Пантелевны, ее склонности к подтруниванию, речевом «озорстве», которое она объясняет влиянием мещанского сословия и противопоставляет «деликатностям» богатых. Слово «деликатность», как видим, произнесено еще до появления деликатного, вежливого в обращении Великатова.

Возникшая тема вариантов речевого общения отчетливо звучит и далее. В 3-м явлении первого действия Дулебов и Бакин рассуждают о действительности молчания Великатова (Бакин признается: «Великатов и молчит-то гораздо убедительнее, чем я говорю» [Островский 1975: 217]), спорят о манере общения с женщинами, слове прямом и этикетном. В явлении 5-м Дулебов учит Негину, как та должна была вести себя в разговоре с ним и ответить на его предложение («На все есть приличная форма, сударыня!» [Островский 1975: 224]), а та, в свою очередь, не принимает его нравочений. В 6-м явлении первого действия «этикету» речевого общения Негину учит мать, которая здесь же хвастает своими способностями подбирать «самые что ни есть обидные слова». В 8-м явлении Великатов и Мелузов также выходят на тему речевого этикета, пустой фразы и искреннего слова.

Вероятно, чтобы избежать назойливого повторения уже вполне определенношегося в первом действии мотива, Островский на какое-то время оставляет прямые рассуждения персонажей о вариантах и манерах общения. Но уже во втором действии разговоры об этом возобновляются (в диалоге Мигаева и Дулебова в 3-м явлении, Бакина и Мигаева в 7-м, здесь же о преимуществе прямого, непритязательного слова перед этикетным выскажется трагик).

Возникает определенный вывод: тема слова, его возможностей в «Талантах и поклонниках» играет не побочную, но вполне самостоятельную и чрезвычайно важную роль.

И дело не только в прямых высказываниях персонажей. Тема действительности или, наоборот, безрезультатности слова, форм и вариантов речевого поведения получает воплощение через сопоставление речевых манер, их спонтанности и подготовленности, жанрового состава и стилового выражения. Композиционным центром, к которому сходятся все линии, оказывается речевая стратегия Великатова.

Так, преследуя цели сопоставления, Островский не случайно, конечно, не раз заставляет высказываться о своей речевой деликатности князя Дулебова, деликатности, разумеется, мнимой. Предваряя предложение Негиной стать его содержанкой, Дулебов совершает очевидные речевые промахи. Местоимение «мой», чаще всего «полое» в шаблонных выражениях того типа, какие использует князь («моя радость», «мой дружок», «моя красавица», «мое сокровище», «красавица моя», «мой птенчик»), в его репликах лишается этого качества. Помимо очевидной пошлости, оно начинает придавать им совершенно ненужный в данной ситуации покровительственно-назойливый, старческий характер. Склонность Дулебова к императивам, дидактике, которые, как легко заметить, не выносит Негина (подобно многим другим молодым героиням Островского), также способствует его поражению, изображенному именно в речевом ракурсе.

Другой тип речевого поведения — у Бакина, осознанно, как уже отмечалось, предпочитающего «прямое» слово в отношениях с женщинами: «Мне кажется, очень довольно вот такой декларации: “Я вот таков, как вы меня видите, предлагаю вам то-то и то-то: угодно вам любить меня?”» [Островский 1975: 218]. В соответствии с этим принципом он и говорит с Негиной в 5-м явлении третьего действия. К тому же, как и Дулебов, Бакин не обходится без императива. Результат не заставляет себя ждать: сразу же после его слов, начинающихся с грубого упрека («Вы уж очень разборчивы; чего вы дожидаетесь, какой благодати?» [Островский 1975: 260]), следует реплика Негиной «прощайте», сопровождаемая авторская ремаркой «уходит».

Императивные и дидактические жанры в мире Островского, как правило, закреплены за людьми среднего или преклонного возраста. Однако в пьесе «Таланты и поклонники» через них характеризуется Петя Мелузов, что само по себе симптоматично.

Прямота, искренность и даже наивность Мелузова вызывает симпатию Островского. Было бы ошибкой считать, что расставание с ним Негиной вызвано его склонностью к императивам и дидактике. Понятно, что причины разные. Среди них и сложность ее актерской судьбы, и отнюдь не безразличное отношение к материальному, и быстро возникающая заинтересованность Великатовым, о чем свидетельствует хотя бы авторская ремарка «с некоторым волнением», сопровождающая обращенный ею к Смельской вопрос: «А разве

Великатов тоже за тобой ухаживает?» [Островский 1975: 244]. Не стоит преувеличивать и глубину ее чувства к Мелузову, что также предопределяет исход их отношений. Вместе с тем из числа причин, приводящих к тому, что они расстаются, нельзя исключить и его склонность к безапелляционности суждений и к поучениям, неожиданно напоминающим императивы Дулебова. Требуя от Негиной исповедей, наставляя, как «надо чувствовать, говорить и поступать», чтобы стать «совсем хорошей женщиной» [Островский 1975: 231], Мелузов странным образом не понимает, что проявляет бестактность, выказывает пренебрежение к ее душевной жизни.

В пьесе есть еще одна важная для его характеристики черта. Мелузов склонен возносить себя на высоту, на которой, увы, не находится. «Умный или нет, — заявляет он о себе Негиной, — это еще вопрос; но что я умней многих из вас, в этом нет сомнения. И умней оттого, что я больше думаю, чем говорю; а вы больше говорите, чем думаете» [Островский 1975: 232]. Эта реплика примечательна не только тем, что местоимение «вы» включает в себя Негину и тем самым отдаляет его от нее, создавая определенную дистанцию. Фраза Мелузова (если он думает, значит, молчит) заставляет вспомнить о молчании Великатова.

О чем «думает» Мелузов, определенно сказать сложно. Вероятнее всего, он просто мечтает (среди первоначальных названий пьесы были варианты «Мечтатели» и «Фантазеры»). Молчание Великатова, конечно, не мечтательное. По мнению Бакина, оно действеннее слов.

Замечено, что, появляясь на сцене, «...Великатов, как правило, не сразу заговаривает. Так, в первом акте он, прежде чем произнести первую реплику, "пропускает" пять чужих; во втором акте он "пропускает" таким же образом семь реплик» [Холодов 1967: 505]. По словам Бакина, он «никогда первый не заговаривает», «...никогда не спорит, со всеми соглашается, и никак не разберешь, серьезно он говорит или мистифирует тебя» [Островский 1975: 218]. Конечно, это следствие давно продуманной и не раз им проверенной речевой стратегии, приводящей к нужному результату. Ему не претит демократизм: «...в театре решительно всех по именам знает, и кассира, и суфлера, и даже бутافора, всем руку подает. А уж старух обворожил совсем: все-то он знает; во все их интересы входит...» [Островский 1975: 218], но это «демократизм», вызванный к жизни принципом «цель оправдывает средства». В то же время его поведение трудно однозначно определить как «ролевое». Если это и игра, то игра, уже давно ставшая сущностью характера и не требующая каких-то больших дополнительных усилий, известного напряжения, какое, например, можно наблюдать у Глумова из комедии «На всякого мудреца довольно простоты».

Основа поведения Великатова вообще и речевого поведения в частности — пронизывающее представление о сущности конкретного человека, его интересах и ценностях. При этом он ничего не забывает. К примеру, обращенный в первом действии к Домне Пантелевне вопрос — «А вы любите курочек-то,

Домна Пантелевна?» [Островский 1975: 228] — отзовется в действии третьем, в рассчитанной на ее восприятие идиллической картине усадьбы с индейскими петухами, павлинами и лебедями. И Великатов, безусловно, рассчитывает на то, что сказанное им Домне Пантелевне станет известно ее дочери.

Речевые жанры, к которым тяготеет Великатов, — сфера не императивов и дидактики, как у его «соперников» Дулебова, Бакина или Мелузова, но фатики. Он комплиментарен в разговоре с Мелузовым, доверителен в общении с Домной Пантелевной. Но это не фатика в ее «чистом» виде, не «праздноречевые» разговоры, не «общение ради общения», поскольку Великатов преследует определенную цель. Это особенно отчетливо видно в его доверительных, для него несложных, но тем не менее осторожных, «режиссерски» организованных разговорах с Домной Пантелевной, необходимой ему как своего рода посредник между ним и ее дочерью.

В финале третьего действия «Талантов и поклонников» Негина получает от Великатова письмо, на первый взгляд ничем не примечательное. Но оно решает ее судьбу, поскольку оказывается своего рода пуантом, окончательной точкой в тщательно выстроенной им стратегии речевого поведения. Вот почему мимо него никак нельзя пройти. И первое, на чем стоит остановиться, — вопрос, почему Великатов прибегает именно к письму, а не к устной форме объяснения с Негинной.

Сам он мотивирует это свойственной ему робостью: «...по врожденной робости я никогда не осмелился бы передать вам мои чувства словами» [Островский 1975: 263]. Однако полностью довериться его самохарактеристике было бы опрометчиво. В позднем творчестве драматурга заметно расхождение между тем, что говорит и чем в действительности руководствуется тот или иной персонаж.

Великатов, подобно Вихореву («Не в свои сани не садись»), «отставной кавалерист». «Капитаном в отставке» был и Лукьян Лукьяныч Чебаков из «Женитьбы Бальзамина» — другой искатель женского сердца. Эта генеалогия образа немаловажна для понимания того, с какими героями ассоциировался Великатов в творческом сознании Островского. Однако степень его сходства с ними не стоит преувеличивать. Как не стоит преувеличивать отдельные черты, сближающие Великатова с «деликатным» Вожеватовым, «победительным» Паратовым и переживающим мужскую осень Кнуровым. Великатов — иной, он не похож ни на одного из своих предшественников, включая и Глумова («На всякого мудреца довольно простоты»), кому наиболее близок умением производить впечатление манерой речевого общения. И это один из самых сложных, если не сказать загадочных, персонажей Островского.

Ему, по-видимому, действительно в известной мере присуще названное им самим свойство характера — робость. Во всяком случае, ни зритель, ни читатель пьесы это не вправе отрицать. О робости говорит не только он сам, ее предполагает и Смельская: «Он странный какой-то: каждый день бывает у меня, исполняет все мои желания, а ничего не говорит... Он робок, должно

быть» [Островский 1975: 244]. Но, как видим, в ее словах преобладают неопределенность и предположительность. С робостью плохо сочетается то, что Великатов способен к решительному поступку, к язвительной реплике, редко, но прорывающейся в его речи (такова метящая в Мелузова характеристика «благородных замыслов»: в них «очень много благородства и очень мало шансов на успех»). Отнюдь не о робости Великатова говорит и его военное прошлое, как, впрочем, и то, что он баснословно богат. Если и можно говорить о робости Великатова, то не как о синониме нерешительности, но о некоем свойстве темперамента, подразумевающем обдуманность и расчет. В таком случае появление адресованного им Негиной письма нужно объяснять не робостью (по крайней мере, не только ею), но другой, более подходящей к данному случаю причиной.

Причина эта, на наш взгляд, в том, что умный, пронизательный, прекрасно умеющий выстраивать стратегию речевого воздействия Великатов рационально или интуитивно, но вполне отчетливо осознает возможности писем, при определенных обстоятельствах обладающих преимуществами перед устным высказыванием. Непосредственное устное общение, сопровождающие его невербальные компоненты могут, разумеется, усиливать эффект речи. Но в иных условиях они могут и мешать. Письмо более независимо, чем речь устная. Главное же — то, что его автор и получатель обходятся без каких-либо дополнительных условий и вариантов (обсуждение которых возможно в устном объяснении), поскольку отделены друг от друга пространством и временем. Именно поэтому письмо вносит некий оттенок окончательности в отношения адресанта и адресата, жестко ставя последнего в ситуацию решающего выбора.

Примечательно, однако, что в письме нет никакой императивности. Более того, прекрасно понимая характер Негиной, Великатов в особенно ответственном фрагменте письма стилистически «организует» абсолютную свободу выбора, тонко заменяя конкретную обращенность к ней абстрактным образом — «молодая хозяйка, которой всё поклоняется, всё, начиная с меня, рабски повинуется» [Островский 1975: 264]. Письмо оказывается достойным итогом всей предшествующей речевой стратегии Великатова.

Итак, «Таланты и поклонники» — пьеса не только о власти денег, о зависимости человеческой судьбы от социальных обстоятельств, симпатиях и антипатиях, этических ориентирах и эстетических пристрастиях. Это произведение о возможностях речевого воздействия, о потенциале слова, которое при известных условиях оказывается мощной силой, определяющей человеческую жизнь.

Источники

Аристотель. Риторика. Поэтика. М.: Лабиринт, 2000. 224 с.

Островский А. Н. Полн. собр. соч.: в 12 т. М.: Искусство, 1973–1980. Т. 4: Пьесы (1873–1877). 1974. 544 с. Т. 5: Пьесы (1878–1884). 1975. 542 с.

Литература

- Бахтин М. М.* Проблема речевых жанров // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. С. 237–280.
- Капустин Н. В.* О первичных речевых жанрах в драматургии А. Н. Островского («Женитьба Бальзаминова») // А. Н. Островский. Материалы и исследования. Шуя: Шуйский гос. пед. ун-т, 2006. С. 83–92.
- Степанов А. Д.* Проблемы коммуникации у Чехова. М.: Языки славянской культуры, 2005. 400 с. (Studia philologica).
- Холодов Е. Г.* Мастерство Островского. М.: Искусство, 1967. 543 с.

References

- Bakhtin M. M. [The problem of speech genres]. *Bakhtin M. M. Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal creativity]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1979, pp. 237–280. (In Russ.)
- Holodov E. G. *Masterstvo Ostrovskogo* [Ostrovsky's skill]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1967. 543 p.
- Kapustin N. V. [About primary speech genres in A. N. Ostrovsky's dramaturgy ("The Marriage of Balzaminov")]. *A. N. Ostrovski. Materialy i issledovaniya* [Materials and research]. Shuya, Shuya St. Pedag. Univ., 2006, pp. 83–92. (In Russ.)
- Stepanov A. D. *Problemy kommunikatsii u Chekhova* [Problems of communication at Chekhov]. Moscow, Yazyki Slavyaskoi Kul'tury Publ., 2005. 400 p.

Система сравнений и метафор в романе О. Славниковой «2017»

Зоя Юрьевна Петрова¹, Наталья Александровна Фатеева², Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Россия, Москва), zoyap@mail.ru¹, nafata@rambler.ru²

DOI: 10.31857/S013161170028372-8

АННОТАЦИЯ: В статье рассматриваются метафоры и сравнения романа О. Славниковой «2017», удостоенного премии «Русский Букер» в 2006 г. В этом романе компаративные тропы образуют систему, в рамках которой можно выделить наиболее частотные классы образов сравнения, играющие в то же время ключевую роль в картине мира романа: это обозначения артефактов, в основном бытовых предметов и еды, наименования неживых копий людей — *кукла, манекен, марионетка*. Также выделяются обозначения животных, среди которых лидируют названия мертвых животных и слова семантического класса «Насекомые». Особую роль в романе играют образы, связанные со смертью: *мумия, покойник, труп, смерть* и т. п. Все эти образные обозначения характерны для прозы Славниковой в целом и чаще всего обладают отрицательной оценкой, отражая тенденцию к преобладанию неживого над живым. Выделяется и ряд классов образов сравнения, не столь частотных, но играющих доминантную роль в романе. Это некоторые типы олицетворения, в первую очередь олицетворение камней и судьбы, а также образы мифических существ из уральского фольклора, которые создают своеобразное колебание между реальным и ирреальным планами. Они связаны с уральской тематикой и являются особенностью именно рассматриваемого романа.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: роман О. Славниковой «2017», метафора, сравнение, компаративный троп, доминантный образ, предметный троп, сравнение живого с неживым, персонификация, уральский фольклор

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Петрова З. Ю., Фатеева Н. А. Система сравнений и метафор в романе О. Славниковой «2017» // Русская речь. 2023. № 6. С. 95–106. DOI: 10.31857/S013161170028372-8.

БЛАГОДАРНОСТИ: Работа выполнена при финансовой поддержке РФФ, проект № 23-28-00060 «Динамика компаративных конструкций и типы их взаимодействия в современной русской прозе».

The Language of Fiction

A System of Similes and Metaphors in O. Slavnikova's Novel "2017"

Zoya Yu. Petrova¹, Natalia A. Fateeva², Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences (Russia, Moscow), zoyap@mail.ru¹, nafata@rambler.ru²

ABSTRACT: The article examines metaphors and similes in O. Slavnikova's novel "2017," which was awarded the Russian Booker Prize in 2006. In the novel, comparative tropes form a system within which the most frequent classes of comparative imagery can be identified which, as it happens, play a key role in the novel's world picture: designations of artifacts, mainly household items and food, names of inanimate replicas of people — *doll*, *mannequin*, *puppet*. Designations of animals also stand out, among which the most common are the ones referring to dead animals, as well as words of the semantic class "Insects". A special place in the novel is taken by images associated with death: *mummy*, *dead person*, *corpse*, *death*, etc. All these figurative denominations are characteristic of Slavnikova's prose as a whole and most often have negative connotations, reflecting the tendency towards the predominance of the inanimate over the living. There are also a number of less frequent classes of comparative imagery that nevertheless play a dominant role in the novel. These are certain types of personification, primarily the personification of stones and fate, as well as images of mythical creatures from Ural folklore, which create a kind of oscillation between the real and unreal planes. They are related to the Ural theme and are a feature of the novel in question.

KEYWORDS: O. Slavnikova's novel "2017", metaphor, simile, comparative trope, dominant image, artifact trope, comparison of living things with non-living things, personification, Ural folklore

FOR CITATION: Petrova Z. Yu., Fateeva N. A. A System of Similes and Metaphors in O. Slavnikova's Novel "2017". Russian Speech = Russkaya Rech'. 2023. No. 6. Pp. 95–106. DOI: 10.31857/S013161170028372-8.

ACKNOWLEDGEMENTS: The work was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation, project No. 23-28-00060 "Dynamics of comparative constructions and types of their interaction in modern Russian prose."

Творчество Ольги Славниковой привлекает внимание многих исследователей, как литературоведов, так и лингвистов. Ученые отмечают такую особенность прозы Славниковой, как обилие компаративных конструкций¹, большинство которых носит индивидуально-авторский характер [Авдеева 2021, Коробкова 2010; Ермишкина, Туранина 2011], создан словарь тропов писательницы [Туранина, Воротынцева 2009]. Особое внимание уделяется роману «2017» — обладателю «Русского Букера» 2006 г., рассматриваются ключевые понятия и образы этого романа [Беляков 2006, Фролова 2014, Шестакова 2019]. Мы в данной работе попытаемся представить семантическую классификацию образов сравнения компаративных тропов — сравнений и метафор, выделить среди них доминантные, установить корреляцию между ними и ключевыми идеями авторской картины мира, которые определяют сюжетно-композиционное строение романа. При этом надо иметь в виду, что доминантность определенного семантического класса образов сравнения не всегда определяется их частотностью, хотя частотность — важный показатель роли класса тропов в общей образной системе произведения.

Самый частотный класс образов сравнения в романе — названия созданных человеком предметов, или артефактов. Роль предметных метафор и сравнений в текстах Славниковой неоднократно отмечалась исследователями: «для Славниковой вообще характерно сопоставлять живое и предметное» [Шестакова 2019: 105]. Основную группу названий артефактов — образов сравнения составляют названия бытовых предметов, с которыми сравнивается буквально все: реалии окружающего мира — природа, другие предметы: — *Ты могла бы уехать со мной куда-нибудь далеко? — спросил однажды Иван, обнимая Таню у чугунного парапета, за которым ночной невидимый пруд почмокивал, будто резиновая грелка; Все вокруг было нереально. Мутно светились два граненых стакана Экономического Центра, над ними луна горела, будто кнопка вызванного лифта; На монастырской неухоженной лужайке, усыпанной большими, как пивные пробки, головками облетевших одуванчиков, собрались едва ли не все обитатели лачуг; неутомимый, как стиральная машина, пережат, возле которого Анфилогов впервые обнаружил корунд; Вирус передавался через то, на что они просто смотрели вместе, — даже через очень отдаленные предметы, вроде самолета, похожего в небе на иголку с ниткой рыхлой белой шерсти;*

¹ Под компаративной конструкцией в работе Г. А. Авдеевой понимается сравнительная конструкция. Мы же включаем в смысловой объем этого термина также и метафоры разных формальных типов.

Дальше, за углом, была свобода Татищевского проспекта, по которому носились, бряцая, как **ящички водки**, допотопные трамваи.

Но чаще всего с предметами быта сравнивается человек и части его тела, названия предметов быта в сравнениях часто носят очень конкретный характер благодаря распространителям. Особую роль сравнений данной семантики отмечает Е. Коробкова: «...сравнения Славниковой “играют на понижение”», «Человека и все относящееся к сфере человеческого автор сравнивает <...> с предметами низкого бытового свойства» [Коробкова 2010: 38]. В компаративных тропах этой семантики участвуют, например, следующие соматизмы:

- **лицо**: Тотчас шамкнула пухлая дверь, впустив сердитый звук, как будто мимо пронесся мотоцикл, а также одного из пивших пиво мастеров — косо-плечега, мощными, как бы нефтяными пятнами пропотевшего мужика, с большим лицом, похожим на **седло**; — Хоронить-то кода будум? — обратилась к закурившему Крылову дряхлая старуха с лицом как **шерстяная варежка**, замотанная козьей шалью поверх синтетической лиловой телогрейки,
- **голова**: Но даже они [братки] осознавали — одинаковыми головами, тугими и крепкими, будто **боксерские перчатки**, — что, сколько бы они ни десантировались на природу, пугавшую их своей холодной одинаковостью на все четыре стороны, самоцвета им не добыть;
- **глаза, зрачки**: и что бы ни предпринял против него рассерженный Крылов, соглядатай встретил бы подвиг все с той же скучающей миной и смотрел бы все теми же равнодушными глазами, похожими на **крепко пришитые стеклянные пуговицы**; Я встречала одного русского в Нью-Йорке, где-то он преподает, пальтишко из рогожки, глаза с такими острыми зрачками, как две **точилки для карандашей**;
- **уши**: Женищина-продюсер, похожая на толстого отличника, с ушами-**топориками** на мужской квадратной голове, похудела от счастья на четыре килограмма, а потом еще на столько же от лютой тоски;
- **лысина**: — Расчищайте место! Барахло тащите на крыльцо! Руки из какого места растут?! — орал на работяг осипший администратор, квадратный маленький мужчина с лысиной как **пионерский барабан**, то и дело тесный мебелью к стене;
- **рука**: Возвышаясь одной кудлатой головой перед стаканом минеральной воды, Петрова подняла, как первоклассница, морщинистую руку, похожую на **туго свернутый зонтик**;
- **локоть**: Врачиха, больше не разговаривая, вывернула локоть, большой, как **цветочный горшок**, и заторопилась, подрагивая белыми глыбами, к на-весу травмпункта;
- **мозг**: многие политики после съёмок ощущали усталость, сосущую пустоту кровеносных сосудов, мокрую тяжесть мозга, полоскавшегося в черепе, будто **ком белья в барабане стиральной машины**;

- сердце: Присутствие Екатерины Сергеевны ничего не сообщало его небольшому сердцу, весьма напоминающему формой **сосуд для химических опытов**.

В подобных контекстах ощущается отрицательная оценочность, отражающая ироническое отношение автора (или персонажа) к изображаемому.

Высокой частотой употребления в функции образов сравнения компаративных тропов в романе характеризуются близко связанные с обозначениями бытовых предметов слова семантического класса «Еда». Предметами сравнения в таких тропах выступают обозначения самых разных реалий. Человек и части его тела: *Негодяй, прихлебывая вино, красившее его широкий рот в сургучный цвет, с деланным испугом поглядывал на Крылова, белки его глумливых глаз были розовые, будто **вареные креветки**; природные явления: если мать не слишком допекала, Крылов спокойно делал уроки в служебной комнате с толстыми стенами и наклонным окном, где, словно **хлеб в печи**, сидело малиновое солнце зимнего заката или таяли весенние ветки на мартовской синеве; устраивали международные <...> соревнования по скоростному лазанию на красные, как **палки копченой колбасы**, рифейские сосны; предметы: Крылов поспешно втащил ее в прихожую и подхватил чемодан, уложенный, как видно, вторых и напоминавший пухлую **оладью** с непропеченными твердыми комьями.*

Для образной характеристики человека в целом в романе характерны слова, подчеркивающие отрицание у человека собственно живого начала, души. Это названия предметов, имитирующих человека: *кукла, манекен, марионетка*: *Повсюду в открытых темнели фигуры застигнутых прохожих, напоминавшие группы неосвещенных **манекенов**; [Евгения Кругель Бессмертному] — Вам то что, вы и так Кошеч! — выпалила она, с ненавистью глядя на олигарха, **сломанной куклой** развалившегося в кресле; названия игрушек: *Повсюду шныряли тощие кошки, похожие на гусениц, а редко попадавшиеся люди, страшноватые, как **выброшенные на помойку мягкие игрушки**, провозжали погоню шаманскими жестами. Часто также разные персонажи характеризуются словом **мумия**: Крылов постигал науку насекомых прикидываться мертвыми. Не реагируя на удары в гудящую дверь <...>, Крылов действительно впадал в омертвелость и лежал негнувшийся, как **мумия**, скалясь на пыльную люстру; — Что ж, господа, хотелось бы услышать ваши впечатления, — радушно произнесла Тамара, делая двум невозмутимым **мумиям**, усевшимся поодаль и втянувшимся, как черепахи, в свои измятые хламиды, ободряющие знаки.**

Эти образы сравнения и — шире — вообще сравнения живого с неживым коррелируют с мотивом смерти в романе, ср. «Есть у Славниковой и еще одна особенность, которая также косвенно указывает “в сторону смерти”. Она очень любит сравнивать живое с неживым. Традиционной аниматизации и антропоморфизации неживой природы она предпочитает обратный процесс. <...> Подмена живого неживым (мертвым или косным) выводит прямоком на дорожку к Небытию» [Беляков 2006]. Мотив смерти создает одну из

сюжетных линий, связанную с фирмой ритуальных услуг «Гранит», владелица которой — одна из главных героинь романа.

С мотивом смерти связаны и такие образы сравнения, характеризующие человека, как **покойник**: *Движения профессора были так же неловки и угловаты, как неохотные повороты покойника*: кукла обряжала куклу. Анфилогов чувствовал, что у него точно такие, как у мертвого Коляна, выпирающие кости, похожие на обмотанные тряпками палки, и не постигал, в чем же сейчас между ними разница; **смерть**: *«высоченная старуха в мужской ушанке и солдатской плащ-палатке, теребившая древней косой кочковатый лужок, походила на смерть, но напоила хитников пенистым, пахшим коровьей утробой парным молоком*. Слова семантического поля «Смерть» в качестве образов сравнения характеризуют также природные явления и предметы: *Все остальное Анфилогов завернул в покоробленный полиэтиленовый лоскут и, оттащив к корундовой яме, завалил скрежещущий сверток в развороченную жилу, как в анатомичке после вскрытия заваливают внутренности в желтый живот мертвеца; — Я, Василий Петрович, машину хочу купить, — продолжил Колян, шагавший свободно, враскачку, иногда внезапно пятившийся на профессора, бесшумно тащившего рюкзака и палатку, тяжелую, как труп*.

Для романа характерны также сравнения разнообразных реалий с мертвыми животными и частями их тела: *почему-то мужчине становились известны адреса свиданий, он являлся туда и скромно ждал в тени назначенного дома, приносясь к своему букетику, похожему на дохлую птицу; Тем временем божиха, заметив приближение хозяев, взяла из травы изодранную сумочку, похожую на дохлую летучую мышь; Крылов зачем-то разбил друг о друга гнилые ящики, повисшие у него в руках, будто птичьи скелеты с вывихнутыми крыльями; К тому же подлец благоухал ядовитым одеколоном, будто свежераздавленное насекомое; Как он мог так долго его не узнавать? Черты лица — будто убитая муха на белой стене*.

Еще одна высокочастотная в романе группа образов сравнения — обозначения живых животных, которые в применении к человеку тоже «играют на понижение» человеческих свойств, среди них много оригинальных обозначений, обновляющих традиционное образное соответствие «человек — животное». Ср., например: *«Студия А», известная фирменной глумливостью своих журналистов, пустила в эфир большое интервью с Председателем ассоциации военно-исторических клубов... <...> Мэр мелькал на экране лишь изредка, словно летучая мышь; Главный инженер и арт-директор были безволосы, как кальмары, их лица состояли из складок, неглубоких, но скрывающих, казалось, все человеческое; он торопился, но, как мог, толково описал соглядатая — его рубашечки, его манеры скусса*.

Среди обозначений животных выделяется класс обозначений насекомых, наиболее многочисленных как в рассматриваемом романе, так и вообще в прозе О. Славниковой. При характеристике людей они описывают как внешний вид человека, так и его поведение, которое уподобляется моделям поведения насекомых. Ср., например, образные характеристики внешности человека,

частей его тела: длиннорукий *Сергеа* напоминал большое насекомое вроде **богомола**; глаза *Татьяны* за очками горели гневом, руки ощупывали ноющие ребра *Крылова*, трогали толстое левое ухо, опухшее, будто **насосавшийся крови паразит**; *Крылов* <...> небрежно демонстрировал потертый довоенный лат надменной старухе с лицом пушистым и напудренным, как **бабочка-ночница**, явившейся на пleshку неизвестно за каким дивидендом; характеристики движения человека: Тамара ссутулилась, стиснув руки между колен, **потира ладони и колени друг о друга, точно стреноженный кузнечик**; она присела на край измятого дивана и, **потерев, как муха, ногу о ногу**, сбросила туфли, упавшие тяжело, словно на них налипли тысячи километров пешего пути.

Уподобление поведения людей моделям поведения насекомых (преодоление огромных препятствий, полет к гибели) становится основой одной из ключевых образных параллелей романа, посвященного уральской тематике, — «мир рифейца [жителя Урала — З. П., Н. Ф.] — мир насекомого»: мир коренного рифейца, которым *Крылов* привык гордиться, действительно выглядел будто мир **насекомого, инстинктивно заползающего на громадные препятствия**. <...> Почему рифейцы, умеющие бороться за жизнь в ситуациях, когда обычный человек погиб бы моментально, с такой готовностью пренебрегают результатом борьбы и снова лезут туда, где пострашней? Чем для них необудителен факт, что они живые? *Крылов* не знал ответа; **торжество насекомого, радужной пулей летящего к гибели**, стало ему не очень понятно.

Следующая группа метафор и сравнений, выделяющихся в системе компаративных тропов романа, — это тропы со значением персонификации. В качестве предмета сравнения таких тропов наиболее частотно обозначение **камни**, связанное с уральской тематикой и доминантное в тексте романа. Оно значимо для сюжетно-композиционной структуры романа, так как главный герой *Крылов* — специалист по обработке камня. Камни в тексте романа, с точки зрения *Крылова*, предстают как живые, очеловеченные существа. С самого детства он воспринимает их так: «*Великий Могол*», «*Эксельсиор*», «*Флорентиец*», «*Шах*» — имена мировых алмазов звучали для него такой же музыкой, какой для романтиков много склада звучат названия мировых столиц. Знаменитые камни были героями приключений наравне с *д'Артаньяном*, капитаном *Немо* и *Кожаным Чулком*. Далее в тексте произведения к камням применяются такие обозначения людей, как **уродцы**, **младенцы**, **инвалиды**, у них есть **тела**, **души**, **нервная система**: Коллекция *Анфилогова* представляла собой **кунсткамеру — собрание уродцев с измененным габитусом**. <...> в его уродцах, хранимых глубокими ячейками и нежными гнездами папиросной бумаги, было и нечто невыразимо трогательное: их небольшие зоны прозрачности, словно оттаянные теплым дыханием из трещиноватого льда, выглядели в **коренастых, сиамских, дистрофических телах** будто их удивительные **души**; На мелкие дефекты *Крылов* вообще не обращал внимания — камень сам смаргивал, как глаз, свои соринки, — в крупных же включениях и трещинах видел историю развития кристалла, его особенную **нервную** и **светоносную систему**; Он словно увидел непонятно как открывшимся зрением рыжую осеннюю воду, обволакивающую

камни на перекатах, кутающую их, как **младенцев**, в тугое одеяло; Почему-то он вспоминал теперь не покойного профессора, а его коллекцию минеральных **инвалидов** с их слабыми, едва проясненными, едва подслащенными цветом зонами прозрачности. Камни, в представлении Крылова, могут приобретать дар речи: Все так же на застекленных полках, перед схватившимися намертво томами, стояли мытые друзья цитрина, раухтопаза, розового хрусталя. При виде этих великолепных гнездовий, полных существами, которые за крепкими зеркальными либо рубчатými шукурами сохраняли дивные, немые области прозрачного, Крылов почувствовал, как ремесло запело в сердце и в кончиках пальцев. Он хотел и мог обнажать эти вечные души, давать им новую граненую броню, заставлять **говорить на резком, властном языке преломленного света**, чтобы невозможно было отвернуться.

С камнями связана еще одна доминантная для текста романа образная характеристика — *прозрачность*. В представлении героя это главное свойство камней. Оно «завораживало юного Крылова с самых первых проблесков его сознания». **Прозрачность** воспринималась юным Крыловым как высшее, просветленное состояние вещества. **Прозрачное** было волшебством. Все простые предметы принадлежали к обыкновенному, этому миру: как бы ни были они хитро устроены и крепко запаяны, можно было вскрыть и посмотреть, что у них внутри. **Прозрачное** относилось к миру иного порядка, вскрыть его, попасть вовнутрь было невозможно. Как отмечается в романе, прозрачность впоследствии вписала Крылова «в коренную рифейскую ментальность». Это свойство — прозрачность — переносится Крыловым с камней на внутренний мир человека, его душу, приобретая метафорические признаки: *Подросток Крылов рано сообразил, что душа исконного рифейца обладает свойством **прозрачности**: все в ней как будто видно насквозь, а внутрь проникнуть нельзя*. Эта метафора прозрачности развивается в романе и дальше. Натуру своего учителя, профессора Анфилогова, Крылов увидел как **прозрачность** высочайшего качества: абсолютно твердую пустоту, внутри которой нет ничего распознаваемого обиженными людьми, но сама она существует в кристаллизованном виде и достигает максимальной цены за карат. Характеристика прозрачный, прозрачность распространяется в романе на весь окружающий мир, внешность персонажей, обладая в различных контекстах разной степенью метафоричности. Прозрачностью обладают природные реалии, времена суток: вода, деревья, небо, день, ночь, утро, костер, свет, воздух, например: *Массивы скал и массы **прозрачного** синего воздуха были одинаково каменны, одинаково воздушны; круглое озеро Илим стало настолько **прозрачно**, что увеличивало, будто луна, затонувший лет двести назад, похожий на недоеденную курицу маленький баркас; Тут же мелколиственные березы, **прозрачные**, будто стрекозиные крылья, выбросили сержки; легкий горный очерк, похожий на складку **прозрачной** небесной ткани. Особо выделяется контекст, соотносящий прозрачность и смерть: Железнодорожный овраг с пустыми рельсами внизу теперь казался до половины налитым **прозрачной смертью** — и невозможно было в нее окунуться*.

Прозрачность характеризует части тела человека: волосы, глаза, рот, кожу, уши, например: [Колян] *тихо замирал, погрузившись в себя, как в реку, по самую макушку, на которой при свете сильной анфилоговской лампы светился **прозрачный** встопорщенный клок; **прозрачная кожа** на лукавой мордочке [Мити] начала засахариваться; место обитания героя — квартиру: Через небольшое время он заметил, что пространство квартиры сделалось **прозрачным**: ничто в нем не было сокрыто от самого первого взгляда, но возможность проникнуть извне исключалась абсолютно; его внутреннее ощущение: Под этим впившимся взглядом Крылов ощущал себя видным насквозь **прозрачным** микроорганизмом; Под клавишей вызова имелось скромное трехгранное отверстие. В каком-то **прозрачном** наитии Крылов воткнул туда предмет, казавшийся грубым гвоздем.*

Прозрачность в структуре романа на основе звукового и семантического сходства коррелирует с призрачностью. Последняя связана с главной героиней романа — Татьяной: *Странная **призрачность** всего Таниного состава, блеклость ее всегда вызывала сомнения в ее реальности, которые Крылов сам от себя прятал. На самом деле Татьяна всегда казалась фигурой, просвечивающей с обратной стороны страницы, на которой изображен реальный мир, — и от того наполненной светом, без которого Крылов теперь не мог существовать.* По мнению О. А. Фроловой, «в романе оживают традиционные романтические антитезы, связанные с противопоставлением “Здесь-бытия” “Там-бытию”, мира обыденного — “зазеркалью”. Это ведет и к актуализации мотива призрачности, который, с одной стороны, характеризует “Там-бытие” и тех, кто избирает путь ухода от реальности, а с другой стороны, <...> распространяется и на саму эту реальность, выражая ее неистинность» [Фролова 2014: 149]. В тексте романа призрачность проявляет себя и в виде призраков (Крылова, Анфилогова и др.).

Еще один яркий пример персонификации связан с понятием судьбы. Судьба на протяжении всего романа выступает как постоянно присутствующее в жизни героев очеловеченное начало, которое сильнее человека и которое они, как заложено в их рифейском характере, подвергают испытаниям, судьба при этом характеризуется разнообразными «человеческими» предикатами: *Но еще до встречи с Таней, показавшей Крылову, как можно вдруг, помимо воли, **поступить в распоряжение** судьбы, в обживании убежища возникли непредвиденные трудности; Секретность свиданий усугубляла положение, при котором судьбе и правда приходилось **присматривать** за экспериментаторами, чтобы сохранить для них возможность запереться на пару часов в каком-нибудь до жалости непрочном спичечном коробке. Судьба таким образом **вступила в борьбу** со средой.* Наиболее яркое олицетворение судьбы появляется в сильной позиции конца текста при описании последней экспедиции Крылова, будущее которого остается неопределенным: *В густой толпе никто не обращал внимания на двух мужчин — сухого старого татарина и другого, помоложе, с каменным ртом, в остром капюшоне, надвинутом на самые глаза, — что мерно шагали под огромными, ладно уложенными рюкзаками. Судьба **сопровождала их, ступая по снегу босиком.***

К собственно олицетворениям примыкают тропеические контексты, в которых различные реалии окружающего мира уподобляются частям тела человека, многие из них, часто благодаря распространителям, обладают отрицательной оценочностью, например: *Уводимые все больше под уклон, они постепенно приближались к городской реке с глубоким, как **желудок**, парковым прудом, где скапливалось и переваривалось все попавшее в реку добро, включая отпленников; Бывает, что дырка в земле, похожая на **беззубый и запавший старческий рот**, ведет исследователя в шахту позапрошлого века, что напоминает похороненную, полураздавленную камнем низкую избу; Анфилогов привел Крылова, от волнения нацепившего свой первый в жизни **стодолларовый галстук**, в земляной квадратный дворик, замкнутый сырими домами позапрошлого века, чьи некогда нарядные балконы напоминали теперь **стариковские вставные челюсти**; Крылов попытался, как всегда безуспешно, вычитать в довольно густой уже россыпи свиданий какую-то закономерность. Он увидел только, что многие улицы напоминают **исколотые вены наркомана**.*

Резко отрицательная оценочность свойственна и еще одному классу образов сравнения, связанных с категорией «Человек», — «Болезни»: *сами пропорции промышленного города оказались засекречены так, что последствия искажений, подобно **последствиям полиомиелита**, сказывались на структуре города, как реального, так и изображенного, сообщая улицам странные **вывихи** и заставляя неоправданно вилять, срываясь рогами с проводов, городские неуклюжие троллейбусы; На это администрация, испытывая естественную потребность в оформленном центре, ответила тем, что снесла заросшие кладбищенской травой **кариесные** особняки и построила новодел, соединивший идею казармы и петровского Монплезира; кристаллы с переломами, в разных стадиях регенерации, похожие то на **распухшие суставы**, то на вязко склеенные леденцы; Наконец мотор схватился, заработал, два неодинаковых луча от фар — один посильнее, другой словно засыпанный пылью — махнули по вялым листовным массам, по какой-то страшной, как **чума, изъязвленной** штукатурке.*

Важное место в системе образов романа занимают мифические существа, пришедшие из уральского фольклора. Среди них главенствует Каменная Девка, или Хозяйка Горы, воплощением которой становится главная героиня романа Татьяна (Екатерина Сергеевна). Кроме того, это и другие персонажи уральских сказок — Пляшущая Огневка, Великий Полоз, часто упоминаются также горные духи. Они проявляют себя в разных жизненных ситуациях героев как реальные существа. Разные персонажи романа угадывают в Татьяне — ее внешности, поведении и т. д. — признаки Хозяйки Горы. Первым узнает в ней Каменную Девку Анфилогов: *Все это было неспроста. Все это имело отношение к **Хозяйке Горы**. Лес, куда сегодня утром удалился призрак, тонул в сырой белесости, и ближние деревья были отчетливы, а следующие за ними были будто их незакрашенные тени на белой стене. Отвлекаясь, Анфилогов попытался вспомнить имя гуманитарной девицы. Ирина? Инга? Что-то как будто на «И». Имена, подбираемые в уме, казались искусственными. «Екатерина», — произнес над ухом профессора отчетливый голос, наполненный медом. <...> Он понимал,*

что **Хозяйка Горы** сама выводит его обратно в жизнь, но пока не представлял, как сумеет этим воспользоваться. Потом встречается с ее проявлениями Крылов: *У Крылова был мучительный, с болью подавляемый вопрос, который он мог задать только самому себе: не воплощает ли Татьяна для него **Хозяйку Горы**? Многие говорили за это: и отсутствие у женщины возраста, и маленькие ручки с перепонками, очень похожие на **лапки коронованной рифейской ящерики**; Крылов потому так долго заблуждался насчет Татьяны и профессора, что видел на вокзале идентичность их ладоней, какая бывает только у близких кровных родственников, например у брата и сестры. <...> Вот они, **штучки Каменной Девки**, так жаждущей от мужчины всей его любви, всего его существа, что она не может не присваивать его физически; Фарид подтверждает догадки Крылова: — *Значит, и к тебе пришла **Каменная Девка**.**

В конце романа Крылов наблюдает за трансформациями Татьяны в Хозяйку Горы: *Теперь же, когда Крылов сделался не нужен, Татьяна вытянулась за пару месяцев, будто подросток. Говорят, **Хозяйка Горы**, самая богатая женщина мира, ростом под четыре метра. Так вот как все это происходит. То, что Крылов принял за подтяжку лица, сделанную в салоне красоты, было, возможно, началом минерализации: кожу Татьяны словно схватило изнутри холодным кварцевым ледком.*

Все сказочные существа оказывают воздействие на жизнь персонажей: *Мысль о том, как он буквально за день переменит завещание, пароли и шифры, взбодрила профессора (в пятнадцать километров к северо-западу в абсолютно темной карстовой пещере, пронизанной гигантскими пипетками мокрых сталактитов, четырехметровая **матрица Каменной Девки** оборотила голову-яйцо в сторону своих порушенных корундов, **пытаясь через злую бодрость оживить полумертвого человека**); Сами они по мере убывания красоты с каждым днем становились страшней. Корундовая местность неизвестным способом присоединила их к себе, превратила в свой биологический, природный элемент. Морда у Коляна сделалась кровавой и жирной, будто вяленый лец, борода торчала рыбьими костями, на лапах, **сожженных Пляшущей Огневкой**, образовались красные сухие перепонки; проявляют себя в реальном мире: Несколько раз добытчики снимали с веток, с шершавых скальных выступов живую режущую нитку — **волос Златовласки, дочери Великого Полоза, трехметровой женщины с клубящейся жидким золотом безглазой головой, способной превращаться в сильно намагниченную подземную змею.***

В подобных контекстах наблюдается своеобразное словоупотребление, колеблющееся между реальным и ирреальным планами произведения (см. [Фролова 2014: 149]).

Итак, в результате исследования метафор и сравнений романа «2017» выявлены наиболее частотные классы образов сравнения, играющие в то же время ключевую роль в картине мира романа: это «Артефакты», в основном «Бытовые предметы», «Еда», «Неживые копии людей», кроме того, «Животные», среди которых выделяются «Мертвые животные» и другие образы, связанные со смертью, а также класс «Насекомые». Все они характерны для

прозы Славниковой в целом и чаще всего обладают отрицательной оценкой, отражая тенденцию к преобладанию неживого над живым. Выделяется и ряд классов образов сравнения, не столь частотных, но играющих доминантную роль в романе. Это некоторые типы олицетворения, в первую очередь олицетворение камней и судьбы, а также образы мифических существ из уральского фольклора, которые создают своеобразное колебание между реальным и ирреальным планами. Они связаны с рифейской (уральской) тематикой и являются особенностью именно рассматриваемого романа.

Литература

- Авдеева Г. А. Особенности компаративных единиц в прозе О. Славниковой: на материале рассказов сборника «Любовь в седьмом вагоне» // Мир науки, культуры, образования. 2021. № 5 (90). С. 232–236.
- Беляков С. Натюрморт с камнем // Знамя. 2006. № 12 [Электронный ресурс]. URL: <https://znamlit.ru/publication.php?id=3146> (дата обращения: 21.02.2023).
- Ермишкина М. Л., Туранина Н. А. Образное наполнение соматизмов в художественном дискурсе Ольги Славниковой // III Селищевские чтения: материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 125-летию со дня рождения А. М. Селищева. Елец, 2011. С. 177–180.
- Коробкова Е. С. Механизм сравнений в произведениях Ольги Славниковой // Челябинский гуманитарий. 2010. № 2 (11). С. 38–40.
- Туранина Н. А., Воротынцева М. А. Словарь тропов Ольги Славниковой. Белгород, 2009.
- Фролова О. А. Взаимодействие реального и ирреального в романе О. Славниковой «2017» // Ученые записки Казанского университета. 2014. Т. 156, кн. 2. Гуманитарные науки. С. 146–154.
- Шестакова Ю. Ю. Категория прозрачности в оптической системе романа О. Славниковой «2017» // МЕДИАальманах. 2019. № 5. С. 97–107.

References

- Avdeeva G. A. [Features of comparative units in the prose of O. Slavnikova: based on the stories of the collection “Love in the seventh carriage”]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*, 2021, no. 5 (90), pp. 232–236. (In Russ.)
- Belyakov S. [Still life with stone]. *Znamya*, 2006, no. 12. (In Russ.) Available at: <https://znamlit.ru/publication.php?id=3146> (accessed 21.02.2023).
- Ermishkina M. L., Turanina N. A. [Figurative content of somatisms in the discourse of Olga Slavnikova]. *III Selishhevskie chteniya: materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi 125-letiyu so dnya rozhdeniya A. M. Selishcheva*. Elets, 2011, pp. 177–180. (In Russ.)
- Frolova O. A. [The interaction of the real and the unreal in O. Slavnikova's novel “2017”]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta*. 2014, vol. 156, book 2. *Gumanitarnye nauki*, pp. 146–154. (In Russ.)
- Korobkova E. S. [The mechanism of comparisons in the works of Olga Slavnikova]. *Chelyabinskii gumanitarii*, 2010, no. 2 (11), pp. 38–40. (In Russ.)
- Shestakova Yu. Yu. [The category of transparency in the optical system of O. Slavnikova's novel “2017”]. *MEDIAal'manakh*, 2019, no. 5, pp. 97–107. (In Russ.)
- Turanina N. A., Vorotyntseva M. A. *Slovar' tropov Ol'gi Slavnikovoi* [Dictionary of tropes by Olga Slavnikova]. Belgorod, 2009.

Язык художественной литературы

Анализ структуры текстового пространства в романе Б. Л. Пастернака «Доктор Живаго»: пространственная оппозиция Москва — Юрятин

Чжао Сайнань, Нанкинский университет (Китай, Нанкин), 1057810431@qq.com

DOI: 10.31857/S013161170029359-3

АННОТАЦИЯ: В статье рассматривается структура текстового пространства в романе Б. Л. Пастернака «Доктор Живаго». Роман «Доктор Живаго» отмечен подчеркнутой связью между пространственной организацией и общим смыслом произведения. Методика механизма пространственного моделирования художественных текстов, предложенная Ю. М. Лотманом, указывает на то, что пространство в художественных текстах является симуляцией реального мира. Использование этой методики для интерпретации помогает нам лучше понять связь между построенными пространствами и общим смыслом романа «Доктор Живаго». Значение текстового пространства романа выделено тем, что противопоставленность реального пространства Москва и гетеротопического пространства Юрятин отражается в непространственных культурных ценностях. Эта оппозиция реализуется на вертикальной оси «верх — низ». Как реальное пространство Москва более представляет объективное бытие, а как гетеротопическое пространство Юрятин демонстрирует духовные ценности главного героя романа Живаго.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Б. Л. Пастернак, «Доктор Живаго», структура текстового пространства, Ю. М. Лотман, пространственная оппозиция, Москва, Юрятин

для цитирования: Чжао Сайнань. Анализ структуры текстового пространства в романе Б. Л. Пастернака «Доктор Живаго»: пространственная оппозиция Москва — Юрятин // Русская речь. 2023. № 6. С. 107–115. DOI: 10.31857/S013161170029359-3.

The Language of Fiction

Analysis of the Structure of Text Space in the Novel by B. L. Pasternak “Doctor Zhivago”: Spatial Opposition Moscow — Yuryatin

Zhao Sainan, Nanjing University (China, Nanjing), 1057810431@qq.com

ABSTRACT: The article examines the structure of the text space in the novel by B. L. Pasternak “Doctor Zhivago”. The novel “Doctor Zhivago” is marked by an emphatic connection between the spatial organization and the general meaning of the work. The theory of the mechanism of spatial modeling of artistic texts, proposed by Yu. M. Lotman, indicates that the space in artistic texts is a simulation of the real world. Using this theory to rethink this novel helps us achieve a deeper understanding. The meaning of the text space of the novel is highlighted by the fact that the juxtaposition of the real space of Moscow and the unreal space of Yuryatin reflects non-spatial cultural values. This antithesis is represented by the vertical axis “top - bottom”. As a real space, Moscow rather symbolizes physical boundaries, and as an unreal space, Yuryatin claims the spiritual value of the protagonist of the novel Zhivago.

KEYWORDS: B. L. Pasternak, “Doctor Zhivago”, structure of text space, Yu. M. Lotman, spatial opposition, Moscow, Yuryatin

FOR CITATION: Zhao Sainan. Analysis of the Structure of Text Space in the Novel by B. L. Pasternak “Doctor Zhivago”: Spatial Opposition Moscow — Yuryatin. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2023. No. 6. Pp. 107–115. DOI: 10.31857/S013161170029359-3.

Введение

Одной из отличительных характеристик построения художественного пространства романа «Доктор Живаго» в прозаической части является оппозиция реального и ирреального, например в тексте существуют реальные топонимы (Орел, Брянск, Урал, Москва, Арбат и т. д.) и вымышленные топонимы (Юрятин, Варыкино и т. д.). Текстовое пространство романа «Доктор Живаго» в основном конструируется в двух пространствах Москвы и Юрятина, и пространственная оппозиция, возникающая между городами Москва и Юрятин, имеет важное значение для анализа пространственных отношений в данном романе. Поэтому в статье в основном рассматривается их потенциальная ценность и структурная взаимосвязь между ними. В данной статье делается попытка продемонстрировать это с помощью разработанного Ю. М. Лотманом механизма моделирования пространства художественного текста.

Начиная с 1970-х годов «пространственный поворот» привлекает все больше внимания среди ученых, и статус изучения пространства в гуманитарных и социальных науках впервые поднялся выше статуса времени. Однако уже в 1960-х годах Ю. М. Лотман, известный советский теоретик литературы и культурной семиотики, обратился к проблемам понимания пространства, которое является важным объектом его исследований. Ю. М. Лотман рассматривает пространство с математической точки зрения и считает, что это совокупность объектов и между этими объектами существует непрерывная взаимосвязь. Согласно важной точке зрения В. Н. Топорова о том, что «текст есть пространство, и пространство есть текст» [Топоров 1997: 455], Ю. М. Лотман предположил, что текст обладает механизмом моделирования пространства, т. е. пространство в художественных текстах является симуляцией объективного мира.

Реальное пространство: Москва

Ю. М. Лотман ввел понятие топологии и множества из математики. Под топологией он понимал пространство текста, которое есть смещение и деформация реального мира, т. е. имитация реального мира, абстрагирующая его в виде пространственного языка в тексте, но при этом суть пространства не меняется и оно по-прежнему имеет объективную реальность. Как реальное пространство Москва в романе представлена в виде разбросанной и фрагментированной пространственной топологии, но ее внутреннее содержание предполагает упорядоченную пространственную иерархию. Она складывается из разных подпространств: московского аристократического класса, который представляет семья Громеко; класса рабочих (железнодорожников), который представляет семья Тиверзина; низшего класса, который представляет семья Лары.

Эти три типа представляют бытийное пространство разных классов людей Москвы в целом, каждое подпространство демонстрирует разные образы жизни людей, что составляет относительную устойчивость пространственной

иерархии. Три класса предстают как три отдельных подпространства, которые кажутся независимыми и непроницаемыми друг для друга, но благодаря действиям главного героя Живаго пересекаются. Живаго, который находится в аристократическом кругу, впервые встретил Лару, принадлежащую к низшему кругу, в отеле «Черная гора», а затем в поезде он встретил Антипова (Стреникова), принадлежащего к рабочему кругу. Благодаря сюжетной «неизбежной судьбе», структурированная иерархия московского пространства постепенно распадалась изнутри, обнажая таким образом множество противоречий.

В романе реальное пространство Москвы постепенно переходило от первоначального общего стабильного и упорядоченного состояния жизни к турбулентному состоянию и, наконец, к неупорядоченному состоянию. Эта трансформация в неупорядоченное состояние не достигается в одночасье, а характеризуется непрерывными изменениями в образе жизни людей и непрерывным снижением качества жизни и, в конечном счете, отражается в пустоте и смятении духовного мира людей. В романе это раскрывается главным образом с точки зрения главного героя Живаго.

Москва является имитацией реального мира, и автор рассматривает ее как реплику реальности. Внутренний порядок трех подпространств изменился с иерархического на размытый. Движение Живаго свидетельствует о постепенном нарушении границ между разными уровнями, что на самом деле вызвано как революцией, так и войной. Первоначальная святость была разрушена революцией и войной, а поезд стал типичным символом современности, сделав Москву светской, а не иерархической. В этом процессе Живаго, как высокопоставленный интеллектуал, прошел путь от простой поддержки революции к осознанию неизбежной разрушительной войны, переместился с вершины первоначальной иерархии московского пространства на более низкую ступень, столкнувшись с новой темой восстановления самопознания после того, как его разум был разрушен, точнее говоря, он оказался духовно опустошен.

Для пространства Москвы характерен прием олицетворения. «Образ Москвы и образ России — это поверхностные варианты общего архетипического образа Матери-Земли, олицетворением которой в романе также выступает Лара» [Фатеева 2003: 45]. Поэтому после расставания с Ларой Живаго рассматривает Москву уже не как бытийное пространство, а как место, где его ждет смерть.

Гетеротопическое пространство: Юртин

Как указала Е. Н. Смирнова, «топонимы Урала образуют оппозицию пространству Москвы. Это в основном вымышленные топонимы, что еще раз подчеркивает вывод о символичности пространства Урала» [Смирнова 2009: 6]. Вероятно, Юртин является вымышленным топонимом Урала.

Юрятин в романе — большой город, построенный на высокой горе. В то же время автор наделяет город и святостью. Город окружен золотым блеском. Ученый И. П. Смирнов считает, что «прототипом Юрятина является созданная Кампанеллой Утопия — Город Солнца. Он построен с большим размахом, а в центре горы стоит церковь» [Смирнов 1996: 97]. Ученый Фарыно высказал даже предположение о скрытом значении названия города, указав, что «наименование Юрятин содержит имя Живаго Юрий» [Фарыно 1992: 386], так что он назвал Юрятин городом Живаго. Несомненно, что они рассматривают Москву в романе как город утопии. На наш взгляд, Юрятин не город утопии, а город гетеротопии. «Топонимы Пермь, Всеволодо-Вильва, Мотовилиха вообще отсутствуют в “Докторе Живаго”. На смену им приходят Юрятин, Варыкино, Развилье» [Абашев 2008: 69]. То есть у Юрятина есть архетип, это Пермь, но автор специально переименовал название города Пермь, для того чтобы создать условный пространственный образ.

Гетеротопия — важная концепция, выдвинутая Фуко в «Других пространствах», это промежуточное пространство между реальным и утопическим пространством, неоднородное пространство вне социальных конвенций [Фуко 2006: 54–57]. В своей статье он обобщил шесть важных характеристик гетеротопии: все культуры в мире могут формировать гетеротопию; общество может заставить гетеротопию существовать и играть определенную роль; гетеротопия имеет право объединять несколько пространств и площадок, которые не могут сосуществовать друг с другом, в реальное место; гетеротопия сочетается с фрагментами времени; гетеротопия всегда должна иметь систему открывания и закрывания; гетеротопия может создавать пространство фантазии, но также и пространство компенсации.

Такой гетеротопией является Юрятин: два важных места в этом городе, библиотека и дом Лары, становятся тем пространственным полем, где сюжет романа делает важный поворот. Когда Живаго снова увидел Лару в библиотеке, его сердце дрогнуло, и он последовал за Ларой до самого ее дома. Это стало самой невыносимой частью его жизни. Библиотека соответствует четвертой характеристике гетеротопии, то есть гетеротопии времени. Библиотека непрерывно накапливает содержимое разных эпох в фиксированном месте, которое не может быть устранено временем, поэтому является гетеротопией времени в нашем обществе. Дом Лары принадлежит фантазийному пространству, сконструированному автором (см. последний признак гетеротопии). Можно сказать, что Юрятин в романе представляет собой гетеротопию в переходной зоне между реальным пространством и пространством утопическим.

Образ Юрятина, который оценивался автором как «сказочная страна», в романе создает противовес образу Москвы. Пространство в Юрятине приобретает подчеркнуто метафорический характер, так как связано с духовным состоянием главного героя Живаго.

Пространственная оппозиция Москва — Юрятин

В данной статье Москва (реальное пространство) и Юрятин (гетеротопическое пространство) представляют состояние бинарной оппозиции. Говоря о текстовом пространстве произведений Н. В. Гоголя, Ю. М. Лотман в основном делил структуру текстового пространства на точечное пространство, линейное пространство, плоскостное пространство и объемное пространство. Подробно описывая характеристики точечных пространств, он подчеркивал важность пространственных границ и указывал, что не все типы текстовых пространств имеют границы, «пространственная отграниченность текста от не-текста является свидетельством возникновения языка художественного пространства как особой моделирующей системы» [Лотман 1988: 254–255]. Следует объяснить, что основным признаком точечного и линейного пространства являются пространственные границы, горизонтальность и статичность свойственны плоскостному пространству, а объемное пространство обычно не имеет четких границ, и ему присуща напряженная динамичность.

Стоит упомянуть, что Ю. М. Лотман также ввел важное понятие «точка зрения», которое в основном относится к взглядам автора на обрисованное пространство. Основными этапами анализа пространственной оппозиции Москва — Юрятин являются определение характера пространственных точек зрения, определение особенностей пространственной организации в целом:

- а) пространство вертикально или горизонтально,
- б) пространство статично или динамично,
- в) пространство замкнуто или разомкнуто,
- г) пространство линейное, точечное, плоскостное или объемное,
- д) описание пространства в фокусе внешней или внутренней точки зрения

	Москва	Юрятин
вертикально / горизонтально	вертикально	горизонтально
	<i>«Между колонками церковной колокольни, высившейся как раз против окна, показалась ясная, полная луна. Когда ее свет упал внутрь чемодана на разложенное сверху белье, книги и туалетные принадлежности, комната озарилась как-то по-другому и доктор узнал ее» (VI, 3: 348).</i>	<i>«...в стене против двери оказалось окно. Доктора поразило, что он в нем увидел. Окно выходило на двор дома, на зады соседних и на городские пустыри у реки» (IX, 14: 466).</i>

	Москва	Юрятин
статично / динамично	статично	динамично
	«...потому что навесы на пустых ларях были спущены и даже не прихвачены замками, и торговать на загаженной площади, с которой уже не считали нечистот и отбросов, было нечем» (VI, 1: 342).	«Он <u>идет</u> к ней. Сейчас, в Новосвалочном, пустыри и деревянная часть города <u>кончится, начнется</u> каменная...» (IX, 16: 474–475).
замкнуто / разомкнуто	замкнуто	разомкнуто
	Образ московского вокзала символизирует закрытость пространства.	Образ дороги из Варыкино в Юрятин символизирует открытость пространства.
линейное / точечное / плоскостное / объемное	линейное	объемное (панорамный взгляд)
	Вокзал, дом, больница вокзал (здесь вокзал как граница Москвы).	«Однако и <u>действительный Юрятин, настоящий и невымышленный, виднелся в окнах зала</u> » (IX, 10: 459).
в фокусе внешней / внутренней точки зрения	в фокусе внешней точки зрения	в фокусе внутренней точки зрения
	«Доктора поразили валяющиеся всюду на мостовых и тротуарах вороха старых газет и афиш, сорванных с домов и заборов. Ветер тащил их в одну сторону, а копыта, колеса и ноги встречных едущих и идущих — в другую» (VI, 1: 343).	«Дух захватывает! Как он любит эти знакомые домики по пути к ней! Так и подхватил бы их с земли на руки и расцеловал!» (IX, 16: 475).

Противоположная связь между двумя пространствами проявляется и на уровне точек зрения. Пространственные точки зрения двух городов противопоставлены друг другу, пространственная точка зрения Москвы — сверху вниз, а пространственная точка зрения Юрятина — снизу вверх. Это отражает привычные особенности построения автором пространства: с одной стороны, для знакомого пространства он начинает описание пейзажа с неба и завершает землей. С другой стороны, в незнакомом пространстве главный герой начинает наблюдение за окружающей средой со сцены на земле и, наконец, останавливается на далеком небе. Например, когда Живаго приехал в Юрятин, он сначала увидел рекламные таблицы в городе, а уже потом далекие

горы и другой пейзаж. Изменение точки зрения главного героя показывает, что он постепенно перешел от наблюдения за внешним миром к наблюдению за внутренним миром.

Структура пространства текста образует модель с культурными ценностями через непространственное содержание. «Создается отчетливая модель мирового устройства, ориентированная по вертикали. В ряде случаев “верх” отождествляется с “простором”, а “низ” с “теснотой” или же “низ” с “материальностью”, а “верх” с “духовностью» [Лотман 1998: 267]. Таким образом, основная ось «верх — низ» реализуется в романе «Доктор Живаго» через ряд вариантных противопоставлений:

Москва	Юрятин
низ	верх
земное	небесное
объективный мир	свой мир
материальность	духовность
закрытость	открытость
смерть	жизнь

Изображение реального пространства Москвы в основном реализуется на физическом уровне, а изображение гетеротопического пространства Юрятина метафорически заключается в духовном пространстве главного героя Живаго.

Заключение

На основе теории Ю. М. Лотмана о механизме моделирования пространства художественного текста в статье глубоко анализируется структура текстового пространства «Доктора Живаго» и делается следующий вывод: реальное пространство Москва и гетеротопическое пространство Юрятин реализуются на основе оси «верх — низ» через ряд непространственных культурных противопоставлений «земное — небесное», «объективный мир — свой мир», «материальность — духовность», «закрытость — открытость», «смерть — жизнь». Такая структура смеси действительного и вымышленного в художественном творчестве является особенностью романа Б. Л. Пастернака.

Литература

- Абашев В. В. (отв. ред.). «Любовь пространства...»: Поэтика места в творчестве Бориса Пастернака. М.: Языки славянской культуры, 2008. 423 с.
- Лотман Ю. М. В школе поэтического слова: Пушкин, Лермонтов, Гоголь. М.: Просвещение, 1988. 348 с.
- Лотман Ю. М. Структура художественного текста // Лотман Ю. М. Об искусстве. М.: «Искусство — СПб», 1998. 702 с.
- Пастернак Б. Л. Люди и положения // Новый мир. 1967. № 1. С. 204–236.
- Пастернак Б. Л. Малое собрание сочинений. М.: Азбука, 2021. 720 с.

- Смирнов И. П. Роман тайн «Доктор Живаго». М.: Новое литературное обозрение, 1996. 208 с.
- Смирнова Е. Н. Языковые средства выражения пространственных отношений в романе Б. Пастернака «Доктор Живаго»: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ярославль, 2009. 23 с.
- Топоров В. Н. Пространство и текст // Текст: семантика и структура. М.: Наука, 1983. С. 227–284.
- Фарыно Е. Юрятинская читальня и библиотекарша Авдотья. Археопоэтика «Доктора Живаго» // Сб. ст. к 70-летию профессора Ю. М. Лотмана. Тарту, 1992. С. 385–410.
- Фатеева Н. А. Поэт и проза: книга о Пастернаке. М.: Новое литературное обозрение, 2003. 399 с.
- 米歇尔·福柯. 王喆, 译. 另类空间[J]. 世界哲学, 2006 (6):54-57. = [Франция] Фуко М., Ван Чжэ, перевод. Альтернативные пространства // Мировая философия. 2006. № 6. С. 54–57.

References

- Abashev V. V. "Lyubov' prostranstva...": Poetika mesta v tvorchestve Borisa Pasternaka ["The love of space ...": The poetics of place in the works of Boris Pasternak]. Moscow, Yazyki Slavyanskoj Kul'tury Publ., 2008. 423 p.
- Faryno E. [Yuryatinsky reading room and librarian Avdotya. Archaeopoetics of Doctor Zhivago]. *Sbornik statej k 70-letiju professora Yu. M. Lotmana* [Collection of articles on the 70th anniversary of Professor Yu. M. Lotman]. Tartu, 1992, pp. 385–410. (In Russ.)
- Fateeva N. A. *Poet i proza: kniga o Pasternake* [Poet and prose: a book about Pasternak]. Moscow, Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ., 2003. 399 p.
- Foucault M., Wang Zhe, translated. [Alternative spaces]. *World Philosophy*, 2006, no. 6, pp. 54–57. (In Chin.)
- Lotman Yu. M. *V shkole poeticheskogo slova: Pushkin, Lermontov, Gogol'* [In the school of the poetic word: Pushkin, Lermontov, Gogol']. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1988. 348 p.
- Lotman Yu. M. [The structure of a literary text]. Lotman Yu. M. *Ob iskusstve* [On art]. Moscow, "Iskusstvo – SPB" Publ., 1998. 702 p. (In Russ.)
- Pasternak B. L. [People and positions]. *Novyi mir*, 1967, no. 1, pp. 204–236. (In Russ.)
- Pasternak B. L. *Maloe sobranie sochinenii* [Small collected works]. Moscow, Azbuka Publ., 2021. 720 p.
- Smirnov I. P. *Roman tain "Doktor Zhivago"* [Mystery novel "Doctor Zhivago"]. Moscow, Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ., 1996. 208 p.
- Smirnova E. N. *Yazykovye sredstva vyrazheniya prostranstvennykh otnoshenij v romane B. Pasternaka "Doktor Zhivago"*: Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [Linguistic means of expressing spatial relations in B. Pasternak's novel "Doctor Zhivago": Abstr. diss. ... cand. philol. sci.]. Yaroslavl, 2009. 23 p.
- Toporov V. N. [Space and text]. *Tekst: semantika i struktura* [Text: semantics and structure]. Moscow, Yazyki Russkoj Kul'tury Publ., 1997, pp. 455–515. (In Russ.)

Из истории науки

Как сделана «глокая куздра»¹

Наталья Дмитриевна Светозарова, Санкт-Петербургский государственный университет
(Россия, Санкт-Петербург), ndsvetozar@gmail.com

DOI: 10.31857/S013161170029360-5

АННОТАЦИЯ: Знаменитая фраза Льва Владимировича Щербы «Глокая куздра штеко будланула бокра и курдячит бокрѣнка» обычно приводится в качестве примера, иллюстрирующего роль грамматики и, в частности, окончаний для понимания смысла на первый взгляд бессмысленной последовательности слов. Согласно публикациям Л. В. Успенского, именно так трактовал ее и сам Щерба на своей лекции по курсу «Введение в языкознание». Однако удивительное единодушие, которое обнаруживают носители русского языка, взрослые и дети, в понимании фразы про куздру, свидетельствует о том, что они реагируют не только на окончания, но и на порядок слов, частотность синтаксических структур, фонетические и фоносемантические особенности корней, то есть опираются на некоторые типичные модели предложений и составляющих их слов русского языка. Этот маленький шедевр гениального ученого «сделан» так, что одно простое распространенное предложение становится блестящим примером «отрицательного языкового материала» и иллюстрацией целого ряда важнейших языковых закономерностей.

В статье рассматриваются два варианта знаменитого псевдопредложения, потенциальные возможности иных, кроме наиболее частотной, грамматических структур, его семантическая и фонетическая структура и особенности рецепции.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Л. В. Щерба, эксперимент в языкознании, отрицательный языковой материал, псевдовысказывания, грамматика, фонетика, фоносемантика

¹ В основе статьи лежит доклад Н. Д. Светозаровой, прочитанный в декабре 2021 года на традиционном открытом заседании кафедры фонетики Санкт-Петербургского университета, посвященном памяти Л. В. Щербы. Пользуясь случаем, хочу письменно выразить благодарность всем, кто откликнулся на этот доклад и сообщил ценные для автора сведения. Это А. В. Андронов, Н. В. Богданова-Бегларян, С. А. Крылов, Т. С. Седова, Е. А. Шамина, П. М. Эйсмонт, А. В. Яковлев.

для цитирования: Светозарова Н. Д. Как сделана «глокая куздра» // Русская речь. 2023. № 6. С. 116–128. 10.31857/S013161170029360-5.

From the History of Science

How is “Glokaya Kuzdra” Made

Natalia D. Svetozarova, Saint Petersburg State University (Russia, Saint Petersburg),
ndsvetozar@gmail.com

ABSTRACT: The famous phrase of Lev Vladimirovich Shcherba “*Glokaya kuzdra shteko budlanula bokra i kurdyachit bokrenka*” is usually cited as an example illustrating the role of grammar, and in particular, endings, in understanding the meaning of a seemingly meaningless sequence of words. According to the publications of L. V. Uspensky, this is exactly how Shcherba himself interpreted it at his lecture on the Introduction to Linguistics. However, the amazing unanimity that Russian speakers, adults and children, show in understanding the phrase about *kuzdra* indicates that they react not only to endings, but also to word order, frequency of syntactic structures, phonetic and phonosemantic features of roots, that are based on some typical models of sentences and their constituent words in the Russian language. This little masterpiece of a great scientist is made in such a way that one simple sentence becomes a brilliant example of “negative linguistic material” and an illustration of a number of the most important linguistic patterns.

The article discusses two variants of the famous pseudo-sentence, the potential possibilities of grammatical structures other than the most frequent, its semantic and phonetic structure and reception features.

KEYWORDS: L. V. Shcherba, experiment in linguistics, negative linguistic material, pseudo-utterances, grammar, phonetics, phonosemantics

FOR CITATION: Svetozarova N. D. How is “Glokaya Kuzdra” Made. Russian Speech = Russkaya Rech’. 2023. No. 6. Pp. 116–128. DOI: 10.31857/S013161170029360-5.

Как известно, сам Лев Владимирович Щерба свою знаменитую фразу нигде не опубликовал. Во всяком случае, обнаружить ее, ни в печатных в трудах ученого, ни в рукописях, до сих пор не удалось. Тем не менее все знают,

Глокая куздра штеко будланула бокра и курдячит бокрѣнка.

Л. В. Щерба

что эту фразу придумал именно Щерба. Столь широкой популярности она во многом обязана талантливому ученику Щербы Льву Васильевичу Успенскому (1900–1978) и его замечательной книге «Слово о словах», вышедшей в свет в 1954 году и затем многократно издававшейся огромными тиражами. Вариант, опубликованный Л. Успенским, считается каноническим. Именно его знают все. Ну, если и не все, то очень многие русские. Иначе как объяснить, что про глукую куздру складывают песни, пишут сказки, ее загадывают в конкурсах, она появляется в названиях книг и фильмов. В ленинградском отделении Института языкознания когда-то выпускалась замечательная стенная газета «Глокая Куздра», а в наши дни в интернете можно обнаружить даже рекламу майки с такой надписью. Правда, несмотря на такую громкую славу, известно о самой куздре не так уж много, точнее только то, что содержится в одной-единственной фразе, сообщающей нам об одном очень нехорошем поступке этого таинственного существа. А вот у фразы история богатая. У нее есть прообразы, аналоги, варианты, характерные для устного бытования разночтения и ошибки, подражания и интереснейшие примеры рецепции и бытования.

История и варианты

Одной из первых известных мне публикаций, специально посвященных щербовской фразе, была опубликованная в 1982 г. статья профессора Ленинградского университета Александра Ивановича Моисеева «“Глокая куздра” Л. В. Щербы (канонический текст, варианты и подражания)»². А. И. Моисеев пишет, что впервые «Глокая куздра» появилась в 1936 г. в статье Л. В. Успенского в журнале «Пионер» (№ 4), а затем через 18 лет в 1954 г. в его книге «Слово о словах». По словам Моисеева, еще до книги Успенского тот же текст приводила на своих лекциях Элеонора Иосифовна Коротаева, подлинность и первоначальность этого текста подтвердили также Лев Рафаилович Зиндер и Евгения Марковна Иссерлин. Часто приводил эту фразу в своих лекциях Юрий Сергеевич Маслов. А. И. Моисеев полагает, что есть достаточно оснований считать окончательным вариантом книжный, а не журнальный (содержащий набросок некоторых глав будущей книги), тем более что там даны ударения.

Скорее всего, бытовала эта фраза и среди школьных учителей. Подтверждение этому я услышала в словах Сергея Александровича Крылова:

«По воспоминаниям моей мамы (Натальи Андреевны Ивановой), в 1950–1952 гг. знаменитая фраза Л. В. Щербы про “глукую куздру” была уже известна маминному тогдашнему школьному учителю русского языка и литературы — Михаилу Викторовичу Панову (впоследствии знаменитому лингвисту-русисту), использовавшему эту фразу в качестве лингвистической задачи для старшеклассников».

² Этой публикации предшествовал доклад А. И. Моисеева, прочитанный им на заседании памяти Щербы в 1980 г.

Но существует еще один вариант фразы, существенно отличающийся от канонического в лексическом отношении, но полностью соответствующий экспериментальной цели фразы. Согласно рассказу Л. Успенского, фразу про куддру Щерба использовал в середине 1920-х гг. на вводной лекции по введению в языкознание в Российском институте истории искусств. В это же время Щерба вел занятия по анализу художественного текста в Петроградском университете, а их посещал другой его талантливый ученик, Иракий Андроников (1908–1990), который услышал, запомнил и описал в одном из своих устных рассказов фразу про кудматую бокру. Андроников особо отмечает творческий элемент этих занятий и пишет:

«Так, при мне он (Щерба) придумал и велел мне написать на доске фразу “Кудматая бокра штеко булданула тукастенъного бокрѣночка” — абсолютно понятную русскую фразу, несмотря на то, что этих слов нет ни в русском и ни в каком другом языке. Потом “бокру” заменила “глокая куддра”, но при мне была бокра!» [Андроников 1981].

К сожалению, Андроников не рассказал, в отличие от Льва Успенского, как именно Щерба анализировал придуманную на ходу фразу, но можно себе представить, насколько интересным и подробным мог быть этот анализ, если первую строчку «Медного всадника» Пушкина ученый анализировал, согласно воспоминаниям Андроникова, целое занятие.

Опубликован устный рассказ Иракия Андроникова был впервые только в 1981 году [Андроников 1981: 54–56], но вполне вероятно, что он мог запомниться слушателям по его выступлениям на сцене. Андроникова Моисев не упоминает, но его вариант экспериментальной фразы (с некоторыми отклонениями) приводит в примечаниях к своей статье, называя там книгу 1960 года (Ровенский З., Уемов А., Уемова Е. «Машина и мысль (философский

Рис. 1. Статья Льва Успенского в журнале «Пионер» (1936, № 4, с. 103–104)

Fig. 1. Article by Lev Uspenskiy in the magazine "Pioneer" (1936, No. 4, pp. 103–104)

очерк о кибернетике)». М., 1960) и считая, что ее авторы просто обновили щербовскую фразу). Авторы же этой книги не называют источник фразы, а пишут, что академик Щерба привел ее как «интересный пример для иллюстрации относительной самостоятельности языковой формы по отношению к лексическому содержанию» [Ровенский и др. 1960: 41]. Быть может, они услышали ее на одном из выступлений Андроникова. Однако, скорее всего, она тогда бытовала в среде ученых и преподавателей, а также школьных учителей наряду с «каноническим» вариантом.

Грамматика

«Глокая куздра» — чемпион по цитированию в лингвистической и педагогической литературе: в учебниках по языкознанию, в научных публикациях, в научно-популярных изданиях. Еще в 1982 г. А. И. Моисеев говорил о более чем 50-ти обнаруженных им источниках, сейчас это число, безусловно, неизмеримо больше. Приведу небольшой (алфавитный) список наиболее важных для меня имен (кроме уже названных) тех, кто упоминал и обсуждал эту фразу: Ю. Д. Апресян, Б. М. Гаспаров, И. Н. Горелов, Ф. Н. Двинятин, А. П. Журавлев, А. И. Зайцев, Л. В. Зубова, А. М. Кондратов, А. А. Леонтьев, А. Р. Лурия, Ю. С. Маслов, Б. Ю. Норман, М. В. Панов, И. И. Ревзин, А. А. Реформатский, К. Ф. Седов, Б. А. Успенский, А. В. Федоров.

В большинстве случаев цель упоминания или анализа состоит в том, чтобы показать роль грамматики, позволяющей в значительной степени понять эту фразу при полном незнании ее слов. Вот как эту мысль формулирует, например, А. А. Леонтьев: «Кто такая эта куздра, почему она глокая, что сделала с несчастным бокром и с его бокрэнком? Этому не знаете ни вы, ни я, да и сам академик Щерба едва ли знал. Но “расшифровать” строение этого предложения так же легко, как разобраться в строении фразы “Петя бросил кошке рыбу”. И это благодаря окончаниям» [Леонтьев 1990]. А вот что пишет Б. М. Гаспаров: «Кажется, трудно придумать более наглядную и убедительную иллюстрацию тезиса о том, что в нашем сознании присутствуют абстрактные грамматические структуры, извлеченные из и отвлеченные от конкретных употреблений, чем знаменитый пример Л. В. Щербы» [Гаспаров 1996: 94].

А что мы, собственно говоря, в ней понимаем, и только ли в грамматике дело? Так ли проста эта куздра?

Лингвисты давно заметили, что предложенное Львом Успенским от лица Щербы грамматическое осмысление, а именно: *глокая* — определение-прилагательное, *куздра* — подлежащее-существительное, *штеко* — обстоятельство образа действия и т. д. — далеко не единственно возможное. Свойственная русскому языку омонимия морфем приводит к тому, что *глокая* может быть также подлежащим и существительным (ср. *борзая*), *куздра* — не существительным женского рода в именительном падеже, а родительным падежом мужского рода (напр., *соседа*). *Глокая* может быть также деепричастием,

правда, тогда в записи потребуется запятая. В литературе можно найти целые серии забавных, но вполне возможных фраз, соответствующих модели:

1-ая 2-а 3-о 4-нула 5-а и 6-ит 7-ёнка

Например, *Закусочная турка нагло обманула казака и дурачит казачонка* или *Слушая брата, сильно психанула сестра и молчит сестрёнка*, приведенные в книге А. М. Кондратова «Звуки и знаки» [Кондратов 1978].

Однако в голову большинства русских людей в качестве первого или даже единственного приходит то осмысление, которое дал и вложил в уста самого Щербы Л. В. Успенский и которое было многократно проверено на разных группах русских людей, детей и взрослых.

Почему это так? Дело тут, несомненно, в частотности, в привычности определенных синтаксических структур, в наличии неких прототипических моделей. Столь же важна и привычность и частотность порядка слов. Именно в типичности русского синтаксиса, средней длины фразы, наиболее распространенном порядке слов и ряде других признаков А. И. Моисеев видел причину того, что «Глокая куздра» представляет собой идеальный пример, недосягаемый образец.

Однако сведёнию всего только к грамматике противоречит опыт одного преподавателя, описанный А. М. Кондратовым в его книге. Он предъявил своим студентам не только фразу Щербы, но и ее модель «А-ая Б-а В-о Г-нула Д-а и Е-ит Д-ёнка», после чего предложил им ее интерпретировать, заполнить словами. «И тут будущие лингвисты, профессиональные переводчики стали в тупик. Насколько однозначно и легко они трактовали глокую куздру (т. е. целую фразу), настолько тяжело им было дать смысловую интерпретацию модели» [Кондратов 1978].

Подобный эксперимент был описан и Л. В. Успенским, правда, только в его журнальной статье:

«Интересно также попробовать вывернуть нашу задачу наизнанку: взять настоящие русские корни, но придать им выдуманные частицы. Будет ли фраза, составленная из них более понятной, чем наша “глокая куздра”, или наоборот. Вот я пишу: “Большого воронэл клюнави журавлюль и теребико журавлисси”. Попробуйте определить, что я хотел этим сказать. Каждое слово в отдельности еще туда-сюда, понятно, хотя и то не очень, но вся “фраза” утратила всякий смысл. Журавль клюнул ворона, воронёнок клюет журавля или журавлята теребят ворон, никак этого не угадаешь» [Успенский 1936: 104].

Кстати, в журнальном варианте истории есть еще одно важное отличие от книжного: в нем прозвучал вопрос относительно языка, на котором была написана непонятная поначалу фраза, а в самой фразе есть два отличия от канонического текста: *штено* место *штеко* и *курдянит* вместо *курдячит*.

Удивительно не то, что фразу понимают, а то, что русские люди (и взрослые, и дети) понимают ее практически одинаково; еще более удивительно — *как*

именно они ее понимают. Сразу надо вынести за скобки возможное влияние книги Льва Успенского: не все же ее читали, взять хотя бы маленьких детей. Дело, конечно, не только в грамматике. Она позволяет только понять, о чем тут говорится, определить действующих лиц и их действия. А за образы, за их характеристики отвечает что-то другое.

Семантика

Статья Л. Успенского в журнале «Пионер» была проиллюстрирована двумя рисунками. Задание изобразить содержание, стоящее за, казалось бы, бессмысленной фразой, много раз предлагалось и детям, и взрослым. И выбор персонажей всегда был на удивление сходным. Например, Ю. Д. Апресян сообщает, что «подавляющему большинству не искушенных в лингвистике носителей русского языка, к которым автор обращался с просьбой дать толкование щербовской фразе, представлялась приблизительно одна и та же картина: самка сильно ударила какого-то самца и наносит удары его детенышу» [Апресян 1966: 147]. Чаще всего герои выбирались из мира животных или птиц. Правда, по сообщению Т. С. Садовой один из ее учеников, курсант военного училища, понял фразу как относящуюся к злобной женщине, обижающей своего бывшего мужа и его ребенка. Но исключение, как обычно, лишь подтверждает правило. Оказывается, что сочетание неизвестных, не существующих в русском языке корней с типичным родным синтаксисом позволяет реконструировать намного больше, чем формальную грамматическую схему, а именно — приписать словам определенные семантические признаки. (Справедливости ради следует сказать, что кроме словоизменительных морфем Щерба использовал и суффиксы (-ну- и -ёнок), а также вполне осмысленный союз *и*³.) Это прекрасно сформулировал еще в 1966 г. Ю. Д. Апресян, показав, что анализ щербовской фразы «дает основание для более сильного утверждения: зная язык, на котором она написана, мы можем не только дать ее грамматический разбор, но и установить, в первом приближении, значения входящих в нее слов» [Апресян 1966: 146].

Фонетика и фоносемантика

Эти «значения в первом приближении» могут уточняться до вполне конкретных образов. Так, Борис Михайлович Гаспаров пишет:

«Когда я представляю себе выражение “глокая куздра... будланула”, в моем сознании возникает не чисто грамматическая, абстрактная идея об одушевленном субъекте женского рода, совершившем некое однократное действие, но более конкретизированный и осязаемый, жанрово и тематически окрашенный образ» [Гаспаров 1996: 95].

³ Строгий Александр Александрович Реформатский называл фразу Щербы гениальной, но признавал только ее первую часть, поскольку во второй использован русский союз «и».

Происходит это в значительной степени благодаря звуковой структуре корневых морфем и связанных с определенными звуками представлений, а также благодаря ассоциациям с целыми звуковыми комплексами и с конкретными лексемами русского языка (например, бокр — зубр, куздра — выдра).

Здесь на первом месте, безусловно, находится звуковая структура, а также словообразование: *бокрёнок* скорее всего детеныш *бокра* из-за суффикса, *будланула* — что-то нехорошее из-за ассоциаций с «нехорошими» глаголами с суффиксом -ну- (*толкнула, швырнула, долбанула*). И тут вырисовывается картина злой куздры и хорошего бокра (его обижают, и у него ребенок есть). Вот несколько практически однотипных ответов младших школьников, о которых любят сообщать учителя:

Бешеная корова сильно боднула быка и лягает телёнка.

Глупая ворона сильно клюнула козла и каркает на козлёнка.

Хитрая лиса больно ударила волка и тащит волчонка.

Яркая фоническая структура фразы Щербы напоминает о поэтических экспериментах начала XX в., о зауми, что стало в последнее время предметом интересных специальных работ, например Ф. Н. Двинятина [Двинятин 2000, 2003] и В. В. Фещенко [Фещенко 2019]. Связь эта столь очевидна (вспомним время создания Щербой его экспериментальной фразы — 1920-е годы), что заставляет задуматься над словами Льва Успенского о том, что Щерба «просто сочинил несколько корней, которых никогда ни в каком языке не бывало» [Успенский 1960: 322]. Да нет, не просто. Корни эти (за исключением одного) — вполне русские по своей структуре, они соответствуют «архитектонике» русского лексикона, если воспользоваться термином немецкого лингвиста Пауля Менцера. Скорее всего, у Щербы сначала возникла в голове общая ситуация происходящей драмы, а потом уже он придумал именно эти корни.

Ниже приводится упрощенная табличка подсчетов, сделанных на кафедре фонетики Ленинградского университета еще в 1970-е годы.

Фонетический состав двух вариантов фразы

	Гласн.	Согл.	k = 1,32	k (корни)	Шумн.	Тверд.	Заднеяз. и губные	Всего фонем
Глокая куздра	20	29	1,45	3,1	19	25	8+3	49
Кудматая бокра	21	29	1,38	2,3	20	24	7+4	50

К — консонантный коэффициент, т. е. отношение числа согласных к числу гласных в слове или морфеме

Приведенные цифры не только говорят о несомненном сходстве двух вариантов (Льва Успенского и Ираклия Андроникова), но и в значительной степени объясняют те ассоциации, которые возникают у большинства носителей русского языка. Это явное преобладание шумных согласных над сонантами

и твердых над мягкими при повышенной доле заднеязычных и губных. Это также резко повышенный по сравнению с нормой для русского языка консонантный коэффициент в корнях (флексии и суффиксы, напротив, состоят в основном из гласных и сонантов). Все это придает фразе определенную жесткость, грубость. Вот почему куздра злая и сильная, а то, что она сотворила с бокром, грубо, больно и страшно. Кстати, во фразе есть одна загадка. Все русские читают псевдослово *штеко* с твердым /т/, то есть как бы на иностранный манер. Почему? Да потому что слов с начальным сочетанием *ште-* в русском языке меньше десятка и все они заимствованные, из немецкого (*штейгер*, *штемпель*, *штенсель*, *штекер* и др.). Между прочим, часть придуманных профессором корней, отсутствующих в русском языке, без особого труда можно найти в немецком: ср. слова *Glocke*, *stecken*, *buddeln*.

Есть еще один интересный вопрос. А насколько вообще реальна та ситуация, которую представил студентам Щерба, или проще: а всегда ли мы понимаем *всё*? И одинаково ли? Совершенно не обязательно, чтобы каких-то слов или корней вообще не было в данном языке, это могли бы быть и просто заведомо незнакомые учащимся слова (диалектные, профессиональные, иностранные). Хотя, конечно, эффект был бы намного меньше.

Б. А. Успенский рассказал об очень интересном факте рецепции обсуждаемой фразы лингвистом-иностранцем [Успенский 2007: 188–194]. В 1961 г. ему, аспиранту МГУ, довелось поехать в Копенгаген к знаменитому датскому лингвисту Луи Ельмслеву. И он решил поразить ученого фразой Щербы.

«Я знал, что Ельмслев в какой-то мере владел русским языком (мы разговаривали с ним по-английски). Он сказал мне, что его знание языка было пассивным, но он определенно мог читать по-русски, а среди его публикаций была по меньшей мере одна работа на русском языке. Ельмслев воспринял фразу про Куздру довольно равнодушно и ждал продолжения» (с. 189).

Аспирант страшно удивился и отважился спросить, понял ли собеседник фразу:

«Простите, — сказал я осторожно. — Не могли бы вы сказать, что именно вы поняли?» Ельмслев почувствовал себя неуверенно... Любой носитель русского языка сразу бы определил слова данной фразы как несуществующие, искусственно придуманные, и это послужило бы препятствием для понимания. Ельмслев не знал русский язык настолько хорошо, чтобы понять, что таких слов в языке нет. Будучи иностранцем, он заранее исходил из того, что те или иные слова могут быть ему неизвестны, и это обстоятельство никак не могло дать ему повод усомниться в существовании того или иного слова» (с. 190).

Аспирант продолжал выяснять, что же именно Ельмслев понял:

«Как Вы поняли это предложение?» — настаивал я. Несколько смущенный, Ельмслев сказал неохотно: «Мне показалось, что какое-то большое животное побито другим животным и бьет его детеныша. Разве не так?» (с. 190).

Ответ поразил аспиранта, он практически совпал с реакцией русских. И он делает абсолютно правильный вывод: «Профессор Ельмслев не знал русский язык достаточно хорошо для того, чтобы понять, что слов, из которых составлена фраза Щербы, не существует; но он знал язык достаточно хорошо, чтобы понять общий смысл этой фразы». Т. е. владел русской грамматикой, а также, возможно, испытал влияние законов фоносемантики, в определенной степени универсальных.

Лингвистический статус фразы и ее рецепция

У знаменитой фразы Щербы есть предшественники, родственники и последователи. Наиболее известные из них:

«Бармаглот» Льюиса Кэрролла (1863; 1871);
заумь в русской поэзии (Хлебников, Кручёных, Туфанов) 1910-е;
Woggles ugged diggles Чарльза Фриза (1952);
The iggle squiggs trazed wombly in the harlish hoop Г. А. Глисона (1955);
Colorless green ideas sleep furiously Н. Хомского (1957);

и, конечно,

«Лингвистические сказочки» Л. С. Петрушевской (1984 и позднее).

Связь последних со Щербой очевидна: сказочка № 10 называется «Про глокую куздру и бокрѣнка» и посвящена беседе Калуши с калушатами о Щербе и его фразе, данной, правда, с небольшими ошибками. Вот отрывок из этой сказочки (отклонения от канонического варианта фразы выделены полужирным курсивом):

«Ну, калушаточки (волит Калуша), распритюкивайтесь по напушке. Калушата распритюкнулись: Канна, Манна, Гуранна — и наоттырь — Кукуся. А Калуша волит: — Инда побирим про Щербу. — Йоу Щерба? — бирят калушата. — А Щерба, — бирит Калуша, — огдысь-егдысь нацирикал: «Глокая куздра **кудланула** бокра и **кудрячит** бокрѣнка» [Петрушевская 2003: 247–248].

Само обращение к искусственным, бессмысленным, не существующим в данном языке словам (логотомам) и целым фразам (псевдопредложениям) — явление не новое и достаточно распространенное. Так построены многие детские считалки и дразнилки (например, «Еники-беники»), слова тайных языков и воровского жаргона, заумные тексты русского и западного авангарда. Этот принцип используется в логопедических упражнениях, лингвистических задачах, при проверке акустических каналов связи, в построении материала для перцептивных экспериментов (см., например, Светозарова 2023). К нему охотно прибегают писатели, авторы фантастических романов и шуточных рассказов для детей. К «Лингвистическим сказочкам» Петрушевской можно добавить, например, эпизод из повести братьев Стругацких «Трудно быть богом» (жаргон, на котором беседуют Вага и дон Рэба и смысл которого

прекрасно понимает герой повести дон Румата) или «Задачник» Григория Остера, в котором есть более дюжины задач с выдуманными словами. Например, такая: «Одна фляка стоит 17 хмуриков. Сколько фляк можно купить на 85 хмуриков?». Фраза Щербы нашла отражение в массовой литературе⁴, в выступлениях эстрадных артистов⁵, в стихах современных поэтов. Постепенно сформировались разные аспекты ее изучения, некоторые из которых затронуты в нашей статье: исследование генеалогии фразы (доклад А. И. Зайцева); сравнение ее вариантов (есть статья О. Пулатова); поиск истоков придуманных Щербой корней; перевод фразы на все языки мира (есть такой сайт в интернете); методика использования ее в преподавании, куздра и заумь (статьи Ф. Двинятина и В. Фещенко), куздра как персонаж современной поэзии (доклад Л. В. Зубовой).

Как же можно определить лингвистический статус этого уникального лингвистического явления? Самое простое — отнести ее к разряду лингвистических примеров, которые, обладая признаками предложения как строевой единицы языка, отличаются ущербностью значения и отсутствием контекста, необходимых для функционирования предложения как единицы речи. Однако значительно более интересным представляется мне предложенная Борисом Юстиновичем Норманом трактовка щербовской фразы в ряду других *псевдо-высказываний* (см. [Норман 2010]), которые, выполняя свою основную функцию (языкового примера, считалки, прибаутки, мнемонического приема и др.), не имеют за собой никакой «конкретной референтной ситуации», но обрастают дополнительными смыслами. Подобно тому, как фраза «Волга впадает в Каспийское море» получает значение банальности, наша «глокая куздра» обрела значение чего-то непонятного. Интригующе-захватывающего. Немного страшного.

А «сделан»⁶ этот маленький шедевр гениального ученого так, что одно простое распространенное предложение русского языка (ведь в том, что предложение — русское, сомнений ни у кого не возникает) становится блестящим примером «отрицательного языкового материала»⁷ и иллюстрацией целого ряда важнейших языковых закономерностей: роли грамматики, частоты встречаемости синтаксических структур, типичности порядка слов, звукового строя и др. для понимания абсолютно непонятной на первый взгляд фразы.

Поистине, наука умеет много гитик.

⁴ В детективе Александры Марининой «Убийца поневоле» встречается персонаж — симпатичный бывший уголовник по кличке Бокр, который взял себе это прозвище, прочитав в тюремной библиотеке книгу Льва Успенского «Слово о словах».

⁵ Например, в фильме «Новогоднее похищение» (1969) в диалоге Л. Мирова и М. Новицкого, построенном из бессмысленных слов, не только сам принцип, но и одно из слов — глагол куздриться — явно восходят к фразе Щербы.

⁶ Наш образованный читатель будет прав, если увидит в этом слове напоминание о замечательной статье Б. М. Эйхенбаума «Как сделана “Шинель” Гоголя» [Эйхенбаум 1919].

⁷ Термин, введенный Л. В. Щербой в его статье «О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании» [Щерба 1931/1974].

Литература

- Андроников И. Л. Кудматая бокра // А теперь об этом. М.: Советский писатель, 1981. С. 54–56.
- Апресян Ю. Д. Идеи и методы современной структурной лингвистики. М.: Просвещение, 1966.
- Гаспаров Б. М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М.: Новое литературное обозрение, 1996.
- Двинытин Ф. Н. Поэтика глокой куздры, или Заумный Щерба // Евразийское пространство: звук и слово. Международная конференция, 3–6 сентября 2000. Тезисы и материалы. М.: Композитор, 2000. С. 144–150.
- Двинытин Ф. Н. Заумный Щерба: к поэтике фразы про глокую куздру // Евразийское пространство: Звук, слово, образ. М.: Языки славянской культуры, 2003. С. 383–394.
- Журавлев А. П. Звук и смысл, 2-изд. М., 1991.
- Кондратов А. М. Звуки и знаки. М.: Изд. «Знание», 1966; 2-е изд., перераб. М., 1978.
- Леонтьев А. А. Путешествие по карте языков мира: Книга для внеклассного чтения учащихся 5–7 классов средней школы / 2-е изд., испр. и доп. М.: Просвещение, 1990. 143 с.
- Моисеев А. И. «Глокая куздра» Л. В. Щербы (канонический текст, варианты и подражания) // Проблемы комплексного анализа языка и речи: межвузовский сборник / Ред. Л. В. Бондарко. Л., 1982. С. 9–16.
- Норман Б. Ю. Псевдовысказывания как лингвистический феномен (на материале славянских языков) // Вестник Московского ун-та. Сер. 9. Филология. 2010. № 1. С. 32–53.
- Петрушевская Л. С. Дикие животные сказки. Морские помойные рассказы. Пуськи Бятые, М.: Эксмо, 2003.
- Ровенский Э., Уемов А., Умова Е. Машина и мысль (философский очерк о кибернетике). М., 1960.
- Светозарова Н. Д. По следам «Глокой куздры» // «Вперед и вверх по лестнице звучащей». Сборник статей к 80-летию Ольги Федоровны Кривновой. Ред. Л. М. Захаров, И. М. Кобозева, А. Э. Костюк, Н. Д. Светозарова, Кс. П. Семенова. М.: Буки Веди, 2023. С. 227–239.
- Успенский Б. А. Его Loquens: Язык и коммуникативное пространство. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2007. 320 с.
- Успенский Л. В. Глокая куздра // Пионер. 1936. № 4. С. 103–104.
- Успенский Л. В. Слово о словах. М.: Детгиз, 1954; 1960 и др. издания. С. 296.
- Фещенко В. В. Языковые аномалии русского авангарда в фокусе лингвистических теорий / Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова, вып. 19. М., 2019. С. 44–53.
- Щерба Л. В. О тroyаком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании (1931) // Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Л.: Наука, 1974. С. 24–39.
- Эйхенбаум Б. М. Как сделана «Шинель» Гоголя // Б. М. Эйхенбаум. Поэтика: Сборники по теории поэтического языка. Петроград, 1919. С. 151–165.

References

- Andronikov I. L. [Kudmataya bokra]. *A teper' ob etom* [And now about this]. Moscow, Soviet Writer Publ., 1981, pp. 54–56. (In Russ.)
- Apresyau Yu. D. *Idei i metody sovremennoi strukturnoi lingvistiki* [Ideas and methods of modern structural linguistics]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1966. 300 p.
- Dvinyatin F. N. [The poetics of glokaya kuzdra, or Abstruse Shcherba]. *Evraziiskoe prostranstvo: zvuk i slovo. Mezhdunarodnaya konferentsiya, 3–6 sentyabrya 2000. Tezisy i materialy* [Eurasian space: sound and word. International conference, September 3–6, 2000. Abstracts and materials]. Moscow, Kompozitor Publ., 2000, pp. 144–150. (In Russ.)

- Dvinyatin F. N. [Abstruse Shcherba: on the poetics of the phrase about the Glokaya Kuzdra]. *Evraziiskoe prostranstvo: Zvuk, slovo, obraz* [Eurasian space: Sound, word, image]. Moscow, Yazyki Slavyanskoi Kul'tury Publ., 2003, pp. 383–394. (In Russ.)
- Eikhenbaum B. M. [How Gogol's "Overcoat" was made]. *Poetika: Sborniki po teorii poeticheskogo yazyka* [Poetics: Collections on the theory of poetic language]. Petrograd, 1919, pp. 151–165. (In Russ.)
- Feshchenko V. V. [Linguistic anomalies of the Russian avant-garde in the focus of linguistic theories]. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova* [Proceedings of the Institute of Russian Language by V. V. Vinogradov]. Vol. 19. Moscow, 2019, pp. 44–53. (In Russ.)
- Gasparov B. M. *Yazyk, pamyat', obraz. Lingvistika yazykovogo sushchestvovaniya* [Language, memory, image. Linguistics of linguistic existence]. Moscow, Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ., 1996. 352 p.
- Kondratov A. M. *Zvuki i znaki* [Sounds and signs]. Moscow, Znanie Publ., 1966. 210 p.; 2nd edition, Moscow, Znanie Publ., 1978. 208 p.
- Leont'ev A. A. *Puteshestvie po karte yazykov mira: Kniga dlya vneklassnogo chteniya uchashchikhsya 5–7 klassov srednei shkoly* [Journey through the map of the world's languages: A book for extracurricular reading for students in grades 5–7 of secondary school]. 2nd edition. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1990. 143 p.
- Moiseev A. I. ["Glokaya Kuzdra" by L. V. Shcherba (canonical text, variants and imitations)]. *Problemy kompleksnogo analiza yazyka i rechi: mezhvuzovskii sbornik* [Problems of complex analysis of language and speech: interuniversity collection]. Ed. by L. V. Bondarko. Leningrad, 1982, pp. 9–16. (In Russ.)
- Norman B. Yu. [Pseudoutterances as a linguistic phenomenon (based on Slavic languages)]. *Vestnik Moskovskogo un-ta. Ser. 9. Filologiya*, 2010, no. 1, pp. 32–53. (In Russ.)
- Petrushevskaya L. S. *Dikie zivotnye skazki. Morskie pomoinye rasskazy. Pus'ki Byatyie* [Wild animal tales. Sea trash stories. Pusski Byatyie]. Moscow, Eksmo Publ., 2003. 304 p.
- Rovenskiĭ Z., Uemov A., Uemova E. *Mashina i mysl' (filosofskii ocherk o kibernetike)* [Machine and thought (philosophical essay on cybernetics)]. Moscow, Politizdat Publ., 1960. 144 p.
- Shcherba L. V. [On the threefold aspect of linguistic phenomena and on an experiment in linguistics (1931)]. *Yazykovaya sistema i rechevaya deyatel'nost'* [Language system and speech behavior]. Leningrad, Nauka Publ., 1974, pp. 24–39. (In Russ.)
- Svetozarova N. D. [In the footsteps of the "Glokaya Kuzdra"]. "Vpered i verkh po lestnitse zvuchashchei". *Sbornik statei k 80-letiyu Ol'gi Fedorovny Krivnovoi* ["Forward and up the sounding staircase." Collection of articles for the 80th anniversary of Olga Fedorovna Krivnova]. Eds. by L. M. Zakharov, I. M. Kobozeva, A. E. Kostyuk, N. D. Svetozarova, Ks. P. Semenova. Moscow, Buki Vedi Publ., 2023, pp. 227–239. (In Russ.)
- Uspenskii L. V. [Glokaya kuzdra]. *Pioner*, no. 4, 1936, pp. 103–104. (In Russ.)
- Uspenskii L. V. *Slovo o slovakh* [A word about words]. Moscow, Detgiz Publ., 1954, 296 p.; 1960... Uspenskii B. A. *Ego Loquens: Yazyk i kommunikativnoe prostranstvo* [Ego Loquens: Language and communicative space]. Moscow, Russian State University for the Humanities Publ., 2007. 320 p.
- Zhuravlev A. P. *Zvuk i smysl* [Language and meaning]. 2nd edition. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1991. 160 p.